

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY — AUGUST

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2013

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2013

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **главный редактор**
О.А. СМИРНЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **зам. главного редактора по лингвистике**

Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка — **отв. секретарь по лингвистике**

Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы — **отв. секретарь по литературоведению**

Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности — **оргсекретарь**

Члены редколлегии:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. 697-31-28.

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 15.09.2013. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,0.

Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 600 экз. Изд. № 9801. Заказ №

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы II Международного симпозиума славистов в МГУ (2012)

<i>Падучева Е.В.</i> Русский имперфектив: инвариант и частные значения	7
<i>Мелиг Х.Р.</i> Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке	19
<i>Петрухина Е.В.</i> Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках.	48

Статьи

<i>Кормилов С.И.</i> Исторический контекст трагического конфликта в «Грозе» А.Н. Островского	70
<i>Федотов О.И.</i> Черное солнце Ивана Шмелева	93
<i>Калугин В.В.</i> «Книга Св. Августина»: ошибки перевода или разночтения оригинала?	110
<i>Михайлова Т.А.</i> О логике семантической деривации в возникновении и эволюции терминов свойства: др. ирл. <i>aithech tige</i> vs. др.англ. <i>husbondu</i>	125
<i>Виноградова Е.Н.</i> Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации	138

Материалы и сообщения

<i>Лифшиц А.Л.</i> Подпоручик Василий Гринков, переводчик	164
<i>Федорова Е.В.</i> Особенности лексического состава древнейшего перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского	182
<i>Зинченко Е.С.</i> Средства реализации персуазивности в баннерном сообщении	191
<i>Рылик П.А.</i> Говоры греческого острова Карпатос как часть говоров архипелага Додеканезы.	202

Критика и библиография

<i>Макеев М.С.</i> Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Том 3. Часть 1: «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. <i>Juvenilia</i> . Коллективное. <i>Dubia</i> . Редакторы тома А.С. Бодрова и Н.Н. Мазур. Подготовка текстов и текстологический комментарий А.С. Бодровой при участии А.С. Зарецкого, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова. Сопроводительная статья А.С. Бодровой.	211
<i>Гоганова А.В.</i> Гюнтер Ханс. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова	217
<i>Васильев Е.М.</i> Михаил Леонович Гаспаров. 1935–2005 / Сост. Г.Г. Грачева, Ю.Б. Орлицкий, А.Б. Устинов; авт. вступ. ст. С.И. Кормилов, Н.В. Брагинская. М.: Наука, 2012 (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык. Вып. 33)	222
<i>Ляпина Л.Е., Хворостьянова Е.В.</i> М а т я ш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011	228

Научная жизнь

<i>Пазио-Влазловская Д.</i> (Польша). Международная научная конференция «Ценности в мире славян».	235
---	-----

Юбилей

Владимир Борисович Катаев	238
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Proceedings of the II International Slavic Scholars' Symposium at Moscow State University (2012)

<i>Paducheva E.V.</i> The Russian Imperfective: The Invariant and Specific Meanings.	7
<i>Melig Kh.R.</i> The General-Referential and Concrete-Referential Meanings of the Imperfective in Russian.	19
<i>Petrukhina E.V.</i> The Types of Processual Semantics of the Imperfective Aspect in Russian and Czech.	48

Articles

<i>Kormilov S.I.</i> Historical Context of the Tragic Conflict in A.N. Ostrovsky's 'Thunderstorm'	70
<i>Fedotov A.I.</i> Ivan Shmelev's Black Sun	93
<i>Kalughin V.V.</i> 'The Book of Saint Augustine': Translation Mistakes or Differences in the Interpretation of the Original?	110
<i>Mikhailova T.A.</i> On the Logic of Semantic Derivation and the Evolution of Terms for Properties: OI <i>aitech tige</i> vs. OE <i>husbonda</i>	125
<i>Vinogradova E.N.</i> Motivated Prepositions and preposition Analogues: the Ways of Grammaticalization	138

Communications and Materials

<i>Lifshitz A.L.</i> Second Lieutenant Vassily Grinkov, a Translator	164
<i>Fedorova E.V.</i> Specific Features in the Lexical Make-up of the Oldest Translation of Theophylact of Bulgaria's 'The Explanation of the Gospels'	182
<i>Zinchenko E.S.</i> The Means to Realize Persuasiveness in Banner Communications	191
<i>Rylik P.A.</i> The Greek Island of Karpathos' Subdialects as Part of the Dodecanese Archipelago's Subdialects	202

Critique and Bibliography

<i>Makeyev M.S.</i> Boratynsky E. A. A Complete Collection of Works and Letters. Vol. 3. Part 1 / Editors A.S. Bodrova and N.N. Mazur; Preparation of texts and textological commentary by A.S. Bodrova with participation of A.S. Zaretsky, N.N. Mazur and A.M. Peskov; accompanying article by A.S. Bodrova. M., 2012.	211
<i>Goganova A.V.</i> Gunther H. On Both Sides of Utopia: The Contexts of A. Platonov's Creativity. M., 2012	217
<i>Vassiliev E.M.</i> Mikhail Leonovich Gasparov. 1935–2005 / Compiled by G.G. Gracheva, Yu.B. Orlitsky, A.B. Ustinov; authors of the prefatory article S.I. Kormilov, N.V. Braginskaya. M., 2012 (Materials towards scholars' bibliobibliography. Literature and Language. Issue 33).	222
<i>Lyapina L.E., Khvorostianova E.V.</i> Matiash S.A. XVIII–XIX Centuries Russian Poetry's Free Iambic Meter: The Genre, the Style, the Verse. St Petersburg, 2011	228

Scholarly Life

<i>Pazio-Vlazlovskaya D.</i> (Poland). International Scholarly Conference "Values in the World of the Slavs"	235
--	-----

Jubilees

Vladimir Borisovich Katayev	238
---------------------------------------	-----

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА СЛАВИСТОВ В МГУ (2012)

Продолжаем публикацию материалов Круглого стола «Вид и лексическое значение глаголов», проведенного в соответствии с научной программой Комиссии по аспектологии при Международном комитете славистов в рамках II Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире», проходившего на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 21–24 марта 2012 г.

В шестом номере нашего журнала за 2012 г. были опубликованы первые материалы этого аспектологического заседания: статьи А.А. Зализняк, А.Д. Шмелева, А. Дерганц о взаимодействии вида и лексической семантики модальных, ментальных и перформативных глаголов. В данном номере публикуется серия статей о семантике несовершенного вида в русском и других славянских языках. Исчисление частных значений немаркированного члена видовой оппозиции — несовершенного вида — по-прежнему относится к дискуссионным проблемам русской и славянской аспектологии. В предлагаемых вниманию читателей статьях данная проблема анализируется представителями разных лингвистических школ и направлений (как российских, так и зарубежных), что, как мы думаем, будет способствовать ее решению.

Редакционная коллегия выражает благодарность профессору филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *Е.В. Петрухиной* за работу по подготовке материалов славистического симпозиума к печати.

От редакции

Е.В. Падучева

РУССКИЙ ИМПЕРФЕКТИВ: ИНВАРИАНТ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Список частных значений русского несовершенного вида включает больше десятка пунктов, к тому же он все время пополняется. В качестве решения проблемы предлагается система оппозиций, которая включает, с одной стороны, небольшое число чисто грамматических противопоставлений, а с другой — вариации, порождаемые контекстом. А именно различается: а) лексический контекст; б) синтаксический контекст; в) режим интерпретации (речевой vs. нарративный) и г) дискурсивный контекст.

Ключевые слова: инвариант, частное видовое значение, ретроспекция, синхронный наблюдатель, нарратив.

The list of specific meanings of the Russian imperfective aspect includes over ten items, and it's being supplemented all the time. What is suggested as a solution

to this problem is a system of oppositions which includes a small number of purely grammatical distinctions on the one hand, and on the other — variations generated by the context. To be exact: a) lexical context; b) syntactic context; c) the mode of interpretation (speech vs narrative) and d) discursive context are distinguished.

Key words: invariant, a particular aspectual meaning, retrospection, a simultaneous observer, narrative.

1. Инвариант и частные значения

По поводу инварианта имперфектива (несовершенного вида), равно как и перфектива (совершенного вида), можно считать достигнутым относительное согласие: перфектив означает ИЗМЕНЕНИЕ, а имперфектив — либо

а) выражает НЕИЗМЕННОСТЬ, см. [Гловинская, 1982; Wierzbicka, 2002; Падучева 2004б] — в сфере линейной аспектуальности (в [Шатуновский, 2009: 27] — «продолжающееся во времени положение вещей», в том числе — «неизменное изменение»), либо

б) имеет ИТЕРАТИВНОЕ значение в сфере количественной аспектуальности [Плунгян, 2000].

Иное дело — частные значения. Исчисление частных значений русского несом. вида стало увлекательным видом спорта. Список значений уже давно включает не менее дюжины пунктов (см., например, [Падучева, 1996: 10, Храковский, 2007]; об актуально-длительном, дуративном и общефактическом значении НСВ см. [Апресян, 2009: 486ff]), и он непрерывно пополняется.

2. Новые вызовы

Новый вызов (в смысле английского *challenge*) систематизаторам значений русского имперфектива содержится в работе [Bertinetto, Ebert, de Groot, 2000], имеющей типологическую направленность, в которой были противопоставлены две разновидности ПРОГРЕССИВА:

- фокализованный ПРОГРЕССИВ (*focalized progressive*), т. е. прогрессив, имеющий точку фокализации, которая включена в ситуацию,
- дуративный ПРОГРЕССИВ (*durative progressive*), который не имеет такой точки.

Возникает вопрос, что соответствует этому делению в русском языке.

Вместе с тем в [Dahl, 1985: 138] описано аспектуальное значение, которое в одних языках выражается особой формой глагола, а в других является одной из разновидностей перфекта и названо ЭКСПЕРИЕНТИВОМ (англ. *experiential perfect*). В русском языке это значение выражается имперфективом. Ср. удачный пример русского экспериентива из [Вострикова, 2008]:

«Вам случалось тонуть, лейтенант?» «Никогда. Но акула меня кусала» (И. Бродский. Новый Жюль Верн) [аллюзия к известной песне «Жил однажды капитан» на слова В.И. Лебедева-Кумача, музыка И.О. Дунаевского: *Раз пятнадцать он тонул, погибал среди акул*].

Это значение русского несовершенного вида тоже до последнего времени не включалось даже в самые подробные списки его частных значений.

В работе предлагается список, претендующий на то, чтобы быть **системой** частных значений русского имперфектива. Предполагается, что список, в частности, должен как-то отразить все три упомянутых значения.

Система значений имперфектива строится как результат взаимодействия **собственно грамматической семантики имперфектива** (это кратность и ракурс — синхронный vs. ретроспективный) и **контекста**, в результате чего возникают частные значения, обусловленные:

- а) лексическим контекстом, а именно акциональным классом глагола;
- б) синтаксическим контекстом;
- в) режимом интерпретации;
- г) контекстом дискурса (т. е. таксисные).

Следуя традиции, сложившейся после книги [Гловинская, 1982], я ограничиваюсь значениями имперфектива в контексте наст. и прош. времени изъявительного наклонения. За пределами рассмотрения остаются:

– частные факты, связанные, например, с отрицательным императивом (*не упади / не падай; не простудись / Ты береги себя, прошу, не простужайся*);

– тот общий факт, что в **будущем времени значения НСВ не аналогичны, а зеркально симметричны прошедшему** (см. [Падучева, 2010]).

Чтобы принять во внимание эту зеркальную симметрию прошедшего и будущего, надо ставшую уже привычной ретроспекцию (которая составляет основу так называемого общефактического значения несов. вида) заменить на несинхронность, которая предполагает различие ретроспективного и проспективного ракурса. Проспективный ракурс порождает свои аспектуальные значения у формы буд. времени несов. вида, в частности, значение начинательности, которое было отмечено (в [Рассудова, 1968]) для формы императива и оставалось неисследованным у семантически родственного индикатива буд. времени. Таким образом, исчисляя частные видовые значения имперфектива, мы будем иметь в виду только формы наст. и прош. времени индикатива.

3. Некоторые принципы динамического подхода к семантике

Имеется четыре важных параметра лексического значения глагола: **акциональный класс**, или таксономическая категория, **тематический класс**, **диатеза**, **класс участника**. В [Падучева, 2004а] было показано, с одной стороны, что близкие по смыслу глаголы могут различаться именно по этим параметрам (например, глаголы *выглядеть* и *казаться*), а с другой стороны — что именно эти аспекты глагольного значения в наибольшей степени подвержены изменению при семантической деривации (см. набор значений глагола *скрывать* в [Падучева, 2004б]).

4. Основные параметры видового противопоставления:

Имеются следующие параметры, существенные для грамматической семантики вида:

- 1) позиция наблюдателя (синхронная vs. ретроспективная);
- 2) однократность vs. многократность;
- 3) ограниченность (в частности, завершенность) ситуации vs. неограниченность;
- 4) акциональный класс глагола.

Существенно, что одни и те же параметры определяют семантическую оппозицию видовых значений (т. е. отличают СВ от НСВ) и служат для различения частных значений одного и того же вида. Так, ретроспекция обязательна для СВ, а у НСВ это признак, отличающий одно частное значение от другого. Однократность характеризует СВ, в его основном значении, а НСВ может выражать в одних контекстах однократную, а в других — многократную ситуацию. Событийность — это общий признак всех значений СВ, а у НСВ событийное значение — одно из маргинальных, свойственное специальному контексту. Завершенность обязательна для СВ, а у НСВ характеризует одно из частных его значений.

Ниже в разделе 5 будут рассмотрены базовые грамматические значения имперфектива, а в разделах 6а) — 6г) — вариации, обусловленные четырьмя вышеуказанными видами контекстов: а) лексическим; б) синтаксическим; в) режимом интерпретации и г) дискурсивным. Изложение во многом опирается на работу [Падучева, 2008].

5. Базовые грамматические значения имперфектива

Базовых грамматических значений у имперфектива шесть.

ПРОГРЕССИВ, иначе — актуально-длительное (по Ю.Д. Апресяну), или конкретно-процессное (по Ю.С. Маслову) значение:

Когда я вошел в офис, он *вешал* на стену рекламный постер.

Это значение можно охарактеризовать как синхронное конкретно-референтное. Оно возникает у формы НСВ в контексте глаголов

основных акциональных классов — действий или процессов. А также деятельностей — в том числе — таких, как *сидеть, присутствовать, находится*.

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ КОНКРЕТНО-РЕФЕРЕНТНОЕ:

Ты [↗] *вешал* этот постер?

Я сегодня борщ *варила*.

Я *умолял* ее вернуться.

Это ретроспективное конкретно-референтное значение. Акцент на деятельности (а не на достижении результата); в контексте некоторых лексических классов может быть названо **акциональным** [Падучева, 1996]. Действие имело место в течение некоторого времени; ни достижение, ни недостижимость результата (в том числе — для парных глаголов, в принципе, предполагающих результат) грамматически не выражена. То же, что ограниченно-длительное.

ИТЕРАТИВ:

Почему ты все время *вскакиваешь* /*вскакивал*?

Это многократное значение; ракурс нерелевантен: он может быть и ретроспективным (в прош. времени), и синхронным (в наст. времени).

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ:

Мы с вами где-то *встречались* [= ‘возможно, не один раз’].

Мой дядя *восходил* на Эверест (пример из [Wierzbicka, 1967])

Ты когда-нибудь *вешал* [↗] рекламные постеры? [= ‘хоть раз’]

Это ретроспективное экзистенциальное значение. Оно нереферентное: речь идет о том, что данная ситуация имела место по крайней мере один раз; возникает в контексте предикации, которая обозначает потенциально кратную, т. е. воспроизводимую ситуацию.

ХАБИТУАЛИС, или узуальное значение:

По вечерам в большую комнату *собирались* соседи со всей улицы.
(А. Варламов. Купавна)

ПОТЕНЦИАЛИС:

Хороший был слесарь — любые замки *чинил*;

Мост *выдерживает* нагрузку в 20 тонн.

Потенциальное значение возникает, как и хабитуалис, предположительно, на базе итератива. Возможно другое решение относительно связи между значениями: итератив рассматривать как синтаксически обусловленное значение, а хабитуалис, потенциалис и экзистенциал — как результат изменения референциального статуса (и модальности) конкретно-референтной ситуации.

Переходим теперь к контекстно обусловленным значениям.

ба) Лексически обусловленные частные значения

Рассмотрим вначале лексически обусловленные варианты актуально-длительного, т. е. синхронного значения.

– Стативное значение (постоянно-непрерывное по [Бондарко, 1971: 30]):

Окна гостиницы *выходят* на юг

Возникает в контексте глаголов постоянного свойства или соотношения. Ракурс несуществен, хотя обычно синхронный.

– Континуальное значение:

Иван *борется* с коррупцией;

Его жена *руководит* аспирантом.

Возникает в контексте глаголов обобщенной деятельности (*generic states* по Вендлеру). Ракурс несуществен.

– Тенденция, предстояние, перфектное состояние:

а. Он *выигрывает*, Мы *опаздываем* [тенденция];

б. Итак, я *прихожу* к вам завтра в семь; В субботу я *встречаюсь* с приятелями

[предстояние, наст. время];

в. Его *осуждали* на пять лет, но тут вышел указ [предстояние, прош. время];

В 1980 году *исполнялось* столетие со дня рождения Блока;

На следующей неделе он *уходит* в отпуск.

г. До конца матча *остается* пять минут [‘осталось’, перфектное состояние]

Возникает в контексте МОМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГЛОВ при синхронном ракурсе.

– Интерпретационное значение НСВ (см. [Гловинская, 1989]):

а. Вы *ошибаетесь*,

б. Ты *рискуешь* [интерпретация поступка];

в. Обижаешь, Я шучу, Вы мне льстите = ‘польстили’.

Это значение возникает в контексте так наз. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ГЛАГЛОВ ([Апресян, 2009: 602]). Кроме того, это значение возможно и у обычных глаголов. Основу семантического сдвига составляет мена таксономической категории: глагол категории действия переходит в класс глаголов поведения. Именно это обуславливает несинонимичность несовершенного вида совершенному. Так, в составе оборота *Много на себя берешь!* нельзя заменить НСВ на СВ, хотя поступок, речевой или не речевой, который породил это высказывание, уже имел место: глагол характеризует не поступок, а тип поведения.

Интерпретационное значение НСВ возможно и в прош. времени; т. е. это именно значение вида (а не видо-временное):

Как я *ошибался!*

Он *нарушал* закон.

Имеются лексически обусловленные варианты и у общефактического, т. е. ретроспективного значения

– Общефактическое двунаправленное:

К тебе кто-то *приходил* (= ‘пришел и ушел’); Ты *открывал*↗
окно?

Это значение возникает в контексте РЕВЕРСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ, т. е. глаголов, для которых определено противоположно направленное действие или событие: результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием или событием. Естественно, оно возможно только для парных глаголов НСВ, т. е. исключено у глаголов *imperfectiva tantum*, для которых не имеет смысла понятие результата (В [Paducheva, 2012] утверждается на этом основании, что глагол *быть* в значении двунаправленного перемещения, отмеченном в [Апресян, 2012], может употребляться и как глагол совершенного вида, так что является, в этом смысле, парным.) Это значение возможно только при ретроспективном ракурсе, т. е. невозможно в наст. времени.

– **Общезначимое неопределенное:**

<Где мои ключи?> Они *лежали* на столе; Вы *искали* коменданта?
[по [Гловинская 1982] — **нерезультативное**]

Это значение возникает в контексте НЕОПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ. Не следует думать, что НСВ в общезначимом значении обозначает закончившееся действие (ср. [Апресян, 2009: 521]) — прош. время глагола вовсе не гарантирует, что ситуация перестала иметь место в настоящий момент, ср. *Я вас любил. Любовь еще быть может в моей душе угасла не совсем*. См. об этом специально в [Klein, 1994].

6б) Синтаксически обусловленные частные значения

– **Дуратив** (термин из [Timberlake, 1985]) — значение, которое возникает в контексте обстоятельства длительности, быть может, подразумеваемого; иначе — ОГРАНИЧЕННО-ДЛИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ:

В этом ущелье с июля по октябрь геологи *искали* алмазы (пример из [Гловинская, 1982]).

Контекст обычного обстоятельства длительности обеспечивает ретроспективный ракурс: деятельность или процесс длится на определенном промежутке времени в прошлом. Дуративное значение может возникать, при ретроспективном ракурсе, также в контексте объемлющего обстоятельства времени:

Мы *вчера размораживали* холодильник /*чинили* велосипед.

Истекший временной интервал может быть задан не эксплицитно, см. пример, предложенный Х.Р. Мелигом (устное сообщение):

<Что за шум был вчера за стеной?> Это соседи *передвигали* пианино.

Вопрос о достижении цели (для глаголов класса *achievement*) в этом случае остается открытым. Ограниченно-длительное значение фактически неотличимо от конкретно-референтного ретроспективного.

В контексте обстоятельства длительности, допускающего синхронный ракурс [Падучева, 1996: 175], видовое значение — прогрессив; синхронный ракурс не сочетается с ограничением длительности:

Шестой уж год я царствую спокойно (Пушкин) [синхронный ракурс].

– Состояние ненаступления события — значение, которое возникает в контексте отрицания [Рассудова, 1982: 67]:

Я подошел и остановился в двух шагах. Они *не замечали* меня (А. Куприн).

– Родственник? — спросил он <...> Я *не отвечал*, но так же прямо смотрел в глаза его превосходительства (Герцен. Былое и думы).

Он настаивал на том, чтобы тетя <...> *не продавала* дом, окутанный приятными воспоминаниями детства.

Состояние ненаступления события возникает за счет того, что глагол в контексте отрицания переходит в другой акциональный класс: глагол без отрицания обозначает действие или событие, а в сочетании с отрицанием — состояние.

бв) Частные значения, обусловленные режимом интерпретации

В контексте наст. времени нарративного режима у глагола несом. вида возникает событийное значение:

В 1994 году Солженицын *возвращается* [\approx *вернулся*] в Москву.

Это значение очень близко к значению перфектива в речевом дискурсе.

Событийное значение имперфектива, возникающее в нарративном контексте, противопоставлено обычному прогрессиву:

Я его *спрашиваю* [событийное значение имперфектива], а он *молчит* [прогрессив].

Иными словами, в нарративе, когда форма наст. времени понимается в значении наст. исторического, видовая форма имперфектива может иметь как специальное, событийное значение, продвигающее повествование вперед, так и обычное для имперфектива — синхронное, актуально-длительное.

бг) Дискурсивные значения имперфектива

Для формы имперфектива первичной дискурсивной функцией является синхронная — в противоположность первичной секвентной функции перфектива (по Барентсену). Иными словами, форма обозначает ситуацию, одновременную с той, которая задана предшествующим предложением. Пример их традиционного нарратива с базовым прош. временем:

Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани *дожидались* их. (Пушкин. Метель)

Дискурсивные функции русского вида предположительно вытекают из значения этих форм в независимом высказывании. Имеется различие между русским и чешским (отмеченные в [Петрухина, 2000: 84, Dickey, 2000]). В чешском имперфектив может употребляться в секвентной функции там, где русский требует глагола в сов. виде:

(а) *Он схватил меня за руку и *тянул*. [надо сказать: и *стал тянуть* (или *потянул*)]

(б) **Снял шапку и крестился*.

Фраза из Бунина звучит как перевод с чешского:

Она *посмотрела* на молодого царя, во весь рост написанного среди какой-то блистательной залы, <...> и выжидательно *молчала*. [И.А. Бунин. Легкое дыхание (1916)]

Вопрос — вытекает ли это различие дискурсивных функций русского и чешского имперфектива из различия значения этих форм в независимом высказывании, или это именно дискурсивное различие.

НСВ в ограниченно-длительном значении имеет секвентную функцию, как и СВ:

Привалов поздоровался с девушкой и *несколько мгновений* смотрел на нее.

Однако имперфектив все-таки может употребляться в секвентной функции и в русском языке. Эта проблема требует дальнейшего изучения:

Он теперь *разделся* и *стоял* в трусах. [Фазиль Искандер. Рассказ о море (1962)]

Он уже *разделся* и *стоял* передо мной голый, худощавый. [В.П. Беляев. Старая крепость (1937–1940)]

В чешском языке несоев. вид реже, чем в русском, употребляется «в значении совершенного»; например, НСВ не употребляется в императиве в значении побуждения, как в русск. *Проходите!*, *Садитесь!*. В том месте, где в газете «Правда» было в свое время написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в “Rude pravo” фигурировало *Proletáři všech zemí, spojte se!*, букв., «... соединитесь!».

Проблема: касается ли это различие между русским и чешским языком собственно семантики вида? Или речь идет о разнице в концептуализациях, привычных для той или иной языковой модели мира: там, где русский язык ставит в фокус внимания деятельность (которую, как известно, самое трудное — начать, ср. принцип «лиха беда начало»), чешский, следуя европейскому стандарту, упрощает дело, сосредотачиваясь на результате. Языковая модель мира определяется набором свойственных данному языку концептов, и концепты, можно думать, различаются в первую очередь акцентами, поставленными на разных сторонах явлений «объективной действительности».

7. Фокализированный и дуративный прогрессив; экспериентив

Что касается фокализованного и дуративного прогрессива по Bertinetto, Ebert, de Groot 2000, то внутренняя точка фокализации (т. е. синхронный наблюдатель) — это обычное актуально-длительное значение, а дуративный прогрессив — это то же, что ретроспективное конкретно-референтное значение и ограниченно-длительное значение. Именно дуративный прогрессив возникает, например, в контексте объемлющего показателя времени:

Мы вчера размораживали холодильник / чинили велосипед.

Что же касается экспериентива [Dahl, 1985: 138], то это то же, что экзистенциальное, т. е. ретроспективное нереперентное значение имперфектива. Как правило, экспериентив иллюстрируется примерами, когда событие имеет характер некоего жизненного опыта, ср. пример (а); однако различие между (а) и (б) скорее прагматическое:

(а) Мой дядя *восходил* на Эверест.

(б) За это время давление пара в котле *повышалось* (хоть раз)?

В примере, который обсуждался еще в [Forsyth, 1970], всегда вызывал недоумение обязательный имперфектив *писал* во втором предложении. Возникает вопрос, какое значение имеет здесь НСВ и почему в этом контексте совершенно исключен СВ?

В этой портерной я написал первое любовное письмо к Вере. *Писал* карандашом. (А. Чехов)

В статье [Гренн, Филюшкина Краве, 2007] этот имперфектив объясняют тем, что он имеет анафорическую функцию: при анафоре выбирается глагол несов. вида как немаркированный член видового противопоставления. Можно, однако, это правильное наблюдение об анафоре истолковать таким образом, что в нарративном режиме наблюдатель перемещается в прошлое, так что возникает синхронный ракурс и обычное актуально-длительное значение.

8. Заключение

В заключение сформулируем главный вывод нашего анализа разветвленной системы значений имперфектива. Семантика незавершенности, которая дала имперфективу его название (*имперфективный* = несовершенный), на самом деле вовсе не является для имперфектива конституирующей: она возникает лишь в определенных контекстах, которые задают синхронную позицию наблюдателя. Синхронный наблюдатель является для имперфектива основным, но не единственным. Так, при ретроспекции вопрос о завершенности действия или процесса остается открытым. Проспективный наблюдатель, который

возникает в буд. времени или в императиве [Падучева, 2010], тоже не предполагает незавершенности. Что характеризует несовершенный вид — это подвижность перспективы. Именно эта подвижность отличает несовершенный вид от совершенного, который, напротив, во всех временных формах предполагает ретроспективный ракурс.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М., 2009.
- Апресян Ю.Д.* Грамматика глагола в активном слове русского языка // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сборник статей в честь И.А. Мельчука. М., 2012.
- Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Вострикова Н.В.* Предложения с экспериментальной семантикой: особенности интонации. Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Коздасова. М., 2008.
- Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- Грен А., Филюшкина Краве М.* Конкуренция видов: прагматические импликатуры и анафорические пресуппозиции несовершенного вида. Вопросы языкознания. 2007. № 4.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд. М., 1996; 2010. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004а. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>
- Падучева Е.В.* О параметрах лексического значения глагола: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Т. 3: Проблемы русской лексикографии / Ред. Л.П. Крысин. М., 2004.
- Падучева Е.В.* Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. N 3. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/imperf_negation_VJa1.pdf
- Падучева Е.В.* Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя. Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 3. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>
- Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Плунгян В.А.* Общая морфология. М., 2000.
- Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.

- Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад) миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой. СПб., 2007.
- Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М., 2009.
- Bertinetto P.M., Ebert K.H., de Groot C. Progressive in Europe // Dahl Ö. (ed) . Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20-6]. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruiter, 2000.
- Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxf.; N.Y.: Basil Blackwell, 1985.
- Dickey S.V. Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. CSLI publications, Stanford, California, 2000.
- Forsyth J. A Grammar of Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies, Language 86, 2010.
- Klein W. Time in language. London and New York. Routledge, 1994.
- Paducheva E.V. Russian *byt'* used as a verb of perfective aspect. The conference of the Australian linguistic society ALS2012, The University of Western Australia, Perth, 05-07.12.2012.
- Timberlake A. The temporal schemata of Russian predicates. — In: Issues in Russian morphosyntax / Ed. by M. S. Flier, R. D. Brecht. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1985.
- Wierzbicka A. Actions, events and movements and the problem of aspect in Polish natural semantic metalanguage Semantic Primes and Universal Grammar // Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (eds.). Meaning and Universal Grammar. Theory and empirical findings. Vol. II. Amsterdam: John Benjamins. (Studies in Language Companion Series) 2002.

Сведения об авторе: Падучева Елена Викторовна, докт. филол. наук, профессор, главный научный сотрудник ВИНТИ РАН. E-mail: elena.paducheva@yandex.ru

Х.Р. Мелиг

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ И ЕДИНИЧНО-ФАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Глагольные предикации являются «скрытыми» бытийными высказываниями. Их функция заключается в предоставлении информации о существовании одной или нескольких ситуаций в данном дискурсе. Аналогично именованным группам в бытийных предложениях предикации могут иметь конкретно-референтный или общереферентный статус и соответственно отсылать к одной или нескольким индивидуализованным ситуациям (TOKEN) или к общей ситуации (TYPE). На примере предикаций в прошедшем времени показано, что различие между конкретно-референтным и общереферентным статусами предикации в дискурсе является релевантным для категории вида в русском языке.

Ключевые слова: русский язык, глагольный вид, референциальный и коммуникативный статус глагольной предикацией в дискурсе, Token (экземпляр) vs. Type (тип), анафора, отрицание.

Verbal predications are “covert” existential statements. Their function is to provide information on the existence of situations in a given discourse. Analogous to nominal groups in existential sentences, verbal predicates can have either concrete-referential status or general-referential status, and accordingly refer to one or more TOKENS or to the TYPE of the denoted situation. Based on examples in the past tense, it is shown that the difference between TOKEN and TYPE reference is relevant for the category of aspect in Russian.

Key words: Russian, verbal aspect, referential status of verbal predications, anaphora, negation, Token vs. Type, Topic vs. Focus.

1. Глагольные предикации и бытийность

Бытийные высказывания имеют функцию установления существования пространственных или временных сущностей на некотором отрезке пространства и/или времени. Они состоят из трех компонентов: во-первых, из локализатора, т. е. из выражения, обозначающего пространство, для которого устанавливается существование некоторого объекта; во-вторых, из выражения, которое обозначает в этом пространстве существующий объект; в-третьих, из выражения, обозначающего существование этого объекта [Арутюнова, 1976; Арутюнова, Ширяев, 1983]. Именные группы в бытийном предложении могут иметь два принципиально различных статуса. Во-первых, они

могут отсылать к одной или к нескольким индивидуализованным, локализованным во временно-пространственном мире дискурса сущностям, к «экземплярам» (TOKEN) обозначаемых сущностей, как в следующем примере.

(1) [В зоопарке] В этом вольере у нас находятся волки.

В этом примере именная группа *волки* имеет конкретно-референтный статус. Она обозначает закрытый класс. Обозначаемые референты могут быть идентифицированы как индивиды и перечислены.

Во-вторых, именная группа в бытийном предложении может отсылать и к общим, во временно-пространственном мире дискурса нелокализованным сущностям, как в следующем примере.

(2) У нас в лесу водятся волки.

В примере (2) сообщается, что наш лес характеризуется тем, что в нем есть волки. В таком случае именная группа *волки* отсылает не к конкретным «экземплярам», а к «типу» (TYPE), к «роду» (KIND) обозначаемого объекта. При отсылке к «типу» множественное число не несет информации о количестве волков, имеющихся в лесу. Оно сообщает только о том, что у нас в лесу есть по крайней мере один объект, принадлежащий к классу *волков*. Поэтому высказывание в примере (2) было бы «истинно» и тогда, когда в лесу водился бы только один единственный волк. При отсылке к «типу» именная группа *волки* имеет общереферентный [Козинцева, 1991:18] или родовой статус [Апресян, 2009: 498]¹.

Бытийные предложения могут отсылать не только к пространственным, но и к временным сущностям, т. е. к ситуациям, как показывает следующий пример.

(3) В Альпах происходят обвалы.

Если локализатор, как в этом примере, отсылает к Альпам и таким образом к индивидуализованной сущности, то именное выражение *обвалы* тоже допускает два осмысления. Оно может отсылать как к нескольким «экземплярам», т. е. к временно-пространственным

¹ Для этого различия используются самые разные термины, например, частная vs. общая предметная отнесенность [Маслов, 1975:113], конкретный референтный статус vs. родовой статус [Апресян, 2009:498], конкретнореферентный vs. общереферентный статус [Козинцева, 1991: 18], Individual vs. Genus [Krámský, 1972: 30], Object vs. Kind [Krifka, 1995: 403], Specific vs. non-specific reference [Karttunen, 1971], Referentiality vs. non-referentiality [Givón, 1978: 293; Падучева 1985: 86–101], Type (тип) vs. Token (экземпляр) [Langacker, 1991: 55–58; Leiss, 2000: 254–259; Dahl, Hedin, 2000: 386–389; Hedin, 2000; Mueller-Reichau, 2010: 57–66]. Я также использовал для этого различия в более ранних работах понятия «актуализованная» vs. «неактуализованная» ситуация (±AKTUALITÄT). В дальнейшем я буду употреблять термины «конкретно-референтный» и «общереферентный» статус. Языковое выражение, имеющее «конкретно-референтный» статус, отсылает к одним или нескольким «экземплярам» (TOKEN) обозначаемой сущности. Языковое же выражение, имеющее «общереферентный» статус, отсылает к «типу» (TYPE) обозначаемой сущности.

локализованным ситуациям, так и к «типу», к «роду» обозначаемой ситуации. Отсылка к нескольким «экземплярам» имеет место, когда обвалы происходят во время высказывания, и тем самым настоящее время понимается как настоящее актуальное. Однако пример (3) может обозначать и свойство Альп. В этом втором осмыслении именная группа относится к «типу», к «роду» обозначаемой ситуации и высказывание было бы «истинно» и тогда, когда во время высказывания никаких обвалов не происходило бы. Если локализатор отсылает не к индивидуализованным сущностям и цель высказывания состоит в том, чтобы произвести сообщение о горах вообще, то именная группа *обвалы* может отсылать только к «типу».

(3а) В горах происходят обвалы.

Локализованность обозначаемого референта в пространстве дискурса предполагает, что и локализатор имеет конкретно-референтный статус и, таким образом, отсылает к «экземпляру» обозначаемой сущности.

Глагольные предикаты могут быть употреблены как в инфинитивной, так и в финитной форме. Когда предикаты употребляются в инфинитивной форме, как в примере (4), мы имеем дело с нереферентным употреблением предиката. Носителем референции в этом примере является финитная форма глагола *может*.

(4) Саша может поднять ^[CB] / поднимать ^[HCB] 30 кг одной рукой.

Если, напротив, глагольные предикаты употребляются в финитной форме, и, таким образом, наличествует предикация, то мы имеем дело со «скрытыми» бытийными высказываниями. Предикации, т. е. глаголы в финитной форме, по аналогии с бытийными предложениями, сообщают о существовании некоторой ситуации в мире дискурса. Так, в примере (5) предикация сообщает, что в течение прошлой недели имела место встреча между Сашей и Машей в Москве.

(5) На прошлой неделе Саша и Маша встретились^[CB] в Москве².

Обстоятельство времени *на прошлой неделе* образует временной локализатор для бытийного высказывания. Финитная форма *встретились*^[CB] содержит двойную информацию. Во-первых, она сообщает, что во время прошлой недели некоторая ситуация имела место и, во-вторых, описывает эту ситуацию как *встречу между Сашей и Машей*. Эту двойную функцию финитной формы глагола, а именно введения в дискурс в своем существовании некоторой ситуации и одновременно описания ее, можно продемонстрировать посредством преобразования глагольной предикации в бытийное предложение.

(6) На прошлой неделе имела место встреча между Сашей и Машей.

² Прописными буквами обозначается слово, которое является интонационным центром высказывания.

Преобразование глагольной предикации в бытийное предложение состоит по аналогии с именными бытийными предложениями из трех компонентов, во-первых, – теперь временного – локализатора (*на прошлой неделе*), во-вторых, бытийного глагола (*иметь место*) и, в-третьих, номинализованной формы описания ситуации (*встреча*).

1. Временной локализатор обозначает временное пространство, в котором реализуется бытийное высказывание. В нашем примере временной локализатор *на прошлой неделе* имеет функцию более точно локализовать обозначаемую ситуацию внутри временного пространства, обозначаемого прошедшим временем. Без локализатора *на прошлой неделе* обозначаемая ситуация в примере (6) локализовалась бы во временном пространстве, начало которого определяется прагматически и которое простирается до времени высказывания.

2. Бытийный глагол как второй компонент принимает на себя информацию о существовании. Для предикатов, которые обозначают «эпизодические» ситуации (*stage-level predicates*), таковым является в первую очередь бытийный глагол *иметь место*. Бытийный глагол *иметь место* сочетается с эпизодическими ситуациями любой семантики³. Кроме того, для временных сущностей в бытийных предложениях может быть употреблен и глагол *быть*. Другие глаголы, которые могут обозначать существование временных сущностей в бытийном предложении, а также ограничения в их употреблении см. [Арутюнова, Ширяев, 1983: 128–137]. При номинализации глагольное описание ситуации теряет возможность выражать категории времени, вида, залога и модуса. Эту информацию принимает на себя при преобразовании бытийный глагол. Если бытийный глагол обладает видовыми формами, как, например, *происходить*^[НСВ] или *совершаться*^[НСВ], то он может выражать и видовую характеристику.

3. Третьим компонентом при преобразовании глагольной предикации в бытийное предложение является номинализованное описание ситуации. Оно состоит из номинализованного глагольного выражения и всех от него зависящих дополнений. Другими словами, оно содержит все, что является синтаксически и семантически зависимым от глагольного выражения.

Глагольные предикации так же, как и именные группы в бытийных предложениях, могут иметь три разных коммуникативных статуса в дискурсе. Их можно продемонстрировать с помощью

³ «Вневременные» или «квалитативные» предикаты (*individual-level predicates*), обозначающие некантифицируемые ситуации, как, например, *владеть языком*, не сочетаются с бытийным глаголом *иметь место*. Сущности, обозначаемые «вневременными» предикатами, не *имеют место*, а *существуют*.

применения к бытийному преобразованию предикации членения на «тему» и «рему». Если предикация вводит новую ситуацию в дискурс и тем самым имеет *нейтральный* коммуникативный статус, то бытийный глагол и описание ситуации вместе образуют рему бытийного предложения.

(6а) → На прошлой неделе
[имела место встреча между Сашей и МашЕЙ]_{рема}

Если предикация имеет цель верифицировать существование обозначаемой ситуации и таким образом имеет *верификативный*⁴ коммуникативный статус, то рему бытийного предложения образует только бытийный глагол.

(6б) На прошлой неделе Саша и Маша встретились ^[СВ] в Москве.
→ На прошлой неделе
[встреча между Сашей и Машей]_{тема}
[ИМЕЛА место]_{рема}

Наконец глагольная предикация может иметь и *экспликативный* коммуникативный статус. Он налицо, если существование какой-то ситуации предполагается, и предикация имеет цель только описать предполагаемую в своем существовании ситуацию. В таком случае рему бытийного предложения образует только описание ситуации.

(6в) – Откуда Саша и Маша знают об этом?
– Они на прошлой неделе встретились ^[СВ] в Москве.
→ На прошлой неделе [имела место]_{тема}
[встреча между Сашей и МашЕЙ]_{рема}

Независимо от их коммуникативного статуса глагольные предикации по аналогии с именами в бытийных предложениях могут отсылать как к «типу», так и к «экземпляру» обозначаемой ситуации, т. е. могут иметь конкретно-референтный или общереферентный статус. Референтный статус предикации является в русском языке релевантным для категории вида. Глагольные предикации, которые имеют общереферентный статус и тем самым отсылают к «типу» обозначаемой ситуации, допускают в русском языке только употребление НСВ. Глагольные же предикаты, которые имеют конкретно-референтный статус и тем самым отсылают к одному или нескольким «экземплярам» обозначаемой ситуации, допускают употребление как СВ, так и НСВ. Или иначе: глагольные предикации в СВ всегда отсылают к одному или нескольким «экземплярам», т. е. к индивидуализованным, локализованным в дискурсе ситуациям. В отличие от этого глагольные предикации в НСВ могут отсылать как к «экземплярам», так и к «типу» обозначаемой ситуации.

⁴ Термин «верификативный» взят из [Adamec, 1966: 27].

2. Предикации в НСВ, отсылающие к «типу» обозначаемой ситуации

2.1. Предикации в НСВ, отсылающие к «типу» обозначаемой ситуации, имеющие верификативный коммуникативный статус

Без дальнейшего контекста такой вопрос как (7) в НСВ отсылает к общей ситуации, т. е. к «типу» обозначаемой ситуации.

(7) Саша и Маша на прошлой неделе **встречались** ^[НСВ]?

Поскольку мы имеем дело с общим вопросом, предикация имеет верификативный коммуникативный статус. Ремой в бытийной парафразе является бытийный глагол *иметь место*.

(7а) → На прошлой неделе [встреча между Сашей и Машей]_{тема}
[ИМЕЛА место]_{рема}?

С помощью предикации (7) запрашивается, имела ли место в релевантном временном пространстве, т. е. на прошлой неделе, хотя бы одна ситуация, принадлежащая к классу ситуаций, которые можно обозначать как *встреча между Сашей и Машей*. В таком случае мы имеем дело с употреблением НСВ, которое называется общефактическим значением НСВ⁵. Как в вопросе, так и в ответе количество обозначаемых ситуаций остается открытым. Поэтому обозначаемая ситуация не допускает временной локализации во временном пространстве *последняя неделя*, здесь представлено «неопределенно локализованное действие» [Козинцева, 1991: 14]. Количество ситуаций может быть специфицировано дальнейшим контекстом.

(7б) – Саша и Маша на прошлой неделе **встречались** [НСВ]?
– Да, они **встречались**, но только один раз / даже три раза.

Если описание ситуации с НСВ в общефактическом значении в дальнейшем контексте упоминается повторно, то специфицирование количества может быть осуществлено и через выбор вида.

(7в) – Саша и Маша на прошлой неделе **встречались** ^[НСВ]?
– Да, они **встречались** ^[НСВ].
– И где они **встречались** ^[НСВ] / **встретились** ^[СВ]?

При повторном упоминании в НСВ остается неопределенным, имела ли место одна или несколько встреч. Напротив, исходное высказывание в общефактическом НСВ при повторном упоминании в СВ понимается как отсылка к одной ситуации обозначаемого «типа», т. е. к одной встрече.

Так как при отсылке к «типу» количество обозначаемых ситуаций остается неопределенным, обозначаемые ситуации не могут быть

⁵ Как это принято в русской аспектологии, я буду говорить о разных «значениях» НСВ. Было бы более корректно, говорить о разных «интерпретациях» или «функциях» НСВ, которые они могут приобрести посредством лексического значения предиката, языкового и ситуативного контекста и не в последнюю очередь в соответствии с нашим представлением о мире.

идентифицированы ни говорящим, ни адресатом. Поэтому номинализованное описание ситуации в бытийной парафразе (7а) в артиклевом языке, таком, как английский, должно быть введено неопределенным артиклем или другим показателем неопределенности.

(7д) Was there a meeting between Sasha and Masha last week?

Такое употребление неопределенного артикля обозначается как нереферентное (например [Князев, 2007: 210–213]), или как неспецифическое (например [Karttunen, 1971])⁶. В русском языке нереферентная неопределенность описания ситуации в бытийной парафразе может быть маркирована тем, что номинализованное описание ситуации вводится прилагательным местоимением *такой*⁷.

(7е) На прошлой неделе такая ситуация, как встреча между Сашей и Машей, имела место?

Когда предикация имеет общереферентный статус и, таким образом, отсылает к «типу» обозначаемой ситуации, предикация не допускает перфективации. В русском языке отсылка к «типу» обозначаемой ситуации возможна только в НСВ.

Отсылка к «типу» всегда предполагает, что в релевантном пространстве имеется больше, чем один «экземпляр» этого «типа». Для глагольных предикатов отсылка к нескольким сущностям означает, что обозначаемые ситуации должны быть потенциально повторимы, см. [Mehlig, 1979: 159–161; 2000: 115–120; Падучева, 1996: 39; Шатуновский, 2004 и, в особенности, Шатуновский, 2009: 140–147]. Исторические события не выполняют это условие, поэтому НСВ в примере (8) не допускает общефактическую интерпретацию⁸.

(8) В 1799 г. Суворов переходил ^[НСВ] через Альпы.

Как я пытался показать в [Mehlig, 2011: 187–192] все возможные прочтения общефактического НСВ, такие, как, например, двунаправленность обозначаемой ситуации или так называемое общефактическое нерезультативное, можно вывести из критерия потенциальной повторяемости обозначаемой ситуации.

Такой пример, как (9), как будто противоречит критерию потенциальной повторяемости, так как на основе нашего представления о мире обозначаемая ситуация в течение одного утра не повторяется.

⁶ Нереферентную неопределенность (non-specific indefiniteness) надо отличать от референтной неопределенности (specific indefiniteness). Нереферентная неопределенность налицо, когда языковое выражение отсылает к не-индивидуализованным сущностям, к «типу» обозначаемого объекта. Референтная неопределенность налицо, когда языковое выражение отсылает к индивидуализованным сущностям, к «экземплярам» обозначаемого объекта, которые говорящему известны, а адресату не известны, т. е. к объектам, которые адресат не может идентифицировать.

⁷ О местоимении *such* 'такой' как в показателе нереферентной неопределенности см. [Landman, Morzycki, 2003].

⁸ НСВ в этом примере в зависимости от контекста может иметь единично-фактическое, но также и актуально-длительное и дуративное значение. См. об этом ниже.

- (9) Саша сегодня утром брился ^[НСВ]?
→ Сегодня утром такая ситуация, как [*Саша брился*] ИМЕЛА место?

В общефактической интерпретации НСВ отсылает к ситуации, которая повторяется циклично [Leinonen, 1985: 195–199]. Запрашивается, имела ли место такая ситуация, как *Саша брился*, которая обычно происходит каждое утро, и сегодня утром.

Обе эти возможности осмысления НСВ в общефактическом значении, с одной стороны, неопределенность количества ситуации, к которым предикация отсылает, и, с другой стороны, отсылка к точно одной ситуации обозначаемого «типа», были различены и терминологически, а именно как «общефактическое экзистенциальное» и «общефактическое конкретное» [Падучева, 1996: 46]. Без знания контекста обычно нельзя решить, какое из этих употреблений НСВ в общефактическом значении имеет место. Наш выше приведенный пример (7) допускает оба осмысления.

Если говорящий и адресат знают или исходят из предположения, что Саша и Маша в течение одной недели встречаются только один раз, то мы имеем дело с общефактическим конкретным. Без этого контекста НСВ в примере (7) будет осмыслен как общефактическое экзистенциальное. Цель вопроса (7) во втором случае состоит в том, чтобы выяснить, имела ли место хотя бы одна такая ситуация, как встреча между Сашей и Машей в течение последней недели.

Если НСВ употребляется в общефактическом значении, то обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику. Поэтому у такой предикации, как (10) с НСВ в общефактическом значении в принципе остается открытым вопрос, заполнена ли анкета до конца.

- (10) Саша когда-нибудь заполнял ^[НСВ] такую анкету?

Без дальнейшего контекста этот пример понимается как отсылка к ситуации, которая достигла своей кульминационной точки.

- (10а) – Саша когда-нибудь заполнял ^[НСВ] такую анкету?
– Да, заполнял ^[НСВ] и даже отправил ^[СВ].

Однако в такой интерпретации мы имеем дело с имплицатурой, которую можно снять, как показывает следующий контекст.

- (10б) – Саша когда-нибудь заполнял ^[НСВ] такую анкету?
– Да, заполнял ^[НСВ]. Но он ее тогда до конца не заполнил ^[СВ].

Если, напротив, наш пример (7) *Саша и Маша на прошлой неделе ВСТРЕЧАЛИСЬ* ^[НСВ]? однозначно интерпретируется как отсылка к ситуации, которая достигла своей кульминационной точки, то это происходит только потому, что предикат *встречаться с кем-нибудь* обозначает ситуацию без подготовительной процессной фазы и, таким образом, ситуацию, которая не может быть безрезультатной.

2.2. Предикации в НСВ, отсылающие к «типу» обозначаемой ситуации, имеющие нейтральный или экспликативный коммуникативный статус

Мы до сих пор объясняли общефактическое употребление НСВ на примере предикаций, которые имели верификативный коммуникативный статус. Но и для предикаций, которые имеют нейтральный или экспликативный статус верно, что общефактическое осмысление НСВ возможно только тогда, когда выполняется критерий потенциальной повторяемости. Это показывает следующий пример, в котором вводится в дискурс «тип» ситуации *находить* ^[НСВ] *белый гриб*. Тем самым предикация имеет нейтральный коммуникативный статус.

(11) В этом лесу мы в прошлом году находили ^[НСВ] белые грибы.

→ В прошлом году [имела место такая ситуация, как X]_{рема}.

Пример (11) может иметь и экспликативный коммуникативный статус, и тем самым описывать ситуацию, существование которой как «тип» предполагается, как в следующем примере

(11a) – Почему вы за грибами в химкинский лес едете?

– Мы в прошлом году там находили ^[НСВ] белые грибы.

Может быть, и в этом году найдем.

M. Leinonen [1982: 235] принадлежит наблюдение, что пример (11), если предикация имеет нейтральный или экспликативный коммуникативный статус, не допускает внутреннего аргумента в единственном числе.

(11a) *В этом лесу мы в прошлом году находили ^[НСВ] белый гриб.

Употребление внутреннего аргумента в единственном числе невозможно, потому что в таком случае не выполняется критерий потенциальной повторяемости. Предикат *находить* ^[НСВ] *гриб* обозначает ситуацию с непосредственным результатом (direct result), который согласно нашим представлениям о мире не допускает аннулирования. Поэтому пример (11a), в котором внутренний аргумент отсылает к конкретному «экземпляру», и, таким образом, имеет конкретно-референтный статус, осмысления не допускает. Найденный гриб должен быть отнесен обратно в лес, чтобы его можно было снова найти. Критерий воспроизводимости выполняется для этого предиката только тогда, когда внутренний аргумент имеет общереферентный статус, т. е. отсылает к «типу» обозначаемого объекта, что для исчисляемого существительного такого, как *гриб* в предикациях с нейтральным или экспликативным коммуникативным статусом требует употребления множественного числа.

В отличие от (11a) в следующем примере (12) общефактическое употребление НСВ допускается и тогда, когда внутренний аргумент имеет конкретно-референтный статус и отсылает к «экземпляру»

обозначаемого объекта, поскольку предикат *видеть лося* обозначает ситуацию с «косвенным эффектом» (indirect result)⁹.

(12) В этом лесу мы в прошлом году видели ^[НСВ] лося.

Одного и того же лося можно увидеть несколько раз. Поскольку исчисляемое существительное *лось* во множественном числе может относиться как к нескольким индивидуализованным объектам, так и к «типу» обозначаемого объекта, высказывание в следующем примере (12а) оказывается амбивалентным.

(12а) В этом лесу мы в прошлом году видели ^[НСВ] лосей.

Внутренний аргумент, с одной стороны, может иметь конкретно-референтный статус и относиться к нескольким «экземплярам», к определенной группе лосей, которую мы в прошлом году видели хотя бы один раз. Внутренний аргумент может, с другой стороны, по аналогии с примером (11) иметь и общереферентный статус и тем самым быть осмысленным как отсылка к «типу» *лось*.

Употребление НСВ в общефактическом значении не имеет никаких семантических ограничений. Онтологические критерии, такие как точечность, дуративность, агентивность или контролируемость обозначаемой ситуации, не являются релевантными для общефактического употребления НСВ. Любая ситуация, выполняющая критерий потенциальной повторяемости, воспроизводимости во времени, допускает употребление НСВ в общефактическом значении. Или точнее: если НСВ употребляется в общефактическом значении, то тем самым обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторяемая.

3. Предикации в СВ, отсылающие к «экземпляру» обозначаемой ситуации

3.1. Предикации в СВ с верификативным коммуникативным статусом

Если в нашем примере (7) *Саша и Маша на прошлой неделе ВСТРЕЧАЛИСЬ* ^[НСВ]? употребляется не НСВ, а СВ, то предикация соотносится с «экземпляром», с индивидуализованной, локализованной во временном пространстве ситуацией. Предикация имеет конкретно-референтный статус и отсылает к «экземпляру» обозначаемой ситуации.

⁹ О различии между «непосредственным результатом» и «косвенным эффектом» см. [Князев, 2007: 403]. На релевантность этого различия для общефактического значения НСВ см. [Грен, Филюшкина Краве, 2007: 54]. Они употребляют понятия «лексикализованное итоговое состояние» (*зачитать книгу до дыр*) vs. «тривиальное итоговое состояние» (*прочитать книгу*). Подробное исследование этого различия с некоторыми отсылками к русскому языку можно найти в [Mittwoch, 2008], где используются понятия “strong” и “weak” resultatives.

(13) Саша и Маша на прошлой неделе встретились ^[СВ]?

В таком случае мы имеем дело с употреблением СВ, которое называется конкретно-фактическим. Когда предикация, как в нашем примере, имеет верификативный коммуникативный статус, тогда она отсылает не только к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, но и к «экземпляру» ситуации, которая известна не только говорящему, но и адресату вопроса. Задавая верифицирующий общий вопрос (13) в СВ, спрашивающий исходит из того, что адресат знает, что Саша и Маша запланировали на прошлой неделе только одну встречу. Таким образом, предикация имеет референтный статус определенности, и поэтому в бытийном преобразовании предикации описание ситуации в таком артиклевом языке, как английский, должно быть введено определенным артиклем или другим показателем определенности¹⁰.

(13a) Did the meeting between Sasha and Masha take place last week?

В русском языке в бытийной парафразе описание ситуации должно образовывать «тему» бытийного предложения, которое таким образом тоже интерпретируется как определенное, так как неопределенность языкового выражения в «теме» должна быть маркирована дополнительными средствами [Weiss, 1983: 233].

(13б) [Встреча между Васей и Машей]_{тема} на прошлой неделе
ИМЕЛА место?

Предикация в СВ может отсылать и к нескольким индивидуализованным ситуациям, к нескольким «экземплярам» обозначаемой ситуации. Это было бы тогда, когда Саша и Маша на прошлой неделе договорились о нескольких встречах и целью общего вопроса является верификация того факта, имела ли место по крайней мере одна из этих встреч.

(14) [Саша и Маша договорились несколько раз встретиться на прошлой неделе.]

Они хоть раз встретились ^[СВ]?

Предикация отсылает к индивидуализованному множеству, идентифицируемому и говорящим и адресатом вопроса.

→ Хотя бы одна из встреч имела место?

¹⁰ Референтную определенность, которая присутствует в примере (13), надо отличать от временной определенности. Временная определенность имеет место, когда “the situation is identified with respect to other elements of the surrounding context” [Dickey, 2000: 54], это условие, например, выполнено в примере *Он вернулся ^[СВ], медленно разделся ^[СВ] и лег ^[СВ] спать*. С точки зрения референтной семантики в приведенном примере налицо референтная неопределенность. Глагольные описания в СВ вводят новые ситуации в дискурс и отсылают к индивидуализованным ситуациям, к «экземплярам» обозначаемых ситуаций, которые известны говорящему, но неизвестны адресату.

В таком случае мы имеем дело с референциальным типом, определяемым как «скрытая» определенность (“covert” definiteness) [Markowicz / Paillard, 1980: 211–214].

3.2. Предикации в СВ с нейтральным и экспликативным коммуникативными статусами

Предикации в СВ могут отсылать к индивидуализованным ситуациям, к «экземплярам» обозначаемой ситуации не только тогда, когда они имеют верификативный коммуникативный статус, но и тогда, когда они имеют нейтральный или экспликативный статус. В следующем примере мы имеем дело с нейтральным коммуникативным статусом высказывания. В дискурс вводится *новая* ситуация.

(15) Вчера Саша и Маша встретились ^[СВ] и решили ^[СВ] пожениться.

Предикат *встретились* в финитной форме отсылает в примере (15) к ситуации, которая говорящему известна, но для адресата является новой. Поэтому номинализованное описание в бытийном преобразовании предикации в таком артиклевом языке, как английский, должно быть введено точно так же, как при общефактическом употреблении НСВ, с неопределенным артиклем.

(15a) Yesterday a meeting between Sasha and Masha took place.

Однако в таком случае мы имеем дело с референтной или специфической неопределенностью, которую следует отличать от нереферентной или неспецифической неопределенности, имеющей место в предикациях с НСВ в общефактическом значении.

Глагольные предикации в СВ могут отсылать и к индивидуализованным ситуациям, существование которых предполагается, как в примерах (16) и (17). В таком случае предикации имеют экспликативный коммуникативный статус.

(16) Ты что – свой ПАСПОРТ потерял ^[СВ]?

(17) Что это за шум? Дети уже вернулись ^[СВ]?

В обоих примерах мы имеем дело с экспликативными вопросами, функция которых состоит в том, чтобы выяснить описание индивидуализованных ситуаций, существование которых предполагается. В бытийном преобразовании бытийный глагол является темой высказывания.

(16a) [Имела ли место]_{тема} [потеря ПАСПОРТА]_{рема}?

(17a) [Имело ли место]_{тема} [возвращение ДЕТЕЙ]_{рема}?

В примере (16) экспликативный вопрос отсылает к случайной неожиданной ситуации и тем самым к ситуации, которая не известна ни говорящему, ни адресату вопроса. Поэтому описание ситуации в бытийной парафразе требует введения с неопределенным артиклем.

(16b) What has happened? Was there a loss of your PASSPORT?

В таком случае предикация с экспликативным коммуникативным статусом имеет классифицирующую или таксономическую функцию. Вопрос состоит в том, чтобы выяснить, относится ли индивидуализованная ситуация, существование которой предполагается, к классу, обозначаемому как *потеря паспорта*. В отличие от этого описание ситуации в примере (17) имеет референциальный статус определенности. Этот вопрос в силу частицы *уже* во временном значении относится к ситуации, которая ожидалась позже. Поэтому обозначаемая ситуация должна быть известна и адресату вопроса, и описание ситуации в бытийной парафразе должно быть введено с определенным артиклем.

(176) Is it the return of the children which has already taken place?

Выясняется, идентична ли ситуация, существование которой предполагается, известной адресату ситуации «возвращение детей».

Все сказанное можно обобщить следующим образом. Глагольные предикации в СВ имеют всегда конкретно-референтный статус. Они отсылают к индивидуализованным ситуациям, к «экземплярам» обозначаемой ситуации. Если предикации в СВ имеют нейтральный коммуникативный статус, то они отсылают к ситуациям, которые известны говорящему, но новы для адресата. Тем самым они имеют статус референтной неопределенности. Если предикации в СВ имеют верификативный коммуникативный статус, то они отсылают к ситуациям, которые известны как говорящему, так и адресату высказывания. Тем самым налицо референтная определенность. Наконец, предикации в СВ, которые имеют экспликативный коммуникативный статус, могут, с одной стороны, как в примере (16), классифицировать ситуацию, существование которой предполагается. Тогда обозначаемая ситуация имеет статус референтной неопределенности. Предикации же с экспликативным коммуникативным статусом могут, как в примере (17), иметь также функцию установления идентичности ситуации, существование которой предполагается, с ожидаемой, адресату известной ситуацией. В таком случае мы имеем дело так же, как при верификативном статусе, с референтной определенностью описания ситуации.

Следует добавить, что предикация в СВ и в так называемом наглядно-примерном значении отсылает к индивидуализованным ситуациям, к «экземпляру» обозначаемой ситуации.

(18) Бывает, Саша вернется ^[CB] с работы и сразу ляжет ^[CB] спать.

В таком случае предикация в СВ употребляется как метонимия. Один «экземпляр» обозначаемой ситуации репрезентирует ситуацию, которая повторяется периодически. Ср. соответственное употребле-

ние единственного числа в общих высказываниях типа *Настоящая собака лает*, в которых точно так же индивидуализованный «экземпляр» употребляется как наглядный пример для свойства класса *настоящая собака*.

4. Предикации в НСВ, отсылающие к «экземпляру» обозначаемой ситуации

4.1. Единично-фактическое значение НСВ

«Нейтральное» употребление НСВ без видовой характеристики, без конкретизации протекания обозначаемой ситуации, возможно не только при отсылке к «типу», но также и при отсылке к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, как в следующем примере.

- (19) [Как ты знаешь, Саша и Маша договорились встретиться^[СВ] на прошлой неделе. Ты слышал^[НСВ] что-нибудь об этом?]

Они уже ВСТРЕЧАЛИСЬ^[НСВ]?

Как показывает контекст, этот вопрос в НСВ отсылает к индивидуализованной ситуации, которая известна как говорящему, так и адресату вопроса. Точно так же, как соответственный общий вопрос в СВ в примере (13), описание ситуации и в примере (19) в НСВ имеет статус референтной определенности. Говорящий и адресат в состоянии идентифицировать обозначаемую ситуацию. Поэтому и в НСВ описание ситуации в бытийной парафразе в таком артиклевом языке, как английский, должно быть введено с определенным артиклем или другим показателем определенности и, соответственно, в русском языке должно находиться в теме бытийного предложения.

- (19a) Has the meeting between Sasha and Masha already taken place?

- (19б) [Встреча между Васей и Машей]_{тема} уже ИМЕЛА место?

При такой интерпретации НСВ не имеет общефактического значения. Предикация в примере (19) отсылает не к общей ситуации, не к «типу», а к индивидуализованной конкретной ситуации, т. е. к «экземпляру» обозначаемой ситуации и имеет так же, как при употреблении СВ, конкретно-референтный статус. В исследовании [Шелякин, 2007: 86–92] это употребление НСВ обозначено как «единично-фактическое». Единично-фактическое значение НСВ налицо, когда предикация в НСВ имеет конкретно-референтный статус и никакой видовой характеристики не содержит. Другими словами, при употреблении НСВ в единично-фактическом значении точно так же, как при употреблении в общефактическом значении, обозначаемая ситуация только называется, констатируется как факт. Но так как предикация с НСВ в единично-фактическом значении имеет

конкретно-референтный статус, в принципе всегда допускается замена вида, т. е. и употребление СВ. Такой вопрос, как (19) может быть поставлен и в СВ, как демонстрирует следующий пример.

(19в) [Как ты знаешь, Саша и Маша договорились встретиться^[СВ] на прошлой неделе. Ты слышал^[НСВ] что-нибудь об этом?]

Они уже встретились^[СВ]?

При употреблении СВ обозначаемая ситуация получает видовую характеристику. Актуализуется достижение предела. Пример (19) как в СВ, так и в НСВ, понимается как отсылка к ситуации, которая достигла своей точки кульминации и является таким образом типичным примером так называемой видовой конкуренции. Тем не менее между двумя предикациями имеется различие. В СВ глагольная форма сообщает о достижении кульминационной точки, а в НСВ эта информация исходит только из семантики глагола *встречаться*. Предикат *встречаться с кем-нибудь* относится к классу тех Achievement-предикатов, которые обозначают ситуацию без подготовительной процессной фазы. Предикат не может обозначать ситуацию, которая не достигла своей кульминационной точки.

В отличие от предиката *встречаться с кем-нибудь* такие предикаты, как, например, *заполнять анкету* или *ставить палатку* обозначают ситуации, которые можно прервать и осуществить поэтапно. Когда такие Accomplishment-предикаты, обозначающие частично реализуемые ситуации, употребляются в единично-фактическом значении, то точно так же, как при употреблении НСВ в общефактическом значении, в принципе остается открытым, достигла ли обозначаемая ситуация своей кульминационной точки или нет. Без дальнейшего контекста пример (20) с НСВ в единично-фактическом значении понимается как отсылка к ситуации, которая достигла своей кульминационной точки.

(20) – Ты заполнял^[НСВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]?
– Да, заполнял^[НСВ] и даже отправил^[СВ].

Однако в такой интерпретации мы имеем дело с имплицатурой, которую можно снять, как показывает пример (20а). В этом контексте предикация с НСВ в единично-фактическом значении обозначает ситуацию, которая не достигла своей точки кульминации.

(20а) – Ты заполнял^[НСВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]?
– Заполнял^[НСВ], но заполнил^[СВ] ее не до конца.

В отличие от этого соответствующий вопрос в СВ (20б) может обозначать только ситуацию, которая достигла своей точки кульминации.

(20б) – Ты заполнил^[СВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]?
– *Да, заполнил^[СВ], но до конца ее не заполнил.

Поэтому в предикации, которая обозначает ситуацию, не достигшую своей точки кульминации, исключается употребление парного глагола СВ¹¹.

Мы видели, что при употреблении НСВ в общефактическом значении всегда предполагается, что обозначаемая ситуация является потенциально повторимой. На единично-фактическое употребление НСВ это не распространяется. Внутренний аргумент *анкета* в примере (20в) относится к определенному экземпляру анкеты и таким образом предикация отсылает к уникальной ситуации, которая является неповторимой¹².

- (20в) Ты заполнял ^[НСВ] анкету, которую я тебе вчера дал ^[СВ]?
Как ты ответил ^[СВ] на второй вопрос?

И в следующих примерах, в которых мы тоже имеем дело с единично-фактическим употреблением НСВ, предикации в НСВ отсылают к уникальным ситуациям, т. е. к ситуациям, которые концептуализуются как неповторимые.

- (21) Ты сегодня покупал ^[НСВ] кожаную куртку? [Падучева, 1996: 47]
(22) Ты относил ^[НСВ] книги, которые здесь лежали? Библиотека открыта?
(23) Саша вчера посылку от Маши на почте получал ^[НСВ]?
А марки купить не забыл ^[СВ]?
(24) Ты вчера билеты на завтра покупал ^[НСВ]? В партере еще есть места?

Все примеры характеризуются тем, что цель этих вопросов состоит в том, чтобы прояснить другие ситуации, которые имели место во время ситуации, названной в первом вопросе. Например, цель вопроса (23) состоит в том, чтобы выяснить, не забыл ли Саша *при*

¹¹ Так как предикат *заполнять анкету* является гибридным в своей акциональности, т. е. является Accomplishment-предикатом с гомогенным Activity-компонентом, при недостижении точки кульминации перфективация допускается посредством делимитативного способа действия: *Саша немного позаполнял ^[СВ] анкету, но до конца он ее не заполнил ^[СВ]* см. [Mehlig, 2012].

¹² Пример (20) обозначает уникальную неповторимую ситуацию, если мы отвлечемся от того, что, во-первых, записи в анкете могут быть стерты, и что, во-вторых, анкета может быть заполнена поэтапно. В обоих случаях допускается общефактическое употребление НСВ. Если после удаления записей анкету надо заполнить снова, то допускается двунаправленная интерпретация общефактического НСВ: *Я уже заполнял ^[НСВ] эту анкету, но надо было все стереть*. Если подлежащая заполнению анкета так длинна или так сложна, что ее заполнение требует нескольких дней, то тоже допускается употребление НСВ в общефактическом значении: *Ты вчера, как обычно, заполнял ^[НСВ] анкету, которую тебе послали ^[СВ] из посольства?* Таким образом, предикация отсылает к Activity-компоненту предиката *заполнять ^[НСВ] анкету*. В таком случае общефактическое значение НСВ приобретает цикличную интерпретацию. Цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, принадлежал ли и вчерашний день к классу тех дней, когда адресат вопроса занимался заполнением данной анкеты.

получении посылки купить марки. Так как все вопросы относятся к другой ситуации, которая могла бы иметь место *во время* осуществления ситуации в первом вопросе, предпочтительным в данных примерах является употребление НСВ, так как при употреблении НСВ в единично-фактическом значении достижение результата не тематизируется. Однако, употребление СВ и в этом контексте не исключено. Употребление НСВ является обязательным только тогда, когда обозначаемая ситуация не достигла своей кульминационной точки, если, например, в примере (20) речь шла бы об анкете, не заполненной до конца.

Без дальнейшего контекста, как правило, не решить, имеем ли мы дело с общефактическим или с единично-фактическим значением НСВ. Это может продемонстрировать следующий пример.

(25) – Саша, ты звонил ^[НСВ] Маше?

В контексте (25а) мы имеем дело с общефактическим употреблением НСВ.

(25а) – Саша, ты случайно не знаешь новый номер телефона Маши?

– Может быть, ты ей уже звонил ^[НСВ]?

– Да, знаю. Я ей уже звонил ^[НСВ], и не раз. / Нет, не знаю.

– Я ей еще не звонил ^[НСВ].

В данном контексте вопрос отсылает к «типу» обозначаемой ситуации. Цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, звонил ли Саша хотя бы один раз во временном пространстве, которое вследствие прагматических соображений начинается с момента, когда Маша получила новый телефон, и простирается до момента речи. Как в вопросе, так и в ответе количество возможных звонков остается открытым. Так как предикация в НСВ отсылает к «типу» обозначаемой ситуации, описание ситуации в бытийной парафразе имеет статус нереферентной неопределенности.

(25б) Такая ситуация, как звонок Саши Маше, уже имела место?

Предикация в этом прочтении не позволяет употребления СВ. Отсылка к «типу» обозначаемой ситуации в русском языке возможна только в НСВ.

В отличие от этого вопрос (25) в контексте (25в) отсылает к единичному, запланированному звонку, т. е. к звонку, о котором говорящий и адресат вопроса знают.

(25в) – Саша, ты вчера звонил ^[НСВ] Маше, как ты собирался ^[СВ]?

Выяснил ^[СВ], когда она приедет?

– Да, звонил ^[НСВ] и выяснил ^[СВ]. Она приедет во вторник.

В таком случае мы имеем дело с единично-фактическим употреблением НСВ. Ситуация только называется, никакой видовой

характеристики при этом не содержится. Без дальнейшего контекста этот вопрос понимается как отсылка к ситуации, достигшей своей кульминационной точки. Но опять же, это является только импликатурой, которую можно снять, как показывает следующий контекст.

(25г) – Саша, ты вчера звонил ^[НСВ] Маше, как ты собирался ^[СВ]?

Выяснил ^[СВ], когда она приедет ^[СВ]?

– Звонил ^[НСВ], но не дозвонился ^[СВ].

Если наш вопрос (25в) отсылает к ситуации, достигшей своей точки кульминации, то может быть употреблен и СВ. Таким образом обозначаемая ситуация получает видовую характеристику и цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, достигла ли обозначаемая ситуация своей точки кульминации, т. е. был ли ожидаемый звонок успешным.

И следующий пример допускает без контекста употребление НСВ как в общефактическом, так и в единично-фактическом значении.

(26) Саша вчера убирал ^[НСВ] свою комнату.

Высказывание в этом примере, с одной стороны, может отсылать к ситуации, которая имеет место обычно каждый день. В таком контексте мы имеем дело с общефактическим значением НСВ. Предикация тогда сообщает, что «тип» ситуации *убирать комнату* имел место и вчера.

(26а) Саша вчера убирал ^[НСВ] свою комнату. Сегодня не надо.

→ Такая ситуация, как [убирать ^[НСВ] комнату] вчера

ИМЕЛА место.

С другой стороны, высказывание в примере (26) может отсылать и к индивидуализованной ситуации, которая была назначена на вчерашний день. В таком случае предикация отсылает к «экземпляру» обозначаемой ситуации и НСВ имеет единично-фактическое значение.

(26б) Саша вчера убирал ^[НСВ] свою комнату, как мы договорились.

→ Ситуация [убирать ^[НСВ] комнату] вчера ИМЕЛА место.

В обоих случаях обозначаемая ситуация при употреблении НСВ не получает видовую характеристику.

И в таком часто приводимом примере из [Koschmieder, 1934: 295], отсылающем к ситуации в ресторане, НСВ допускает осмысление как единично-фактическое, так и общефактическое.

(27) Вы уже заказывали ^[НСВ]?

Если такой вопрос задает опоздавший гость своим уже присутствующим друзьям, то мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ. Частица *уже* в таком случае имеет временную функцию. Опоздавший гость хочет узнать, опоздал ли он настолько, что ситуация заказа уже имела место. Описание ситуации в НСВ

имеет референтный статус определенности и в бытийной парафразе должно быть введено показателем определенности.

(27a) Вы уже заказывали ^[НСВ]?

→ Ситуация [заказывать] уже имела место?

→ Have you given the order already?

Если в подобных случаях предпочитается употребление НСВ, а не СВ, который в принципе здесь тоже возможен, то это потому, что в данном контексте достижение кумулятивной точки обозначаемой ситуации для спрашивающего не является релевантным.

Если вопрос (27) задает не опоздавший гость, а официант, то предикация имеет общереферентный статус, и тем самым мы имеем дело с общефактическим значением НСВ. Выясняется, имел ли место в ресторане обычный тип ситуации *заказывать*. В этой другой интерпретации описание ситуации в артиклевом языке должно быть введено неопределенным артиклем или другим показателем неопределенности.

(27б) Такая ситуация, как [заказывать] уже имела место?

→ Have you given an order already?

В случае общефактической интерпретации частица *уже* не имеет временную функцию. Она отсылает, напротив, к количеству возможных ситуаций и сообщает, что с точки зрения говорящего ситуация названного типа уже могла бы иметь место, и поэтому повторение не является необходимым.

В примере (27a) так же, как в примере (27б), в принципе допускается и употребление СВ. В обоих контекстах возможна так называемая видовая конкуренция. Как и опоздавший гость, так и официант могли бы задать этот вопрос в СВ. Если опоздавший гость употребляет СВ, то тем самым он пытается выяснить, достигала ли обозначаемая ситуация своей точки кульминации, т. е. был ли ожидаемой заказ успешен. В таком случае как в НСВ, так и в СВ предикация имеет конкретно-референтный статус. Если же официант задает свой вопрос не в НСВ, а в СВ, то имеет место изменение референциального статуса предикации, а именно от «типа» к «экземпляру», от общереферентного к конкретно-референтному статусу. Такое изменение в примере (27б) возможно, потому что в данном контексте вопрос с НСВ в общефактическом значении понимается как отсылка к точно одной ситуации названного типа, т. е. в терминологии Е.В. Падучевой – налицо «конкретный» вариант общефактического значения. В отличие от НСВ предикация при употреблении СВ отсылает к индивидуализованной ситуации, которая ожидается, потому что, как мы видели, предикация в СВ, имеющая верификативный коммуникативный статус, отсылает к ситуации, известной не только говорящему, но и адресату высказывания.

Таким образом, становится ясно, что необходимо рассматривать две различные возможности видовой конкуренции. У предикаций, имеющих конкретно-референтный статус, замена СВ на НСВ возможна, когда в данном контексте достижение кульминационной точки является нерелевантным или известным из контекста. У предикаций, имеющих общереферентный статус, замена НСВ на СВ возможна, когда из контекста ясно, что предикация с НСВ в общефактическом значении отсылает к точно одной ситуации обозначенного типа. С заменой НСВ на СВ, как в примере (27б), происходит смена в референтном статусе предикации, а именно от «типа» к «экземпляру», от общереферентного к конкретно-референтному статусу.

Мы видели, что употребление НСВ в общефактическом значении не имеет никаких ограничений в плане семантики обозначаемой ситуации. Для единично-фактического употребления НСВ это неверно. Единично-фактическое употребление НСВ в предикациях допускается только тогда, когда мы имеем дело с агентивными контролируруемыми ситуациями [Leiponen, 1982: 190; Падучева, 1996: 51]. Глагольные предикаты, которые обозначают неагентивные ситуации, такие как *таять* или агентивные, но неконтролируемые ситуации, такие как *терять ключ* не допускают употребление НСВ в единично-фактическом значении. НСВ в такой предикации, как (28), допускает только общефактическую интерпретацию. Предикация может отсылать только к «типу» обозначаемой ситуации.

- (28) – Саша уже ТЕРЯЛ^[НСВ] свой ключ?
– Да, ТЕРЯЛ^[НСВ], и не раз.

Так как единично-фактическое употребление НСВ возможно только у предикатов, обозначающих контролируемые агентивные ситуации с подготовительной фазой, Е.В. Падучева предложила использовать для обозначения единично-фактического употребления НСВ понятие «акциональное значение НСВ». Я, однако, придерживался здесь термина М.А. Шелякина «единично-фактическое» значение НСВ, так как этот термин показывает, что есть связь между общефактическим и единично-фактическим употреблением НСВ. В обоих случаях обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику. Никакая актуализация процессуального протекания или результата обозначаемой ситуации не имеет место.

4.2. Актуально-длительное и дуративное значения НСВ

Единично-фактическое значение НСВ следует отличать от актуально-длительного (или конкретно-процессного) и дуративного значений НСВ. Мы имеем дело с актуально-длительным значением НСВ, если предикация, отсылающая к конкретной ситуации, к «экземпляру» ситуации, посредством контекста представляется в «процессе

своего осуществления» [Бондарко, 1983: 119]. В рамках Европейского проекта 20-6 “Tense and Aspect in the Languages of Europe” актуально-длительное значение называется “focalized progressive” (Dahl 2000). Фокусированная прогрессивность или актуально-длительное значение налицо, когда обозначаемая ситуация соотносится с точкой фокализации (focalization point), которая включает обозначаемую ситуацию, и обозначаемая ситуация концептуализуется как протекающая, развертывающаяся во времени этой точки, как в следующем примере.

(29) Когда мы пришли ^[CB], наши соседи переставляли ^[HCB] МЕБЕЛЬ.

Если мы имеем дело с предельной ситуацией, как в примере (29), то HCB в значении фокусированной прогрессивности обозначает ситуацию, которая в точке фокализации осуществлена лишь частично.

Дуративная прогрессивность налицо, когда предикация соотносится не с точкой фокусирования, а с временным пространством и обозначаемая ситуация концептуализуется как одновременно, синхронно происходящая в течение какого-то временного интервала. В таком случае мы имеем дело не с “monofocalizzazione”, а с “pluri-focalizzazione”, с множеством точек фокусирования [Bertinetto, 1986: 164], как в следующем примере.

(30) – Что это вчера был за шум за стеной?
– Наши соседи переставляли ^[HCB] МЕБЕЛЬ.

Дуративная прогрессивность HCB в рамках русской аспектологии получила самые разные названия. Ю.Д. Апресян [2009: 532] предложил альтернативные термины «процессное, процессуальное или дуративное значение», Е.В. Петрухина [2009: 66] называет это употребление «длительно-процессное», И.Б. Шатуновский [2009: 108–110] употребляет термин «ограниченно-длительное или дуративное значение» HCB.

Поскольку вопрос *Ты заполнил эту анкету?* в CB отсылает к «экземпляру» обозначаемой ситуации, такой вопрос допускает ответ и с HCB в дуративном значении.

(31) – Ты заполнил ^[CB] анкету, которую я тебе дал ^[CB]?
– Нет еще. Целый вечер сидел ^[HCB] и заполнял ^[HCB] ее, но до конца не заполнил ^[CB].

При употреблении HCB в дуративном значении, как в примере (31), предикация обозначает процесс, осуществлявшийся синхронно с течением другой ситуации, в нашем примере с ситуацией «сидеть». Если предикация в примере (31) понимается как отсылка к ситуации, которая не достигла своей точки кульминации, то только в силу информации из контекста. Без такого контекста предикация с предельным предикатом при употреблении HCB в дуративном значении не

дает никакой информации о том, достигла ли обозначаемая ситуация своей точки кульминации.

Различие между дуративным и единично-фактическим употреблением НСВ можно продемонстрировать посредством противопоставления приведенного выше примера (30) со следующим примером.

- (32) – Почему вы опоздали ^[CB]?
– Мы переставляли ^[НСВ] МЕБЕЛЬ.

Как мы видели, в контексте (30) речь о дуративной прогрессивности НСВ. Шум в соседней квартире происходит во время перестановки мебели, т.е. мы имеем дело с двумя ситуациями, которые происходят одновременно, синхронно. В отличие от этого предикация *переставлять мебель* в примере (32) отсылает к ситуации, которая имела место до происшедшего опоздания. Обозначаемый процесс перестановки мебели в момент опоздания уже завершился. Тем самым мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ. Если в примере (30) замена вида невозможна, то это потому, что мы имеем дело с дуративным значением НСВ. В примере же (32) замена видов, которая в принципе возможна, исключается, так как ситуация опоздания вызвана не результатом, а процессом перестановки мебели, который продолжался дольше, чем ожидалось.

В русском языке фокусированная и дуративная прогрессивность НСВ допускается только при отсылке к конкретной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации. Предикации, отсылающие к «типу», к общей ситуации, не позволяют ни актуально-длительной, ни дуративной интерпретации НСВ.

5. Предикации в НСВ с анафорической функцией

Глагольные описания ситуации точно так же, как и именные группы, допускают анафорическое употребление и могут уточнять другие компоненты ситуации, уже введенные в своем существовании в дискурс. В этом разделе мне хотелось бы показать, что и при анафорическом повторном упоминании предикации необходимо различать общефактическое и единично-фактическое значения НСВ.

Ситуация, которая повторно упоминается, может иметь общереферентный статус и тем самым отсылать к «типу» обозначаемой ситуации, как в следующем примере.

- (33) Кто уже заполнял ^[НСВ] эту анкету и знает, как ответить ^[CB] на второй вопрос? Саша?

Если в этом примере языковое выражение *эта анкета* отсылает не к «экземпляру» анкеты, наличествующему в ситуации диалога, а к «типу» этой анкеты¹³, то предикация имеет общереферентный

¹³ Такие объекты, как *анкета, перевод, программа, лекарство* и многие другие допускают как субстанциальную идентификацию, так и идентификацию по содержа-

статус. Тем самым налицо общефактическое употребление НСВ: в бытийной парафразе описание ситуации имеет статус нереферентной неопределенности.

(33а) Имела ли место когда-нибудь (хотя бы раз) такая ситуация, как заполнение этой анкеты и, если да, со стороны кого?

Общереферентный статус предикации исключает употребление СВ. И при отрицании допускается только употребление НСВ. Это верно как для частного, так и для общего отрицания.

(33б) Общее отрицание

Нет, Саша не знает. Он ее не заполнял ^[НСВ].

→ Такой ситуации, как заполнение такой анкеты со стороны Саши не было.

(33в) Частное отрицание

Нет. [Я точно знаю, что кто-то заполнял ^[НСВ] такую анкету], но заполнял ^[НСВ] ее, во всяком случае, не Саша.

→ Такая ситуация, как заполнение такой анкеты была, но не со стороны Саши.

В обоих случаях предикация отсылает к «типу» обозначаемой ситуации, как демонстрируют приведенные именные парафразы. Ситуация, концептуализуемая как «тип», никогда не допускает отрицания через отсылку к «экземпляру», т. е. через СВ.

Напротив, в контексте (34) именная группа *анкета* отсылает к присутствующей в ситуации анкете, к «экземпляру» анкеты. Поэтому мы имеем дело с неповторяемой, т. е. с единичной ситуацией.

(34) На столе лежит ^[НСВ] заполненная анкета. Кто ее заполнял ^[НСВ] / заполнил ^[СВ], Саша?

Так как мы имеем дело с контролируемой агентивной ситуацией, то, если анкета заполнена полностью, вопрос об агенте возможен в обоих видах. В СВ тематизируется достижение кульминационной точки. Поэтому употребление СВ является обязательным, если в вопросе имеется оценка результата.

(34а) Кто так небрежно заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит ^[НСВ]? Три пункта не заполнены, подпись отсутствует.

Когда употребляется НСВ, мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ.

(34б) [На столе лежит заполненная анкета.]

Кто ее заполнял ^[НСВ]? Саша? Он забыл ^[СВ] ответить на второй вопрос.

нию. При идентификации по содержанию эти объекты допускают отсылку к «типу» и тогда, когда они введены показателем определенности, как *эта анкета* в примере (33), см. [Арутюнова, Ширяев, 1983: 23; Рахилина, 2000: 69].

Если вопрос задается в НСВ, то никакая видовая характеристика не имеет место. Наличествующий результат не тематизируется. Цель вопроса состоит только в том, чтобы выяснить, кто занимался заполнением анкеты. В контексте примера (34б) предпочитается употребление НСВ, так как в вопросе обозначаемая ситуация является фоном для другой ситуации, которая случилась во время заполнения анкеты. Сама цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, кто во время заполнения анкеты забыл ответить на второй вопрос. Но и в этом контексте употребление СВ не исключено.

(34в) [На столе лежит заполненная анкета.]
Кто ее заполнил ^[НСВ]? Саша? Он забыл ^[СВ] ответить на второй вопрос.

О.П. Рассудова различает при вторичном упоминании ситуации в НСВ, имеющей единично-фактическое значение, два варианта, для которых она употребляет понятия «процесс» и «общефактическое значение» [Рассудова, 1982: 55–60]. Она обозначает НСВ в единично-фактическом значении как «процесс», когда цель повторного кореферентного упоминания ситуации состоит в том, чтобы уточнить какие-то другие обстоятельства, которые имели место во время совершения ситуации, названной в вопросе, как в выше приведенном примере (34б). Можно предположить, что О.П. Рассудова выбрала понятие «процесс», потому что в таких случаях предикация с НСВ в единично-фактическом значении допускает преобразование в предложение с актуально-длительным значением НСВ.

(34г) Когда заполняли ^[НСВ] анкету, забыли ^[СВ] ответить на второй вопрос.

Хотя такое преобразование допускается, все-таки в примере (34б) мы не имеем дело с актуально-длительным употреблением НСВ. Возможность интерпретировать предикацию в НСВ с единично-фактическим значением как «процесс» выводится из «видовой нейтральности» единично-фактического НСВ, а в примере (34б) одновременно и из семантики описания ситуации. Предикат *заполнять анкету* обозначает ситуацию, которая уже на лексическом уровне имеет процессный компонент. При употреблении НСВ в единично-фактическом значении этот процессный компонент предиката тематизируется.

Такой частный вопрос, как (34) допускает частное и общее отрицание. При частном отрицании возможно употребление как СВ, так и НСВ. Если употребляется СВ, как в ответе (34д), упоминаемая в предтексте ситуация кореферентна повторно упомянутой и отрицается только истинность агенса.

(34д) – Кто заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, [заполнил ^[СВ] ее] не Саша, а ПЕТЯ.

При употреблении СВ подтверждается, что обозначаемая в вопросе ситуация достигла своей кульминационной точки и одновременно сообщается, что агенсом является не Саша, а другое лицо, которое должно быть названо при ответе. Так как ответ кореферентно отсылает к ситуации, введенной в вопросе, повторение глагольного предиката в ответе является редундантным.

Но пример (34) допускает частное отрицание и в НСВ. Тогда мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ:

- (34е) – Кто заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, заполнял ^[НСВ] ее не САША, а ПЕТЯ.

При употреблении НСВ в единично-фактическом значении кореференция сохраняется. Предикация в НСВ точно так же, как в СВ, кореферентно указывает на введенную в вопросе ситуацию. Однако при употреблении НСВ обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику. Тематизируется свойственный глагольному предикату процессный компонент: не Саша занимался заполнением анкеты. В таком случае эллипсис глагольного предиката не является возможным, так как имеет место переход от конкретно-фактического значения СВ в вопросе к единично-фактическому значению НСВ в ответе. Такая возможность отрицания индивидуализованной ситуации посредством частного отрицания в НСВ с единично-фактическим значением существует опять только тогда, когда мы имеем дело с агентивными контролируруемыми ситуациями с подготовительным процессным компонентом. Для такого примера, как (35), возможность частного отрицания с НСВ в единично-фактическом значении исключается, потому что мы имеем дело со случайной, т. е. с неконтролируемой ситуацией.

- (35) – Кто потерял ^[СВ] паспорт? Саша?
– *Нет, терял ^[НСВ] его не Саша, а ПЕТЯ.

В примере (34) отрицание в ответе на вопрос может быть выражено и через общее отрицание. В таком случае допускается только употребление НСВ, который имеет общефактическое значение.

- (34ж) – Кто заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, Саша ее не заполнял ^[НСВ].

При употреблении общего отрицания, которое в данном контексте возможно только в НСВ, имеет место переход от конкретной ситуации в вопросе, от «экземпляра» к «типу» обозначаемой ситуации в вопросе, и в связи с этим происходит усиление отрицания. Сообщается о том, что в данном контексте не имела место такая ситуация, которая может быть обозначена как *заполнение анкеты со стороны Саши*.

- (34з) Такой ситуации, как заполнение анкеты со стороны Саши, не было.

Предикация в примере (34) не допускает общего отрицания в СВ, поскольку общее отрицание в СВ противоречило бы информации о существовании обозначаемой ситуации, которое дано через определительное предложение, а именно через указание на присутствующую в дискурсе заполненную анкету.

- (34) – Кто заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– *Нет, Саша ее не заполнил ^[СВ].

В связи с этим при отрицании в СВ когерентность диалога имеет место только тогда, когда отрицаемая предикация отсылает к другой, не идентичной с упомянутой в вопросе, ситуации. Иными словами, между ситуацией в вопросе и ситуацией в отрицательном ответе не допускается кореферентности. Анафорическое местоимение *ее* в ответе соотносится не с анкетой, упоминаемой в вопросе, но с другим экземпляром такой же анкеты, который Саша должен был заполнить.

- (34а) – Кто заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, Саша ее (свою анкету) еще не заполнил ^[СВ].

При употреблении СВ сообщается, что эта вторая ситуация еще не достигла своей кульминационной точки. Так как отрицается только достижение результата обозначаемой ситуации, в данном примере остается открытым вопрос, была ли обозначаемая ситуация уже начата. Такой предикат, как *заполнять анкету*, обозначает ситуацию, которая может быть осуществлена поэтапно и которую можно прерывать. Поэтому при отрицании с СВ не исключено, что анкета частично уже заполнена.

Если отрицательный ответ понимается как отсылка к другой ситуации, не идентичной упомянутой в вопросе, то допускается и отрицание с помощью НСВ, который в таком случае имеет единично-фактическое значение.

- (36) – Кто заполнил ^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, Саша ее (свою анкету) еще не заполнял ^[НСВ].

При употреблении НСВ отрицается существование обозначаемой ситуации. По сравнению с отрицанием в СВ здесь имеет место усиление отрицания. Сообщается, что ожидаемая ситуация, т. е. заполнение анкеты Сашей, в своей целостности не имела места, т. е. ситуация даже не начата. Употребление НСВ в единично-фактической функции в нашем примере допускается, потому что мы имеем дело с контролируемой ситуацией, имеющей процессный компонент.

В примере (34) наш вопрос отсылает к единичной ситуации, данной в своем существовании, что исключает общее отрицание в СВ. Однако такой вопрос, как (34) может отсылать и к нескольким ситуациям, существование которых только предполагается, как в примере (37). Цель вопроса в таком случае в том, чтобы выяснить,

есть ли кто-нибудь, кто уже занимался заполнением анкеты, и, если да, кто именно. В таком контексте при общем отрицании допускается кореферентное употребление обоих видов.

(37) – Кто уже заполнил ^[CB] анкету, которую я вам вчера дал? Саша?

– Нет, Саша ее еще не заполнил ^[CB] / заполнял ^[HCB].

Остается добавить, что анафорическое упоминание ситуации в HCB может отсылать и к ситуации, в которой HCB имеет актуально-длительное или дуративное значение, как показывает следующий пример.

(38) [Когда я вчера вечером проходил ^[HCB] мимо вашего дома, там кто-то играл ^[HCB] на пианино.] Кто там играл ^[HCB], Саша?

Вопрос в HCB повторно отсылает к ситуации, в которой HCB имеет дуративное значение. Как в первом, так и во втором вопросе мы имеем дело с дуративной прогрессивностью.

6. Выводы

Исходным пунктом наших рассуждений был тезис о том, что глагольные предикации являются «скрытыми» бытийными высказываниями, которые могут отсылать к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» (ТОКЕН) обозначаемой ситуации, но также и к общей ситуации, к «типу» (ТУРЕ) обозначаемой ситуации, другими словами, они могут иметь конкретно-референтный и общереферентный статус. На примере предикаций в прошедшем времени я пытался показать, что референтное различие между «экземпляром» и «типом» имеет принципиальное значение для категории вида в русском языке. Предикации, которые имеют общереферентный статус и таким образом отсылают к «типу» обозначаемой ситуации, допускают в русском языке употребление только HCB. В таком случае мы имеем дело с общефактическим значением HCB. При употреблении HCB в общефактическом значении обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторимая. Напротив, предикации, которые имеют конкретно-референтный статус и таким образом отсылают к конкретной, индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, допускают употребление обоих видов. Если употребляется СВ, то обозначаемая ситуация получает видовую характеристику и концептуализуется как ограниченная в своем временном протекании. Если употребляется HCB, что при отсылке к конкретной ситуации допускается только тогда, когда налицо контролируемые агентивные ситуации, то мы имеем дело с единично-фактическим значением HCB. Обозначаемая ситуация в таком случае так же, как и при упо-

треблении НСВ в общефактическом значении не получает видовой характеристики.

Ситуации, которые отсылают к конкретной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, посредством контекста могут получать актуально-длительное (*focalized progressive*) и дуративное (*durative progressive*) значения. В таком случае обозначаемая ситуация концептуализуется в своем протекании, как развертывающаяся. Актуально-длительное (конкретно-процессное) значение НСВ налицо, когда обозначаемая ситуация соотносится с точкой фокализации (*focalization point*), которая включает обозначаемую ситуацию, и обозначаемая ситуация концептуализуется как протекающая, развертывающаяся во времени этой точки. Дуративное значение налицо, когда предикация соотносится не с точкой фокализации, а с временным интервалом и обозначаемая ситуация концептуализуется как одно-временно, синхронно происходящая в течение этого интервала.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. М., 2009.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Гловинская М.Я. Многочисленность и синонимия в видовременной системе русского языка. М., 2001.
- Грени А., Филюцкина-Краве М. Конкуренция видов: Прагматические импликатуры и анафорические пресуппозиции несовершенного вида // Вопросы языкознания, 2007. № 4.
- Князев Ю.П. Грамматическая семантика. М., 2007.
- Козинцева Н.А. Временная локализованность и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
- Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Маслов Ю.С. Избранные труды. М., 2004 [1948].
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
- Петрухина Е.В. Русский глагол: Категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
- Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982 [1968].
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Шатуновский И.Б. Общефактический НСВ: Коммуникативные функции и референция // Сокровенные смыслы: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.

- Шатуновский И.Б.* Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин М.А.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2007.
- Adamec Př.* Порядок слов в русском языке. Praha, 1966.
- Bertinetto P.M.* Tempo, Aspetto e Azione nel verbo italiano. Firenze, 1986.
- Bertinetto P.M., Ebert K.H., Groot C. de* The Progressive in Europe // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the languages of Europe. Berlin, 2000.
- Dahl Ö. (ed.)*. Tense and Aspect in the languages of Europe /Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20-6. Berlin, 2000.
- Dahl Ö., Hedin E.* Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the languages of Europe. Berlin, 2000.
- Dickey S.M.* Parameters of Slavic Aspect. Stanford. 2000.
- Givón T.* Definiteness and Referentiality // Greenberg (ed.). Universals of Human Language. Stanford, 1978.
- Hedin E.* The type-referring function of the imperfective // Dahl Ö. (ed.). Tense and Aspect in the languages of Europe. Berlin, 2000.
- Karttunen L.* Discourse referents. Bloomington, 1971.
- Koschmieder E.* Nauka o aspektach czasownika polskiego v zarysie // Rozprawy i materiały Towarzystwa przyjaciół nauk v Wilni. 1934. T. V. Zeszyt 2.
- Krámský J.* The Article and the Concept and Definiteness in Language. The Hague, 1972.
- Krifka M.* Common nouns: A contrastive analysis of Chinese and English // G. Carlson, F. Pelletier (Hrsg.). The Generic Book. Chicago, 1995.
- Landman M., Morzyński M.* Event-Kinds and the Representation of Manner // Antrim N.M. (ed.). Proceedings of the Western Conference in Linguistics (WECOL). Vol. 11. California State University, 2003.
- Langacker R.W.* Foundations of Cognitive Grammar II. Stanford, 1991.
- Leinonen M.* Russian aspect, “temporal’ naja lokalizacija” and Definiteness / Indefiniteness. Helsinki, 1982.
- Leiss E.* Artikel und Aspekt. Berlin, 2000.
- Markowicz M., Paillard D.* A propos de quelques Indéfinis en Russe // Operations de détermination. Theorie et description. Paris, Université VII, 1980.
- Mehlig H.R.* Verbal Aspect and the Referential Status of Verbal Predications // Journal of Slavic Linguistics. 2001. 9: 1.
- Mehlig H.R.* General Yes-No Questions and Verbal Aspect in Russian // Scando-Slavica. 2011. 57: 2.
- Mehlig H.R.* Hybrid predicates in Russian // Journal of Slavic Linguistics. 2012. 20: 2.
- Mittwoch A.* Aspects of English aspect: On the interaction of perfect, progressive and durational phrases // Linguistics and Philosophy. 1988. 11.
- Mueller-Reichau O.* Sorting the world. On the relevance of the kind/object-distinctions to referential semantics. Heusenstamm, 2011.
- Weiss D.* Indefinite, definite und generische Referenz in artikellosen Sprachen // Mehlig H.R. (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1982. München, 229–261 / Slavistische Beiträge. 1983. 172.

Сведения об авторе: *Мелиг Ханс Роберт*, доктор философии, научный директор, Институт славистики Кильского университета имени Христиана Альбрехта (Германия). E-mail: mehlig@slav.uni-kiel.de

Е.В. Петрухина

ТИПЫ ПРОЦЕССНОЙ СЕМАНТИКИ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье на материале русского и чешского языков рассматриваются разновидности процессного значения несовершенного вида и их связь с другими частными видовыми значениями. Анализ отдельных различий в употреблении видов между сопоставляемыми языками проводится с учетом особенностей системной организации категории вида в каждом языке.

Ключевые слова: Категория глагольного вида в русском и чешском языках, несовершенный вид, процессное значение, общефактическое значение.

Varieties of processual meaning of the imperfective aspect and their connection with other specific aspectual meanings are considered in this article on the basis of materials from Russian and Czech. Analysis of particular distinctions in the use of aspects between contrasted languages is conducted taking into account the peculiarities of the category of aspect's systemic organization in each language.

Key words: the category of verbal aspect in Russian and Czech, the imperfective aspect, processual meaning, general factual meaning.

1. Вступление: исходные понятия

Семантике несовершенного вида (НСВ) в современных аспектологических работах уделяется большее внимание, чем семантике совершенного вида (СВ), в силу того что контекстные (частные) значения НСВ более разнородны, чем частные значения СВ [Гловинская, 1982: 14; Падучева, 1996: 24–25]. В славянской аспектологии преобладает мнение, что широкий спектр частных значений НСВ, в отличие от СВ, можно объяснить немаркированностью несовершенного вида (при маркированном совершенном виде), обзор мнений об этом вопросе см. в [Петрухина, 2000 / 2012: 37–43]¹, из последних работ см. также [Шатуновский, 2009: 11–12].

Целый ряд определений категориального значения (граммемы) СВ ('целостность', 'законченность', 'предел как временная граница', 'начало новой ситуации', 'изменение', 'смена ситуаций', 'переход в новое состояние') в аспектологии получен разными методами:

¹ В дальнейшем цитируется второе издание книги Е.В. Петрухиной «Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками». (М.: УРСС, 2012).

при помощи анализа: 1) сочетаемости глаголов СВ и НСВ; 2) их текстовых функций; 3) толкований глаголов СВ и НСВ, в том числе и с учетом таксономических глагольных классов (обзор аспектологических теорий см. в [Петрухина, 2012: 33–47]). Данные определения семантики СВ взаимосвязаны: «речь идет о разных сторонах одного и того же концепта» [Петрухина, 2012: 43], «перечисленные определения указывают на одно и то же — инвариантное значение СВ, — но с разных сторон» [Шатуновский, 2009: 31]. И.Б. Шатуновский, проанализировав существующие определения категориальной семантики видов в русском языке, пришел к выводу, что «наиболее адекватным... является определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ — как не содержащего такого указания)» [Шатуновский, 2009: 31]. Действительно, «предел как временная граница действия (и его восприятия) может рассматриваться как “изнутри”, со стороны самого действия» (ср. ‘завершенность’, ‘результативность’, ‘предел’), «так и “снаружи”, с точки зрения отношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями» (‘начало новой ситуации’, ‘смена ситуаций’, ‘переход в новое состояние’, ‘изменение’) [Петрухина, 2012: 43]. Поэтому мы исходим из определения сущности СВ, данного В.В. Виноградовым: «основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе» [Виноградов, 1972: 394].

Данный тезис В.В. Виноградова отражает две взаимосвязанные характеристики СВ, которые преобладают в славистике при определении его категориального значения: это «устранение представления о длительности» действия, т. е. его целостность (восприятие действия от начала до конца как некоего целого, без выделения его срединных моментов), и сосредоточение внимания на пределе (как «на одном из моментов процесса»), т. е. предельность, актуализация предела (как временной границы или кульминационной, завершающей точки в его развитии). Первый признак используется при описании славянского вида в чешской, словацкой, польской, болгарской лингвистике, а также при описании русского языка в трудах Ю.С. Маслова, ранних работах А.В. Бондарко и их последователей. Предел действия связывается с семантикой русского совершенного вида в работах В.В. Виноградова, П.С. Кузнецова, Р. Якобсона и др. Такое распределение видовых коррелятивных признаков по славянским грамматикам не случайно и не является лишь данью лингвистической традиции, а отражает существующие различия в актуализации (профилировании [Гжегорчикова, 1997]) определенных элементов граммем СВ и НСВ при сохранении системной общности грамматической категории вида в славянских языках (см. об этом подробнее [Петрухина, 2003; 2009а]).

Сопоставительные славянские исследования продемонстрировали, что именно признаковый подход позволяет объяснить существенные различия между отдельными славянскими языками в употреблении видов [Иванчев, 1971; Dickey, 2000; Петрухина, 2012].

НСВ, как немаркированный член видовой оппозиции, в силу двойственного характера последнего [Якобсон, 1985: 221], может, во-первых, отрицать категориальное значение СВ, выражая действие в его течении, «не стесненной мыслью о пределе процесса в целом» [Виноградов, 1972: 394], т. е. НСВ актуализирует срединные моменты протекания действия синхронно с моментом наблюдения. Во-вторых, НСВ может быть нейтральным к аспектуальным характеристикам ситуации, допуская, в зависимости от контекста и значения глагола, различную ее интерпретацию. В последнем случае возможно синонимичное употребление видов, свидетельствующее о нейтрализации видовой оппозиции. Однако подчеркнем, что при этом виды не являются полными синонимами, так как, не будучи противопоставленными по отношению к коррелятивному признаку, глаголы разного вида могут наполняться различным интерпретационным или прагматическим содержанием (о разных точках зрения на привативные оппозиции в грамматике см. [Петрухина, 2009б: 28; Плуноян, 2000: 108]).

Двойственной природе НСВ соответствуют три основных его контекстных (частных) значения: **процессное, общефактическое и неограниченно-кратное** [Маслов, 2004: 99–102], которые выделяются во всех славянских языках, но имеют в них разные функциональные границы. Между славянскими языками наблюдаются также различия в переходных, промежуточных типах семантики глаголов НСВ, которые связывают все основные значения НСВ без резких границ в **единый континуум**. Континуальность семантической шкалы значений НСВ в славянских языках основана **на единой форме НСВ**, «обслуживающей» эту шкалу значений, в определении которых в славистике нет единства. Как показала Е.В.Падучева в своем докладе на заседании Круглого стола «Вид и лексическое значение глаголов» (МГУ, март 2012 г.), система частных значений НСВ складывается в результате взаимодействия грамматической семантики НСВ с лексическим значением глагола и контекстом; важную роль играют также особенности дискурса и режим интерпретации [Падучева, 2012: 33–35].

В данной статье в центре внимания находятся **процессное значение НСВ и его разновидности**. Глаголы НСВ в процессном значении выражают действия без актуализации их границ, а следовательно, и без актуализации изменения, смены ситуации, ср. [Шатуновский, 2009: 106]. В славистике выделяют несколько типов процессного значения: актуально-процессное, длительно-процессное и конативное (с использованием и других терминов), но они не покрывают всей

семантической шкалы процессности. Так, особой интерпретации требует употребление НСВ во вторичной функции в нарративе, прежде всего в настоящем историческом, при изображении последовательных (завершенных) прошедших действий или действий в условном времени художественного повествования как синхронных моменту наблюдения говорящего (повествователя). Специального внимания заслуживает связь между отдельными частными значениями НСВ, например, между общефактическим и процессным, а также неограниченно-кратным.

2. Процессное значение НСВ и его разновидности

2.1. Актуально-процессное значение. Основным значением НСВ признается значение, связанное с синхронной точкой отсчета и выражающее незаконченное действие, представленное «в процессе его осуществления» [Бондарко, 1971: 24], т. е. «протекающее в определенный момент времени» [Маслов, 2004: 99], «в момент наблюдения» [Падучева, 1996: 10]. Для номинации этого значения употребляется целый ряд терминов, в частности: конкретно-процессное значение (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко), актуально-длительное (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, М.Я. Гловинская), актуально-процессное (Е.В. Петрухина). В дальнейшем изложении мы не рассматриваем глаголы НСВ, которые не способны иметь процессное значение, типа *находить*, *съесть* (отметим, что таких глаголов значительно больше в русском языке, чем в чешском, см. ниже).

Мы используем термин «актуально-процессное» значение, который выражает то, что конкретное действие представлено как актуальное в определенный момент времени, т. е. начатое, но не завершенное в данный момент (в том числе и в момент речи — при употреблении глаголов в форме настоящего времени). Именно это значение является основным для большинства глаголов НСВ, так как оно реализуется в минимальном контексте, когда внимание сосредотачивается на самом действии. Ср.: *Шар поднимается; Мы будем стоять здесь; Корабль погружался в море; Дул северный ветер*. Обычно в речи актуальность единичного и конкретного незавершенного действия для определенного момента времени выражается и другими элементами контекста: *Шар сейчас поднимается; Когда ты вернешься, мы будем стоять здесь; Когда прибыли спасатели, корабль медленно погружался в море; Дул северный ветер, и нам трудно было идти*².

2.2. Длительно-процессное значение НСВ. При невыраженности синхронной точки отсчета процессная семантика НСВ

² У непарных по виду глаголов отношения и состояния в подобном типе употребления можно было бы говорить об актуально-реляционном и актуально-статальном значениях НСВ. Например: *В 1956 году он был членом КПСС. Окна спальни выходят на юг. Церковь стоит на высоком берегу*.

реализуется в нескольких семантических вариантах. НСВ может выражать длительное действие (в зависимости от формы времени с ретроспективной или проспективной точкой отсчета), занимающее незамкнутый промежуток времени. Данное значение НСВ обуславливается лексическими показателями временных периодов типа *долго, неделю, весь день, три часа*, исключающими сочетание с СВ, например: *Вчера он целый день спал. Над проектом мы будем работать всю неделю.* Это частное значение НСВ А.В. Бондарко определяет как подчеркнуто-длительное [Бондарко, 1971: 26]. В отечественной лингвистике существует целый ряд сходных терминов: континуальное [Падучева, 1996: 10], процессное («длительное, но не разворачивающееся во времени») [Гловинская, 1989: 83], дуративное (процессное) [Апресян, 2009: 532], ограничительно-длительное (дуративное) [Шатуновский, 2009: 108] и др. В данной статье употребляется термин «длительно-процессное» значение [Петрухина, 2009: 66]³.

Данное значение может быть реализовано как в диалогическом коммуникативном режиме речи, так и в нарративе при обозначении цепочки последовательных действий. Например: *Когда гости ушли, Лара долго проветривала, подметала комнаты, мыла... на кухне посуду. Потом... быстро разделась, потушила лампу и легла* (Б. Пастернак). Для того чтобы формы прошедшего времени НСВ в этом значении могли быть употреблены в стилистически нейтральном нарративном тексте, их процессное значение должно быть поддержано контекстными показателями длительности типа *долго, целый час*, а также лексическими таксисными ориентирами: *сначала, потом, после этого* и под.

В русском языке употребление видов характеризуется большей нормированностью, в том числе и более строгой сочетаемостью видов с аспектуальными лексическими идентификаторами процессности, чем в чешском языке. Так, глаголы СВ не сочетаются с дуративным обстоятельством *долго*, даже если есть для этого семантические условия, например отрицание, выражающее отсутствие действия, соответственно и отсутствие изменения ситуации. В чешском языке при отрицании такая сочетаемость реализуется совершенно свободно, например: *Promiň, že jsem ti tak dlouho nenapsala, neodpověděla* (возможен и НСВ: *nepsala, neodpovídala*). — *Извини, что я тебе так долго не писала, не отвечала* (букв. «не написала, не ответила»).

Рассмотренные два типа процессного значения НСВ в российской лингвистике выделяются наиболее последовательно. Они соответствуют двум семантическим типам прогрессива (т. е. особой формы

³ Данное значение также имеет подтипы, зависящие от лексической семантики глагола: длительно-реляционное и длительно-статальное значения (*Он был членом КПСС 20 лет; Церковь стояла на высоком берегу 50 лет, а в 1930 году ее взорвали*).

с процессным значением, представленной в английском и некоторых других языках), выделяемым в западноевропейской лингвистике: «сфокусированному» прогрессиву (focalized progressive) и дуративному прогрессиву (durative progressive)⁴ [Dahl, 2000: 526–538; Bertinetto, 2000: 527]. При этом длительно-процессное значение не покрывает всей области дуративного прогрессива, так как последнее значение может реализоваться и при отсутствии показателей дуративности (ср. с неопределенно-процессным значением, которое анализируется ниже).

2.3. Неопределенно-процессное значение. Без обозначения средствами контекста длительности действия (а также при отсутствии контекстных или ситуативных показателей его завершенности) глаголы НСВ выражают **неопределенно-процессное** значение, например: *Я не успела закончить свою статью, так как вчера читала диссертацию своей аспирантки. На совещании заведующие кафедрами обсуждали новый учебный план.* В такие предложения легко и естественно вводятся лексические показатели незамкнутой длительности типа *целый вечер, два часа*. Реализация неопределенно-процессного значения возможна как в нарративе, так и в диалогическом коммуникативном режиме речи. Неопределенно-процессное значение отличается от других типов процессности тем, что допускает сближение с общефактическим значением НСВ и, соответственно, с конкретно-фактическим значением СВ. Разграничение близких значений НСВ зависит прежде всего от типа референции, а также от тонких особенностей контекста, включая интонацию и фразовое логическое ударение [Шатуновский, 2009: 111–114]. Это соответствует немаркированной природе несовершенного вида, позволяющей глаголам НСВ реагировать на малейшие изменения контекста.

Если действие в одной и той же ситуации может быть представлено и как конкретный завершенный и результативный факт (СВ), и как конкретный процесс без указания на его завершение и результат (НСВ), то возможно близкое по значению употребление видов, прежде всего в семантической группе глаголов говорения и интеллектуальной деятельности, у которых результат ненаблюдаемый, причем глагол НСВ всегда выражает хотя бы частичный результат, например: *Вчера он нам рассказывал / рассказал о своей поездке в Лондон (было интересно). В понедельник на деканате обсуждали / обсудили новый учебный план (в нем больше времени отводится на самостоятельную работу студентов).* Подобная синонимия видов возможна и в других семантических группах глаголов, ср.: *Вчера я редактировала / отредактировала сборник студенческих работ (поэтому не успела закончить свою работу).* Глаголы НСВ (в неопределенно-процессном

⁴ Х.Р. Мелиг предлагает перевести данные термины как «фокусно-процессное» и «дуративно-процессное» значения НСВ [Мелиг, 2008: 574].

значении) и СВ (в конкретно-фактическом значении) в этих предложениях не являются полными синонимами, выражая оппозицию действия, которое может быть продолжено (так как его завершение не выражено), и действия законченного. Если контекст подчеркивает это различие, то конкуренция видов невозможна (например: *Вчера он нам рассказывал о своей поездке в Лондон, сегодня обещал продолжить и ответить на все вопросы. Вчера я редактировала сборник студенческих работ — их очень много, мне нужна помощь.*

Рассмотренные типы процессного значения НСВ в сходных условиях контекста реализуются также в чешском языке.

2.4. Тендентивно-процессное значение (попытки). Другой тип процессного значения НСВ, зависимый от лексического значения глагола и связанный с имплицитными смыслами **попытки** или **тенденции**, из двух сопоставляемых языков присущ в большей степени русскому. В русском языке возможно прямое противопоставление пары глаголов НСВ и СВ со значением попытки / результата (или его отсутствия), а также тенденции / ее (не)реализации [Падучева 1996: 113]: *Он решал, но не решил эту трудную задачу; Мы очень спешили, так как вышли поздно и опаздывали на встречу, но в результате не опоздали.*

В чешском языке эта смысловая оппозиция выражается, как правило, не грамматически, а лексически. Например: *Я запоминала его новый адрес, но не запомнила — Snažila jsem se zapamatovat si jeho novou adresu, ale nezapamatovala jsem si ji.* (букв. «Я старалась запомнить его новый адрес, но не запомнила»). *Его увольняют, надо что-то предпринять, чтобы не уволили. — Zdá se, že bude propuštěn / Chtějí ho propustit* (букв. «Вероятно, он будет уволен»... / Его хотят уволить...). *Musíme něco podniknout, aby ho nepropustili.*

2.5. Процессное значение: обобщение. Для рассмотренных контекстных значений НСВ, как уже говорилось выше, в обобщающем смысле мы употребляем термин «процессное значение». Этот термин Ю.С. Маслов использовал для обобщения и объединения всех типов употребления глаголов НСВ, в которых несовершенный вид нельзя заменить совершенным видом [Маслов, 2004: 100], см. также [Бондарко, 1983: 118–160]. Принимая в целом терминологию Ю.С. Маслова, мы тем не менее отмечаем, что в группе процессных значений НСВ имеется переходный тип — неопределенно-процессное значение, сближающееся с общефактическим значением НСВ, а значит, допускающее (неполную) синонимию с конкретно-фактическим СВ, т. е. конкуренцию видов⁵. И.Б. Шатуновский в обобщающем

⁵ Под конкуренцией видов В. Матезиус понимал употребление обеих видовых форм для обозначения одного и того же факта действительности в соответствии с различными потребностями языковой стилизации [Mathesius, 1938: 15]. Аналогично Ю.С. Маслов говорит о конкуренции видов в тех случаях, когда выбор вида опреде-

смысле использует два термина: помимо «процессности» также «неопределенно-длительное значение» [Шатуновский, 2009: 24]. Мы отдаем предпочтение первому, позволяющему объединить сходные типы употребления НСВ, — термину «процессное значение», который более точно отражает специфику НСВ, поскольку неопределенно-длительное значение могут иметь и глаголы СВ, а именно глаголы с приставкой *по-* (*Мы с удовольствием **посидели** в парке, а когда начался дождь, вернулись домой*).

В выражении рассмотренных разновидностей процессного значения между славянскими языками мало различий, что отражает системную общность категории вида в славянских языках, а также то, что данные значения фокусируют диктумные признаки действия — его незавершенность или реальную продолжительность. Общим для всех славянских языков является то, что глаголы НСВ, употребленные в актуально-процессном, длительно-процессном и конативно-процессном значениях, не вступают в синонимические отношения с глаголами СВ и исключают конкуренцию видов — в этих значениях НСВ максимально противопоставлен СВ.

3. Переносное употребление глаголов НСВ с процессным значением. Глаголы НСВ, не утрачивая процессную семантику, могут употребляться переносно, выполняя функции СВ, например при употреблении форм настоящего времени НСВ для выражения прошедших и завершенных последовательных действий в повествовательных текстах.

В результате переносного употребления презентных форм НСВ в нарративе создается сложное комбинированное значение, которое мы называем «**процессно-фактическим**»⁶. В этом значении формы настоящего времени НСВ, принимая на себя выполнение важной функции глаголов СВ — выражения завершенных, сменяющих друг друга действий на линии повествования, — не теряют при этом собственной специфики, представляя эти действия как длящиеся процессы. «...“Протекание” и “целостность” совмещены в одной форме: конкретно-фактическое значение образно выражено здесь с помощью значения процессного, хотя в других случаях эти значения

ляется «субъективной точкой зрения говорящего» [Маслов, 2004: 104]. Термины «синонимия видов» и «конкуренция видов», относясь к одному и тому же явлению, актуализируют разные его аспекты: «синонимия» отмечает сходство в некоторых случаях семантики видов и возможность употребления глаголов разного вида для обозначения одной и той же ситуации, а «конкуренция видов», фиксируя употребление глаголов СВ и НСВ для обозначения одного и того же факта действительности, подчеркивает различия в интерпретации данного факта.

⁶ В нашей терминологической системе вторая часть составного термина выражает основной элемент частного значения, связывающий его с другими близкими или синонимичными видовыми значениями, а первая — разновидности, типы этого основного значения.

антонимичны друг другу» [Маслов, 2004: 110]. Например: *Вчера мы ехали вместе в троллейбусе, он, как всегда, без билета. Вдруг к нам **подходит** контролер и **требует** предъявить билеты.* Процессно-фактическое значение НСВ выражается также при изображении конкретных ситуаций в художественном повествовании — в настоящем нарративном (в дальнейшем для обозначения обоих типов мы используем традиционный термин «настоящее историческое»), в котором точка отсчета идентична не моменту речи, а текущему моменту текстового времени [Падучева, 1996: 283]. Формы настоящего времени НСВ изображают завершённые и сменяющие друг друга действия синхронно текстовому моменту наблюдения. Ср.: *Петровна сбрасывает с себя узел, хватает в руки большой жестяной чайник и **выбегает** из вагона. **Бьет** второй звонок. **Входит** маленький кондуктор с черными усиками* (А.П. Чехов).

Процессно-фактическое значение НСВ реализуется также при употреблении форм прошедшего времени НСВ в нарративных текстах так называемых былинного, сказового стиля [Гловинская, 1989: 108–111], когда вместо нейтральных глаголов СВ употребляются глаголы НСВ, актуализируя протяженность, длительность каждого из последовательных действий, ср.: *И все же мистер Смит не поспешая **принимал*** (ср. принял) *ванну... **выбирал*** (ср. выбрал) *в гардеробе костюм, **избрал** черный и **затягивал*** (ср. затянул) *сзади у брюк хлястик, **защелкивал*** (ср. защелкнул) *пряжки у ботинок. Лакей **принес** кофе...* (Б. Пильняк). Хотя контекст и указывает на завершенность и результативность действий, формы прошедшего времени НСВ, в отличие от возможных синонимичных форм СВ, «концентрируют внимание не только на результате, но и на процессе» [Гловинская, 1989: 111].

Если в нарративе при употреблении прошедших форм СВ происходит подавление визуализации действий (так как «наррация всегда представляет собой быструю перемену» следующих друг за другом действий [Дюрен, 1995: 76]), то формы НСВ в нарративных текстах в аористой⁷ функции, напротив, способствуют визуализации последовательных действий.

Таким образом, процессность при возможной конкуренции видов — это интерпретационный компонент, который зависит от ряда факторов: лексического значения глагола (прежде всего от его способности выражать процессность); коммуникативных режимов

⁷ Ю.С. Маслов дает универсальную формулу: «аористом повествование продвигается вперед, имперфектом останавливается», применяя ее «к любому языку, проводящим с помощью глагольных форм различие между осью последовательности и осью одновременности претеритального повествования» [Маслов, 2004: 228], см. подробнее [Петрухина, 2009б: 141–146]. Ср. также синонимичное использование терминов «нарратив» и «аорист» в [Дюрен, 1995].

речи (диалогического или нарративного); типа ситуации (ее наблюдаемости / ненаблюдаемости); особенностей дискурса (см. ниже); аспектуально релевантных элементов контекста (прежде всего лексических). Наше русско-чешское исследование подтверждает значимость названных параметров, которые были рассмотрены на русском материале в [Падучева, 2012]. Однако мы хотели бы обратить внимание на то немаловажное обстоятельство, что на своеобразие употребления видов в процессном значении в отдельных славянских языках влияют различия в устройстве видовой системы в каждом из них, со специфичной для конкретных языков семантикой граммем обоих видов. Системная общность категории глагольного вида в славянских языках (т. е. само существование славянского вида) не исключает, а напротив, предполагает (с учетом неповторимого своеобразие каждого славянского языка) некоторые различия в отдельных видových системах. Соответственно употребление видов взаимосвязано с системным устройством данной категории в каждом языке и не может быть объяснено вне системы. Сопоставление славянских языков выявляет границы такого своеобразия и позволяет лучше понять специфику видовой организации каждого языка, в нашем случае русского и чешского, а тем самым и многообразие правил употребления видов.

4. Различия в употреблении видов между русским и чешским языками

4.1. Выбор видов в нарративном дискурсе. В чешском языке, как и в русском, также возможно употребление НСВ с процессно-фактическим значением в обоих рассмотренных выше типах нарратива, но при этом между двумя языками имеются и различия. Как известно, в чешском языке в плане настоящего исторического возможно употребление презентных форм как НСВ, так и СВ. Соответственно возможна оппозиция глаголов СВ и НСВ в одном временном плане в результате свободного выбора видов говорящим (повествователем), например:

Přesně v sobotu přinese listonoš psaní. Teta s klidnou jistotou... usedá s brýlemi na svůj trůn. S úsměvem začíná číst. Úsměv však rychle zhasne (J. Glazarová).

Ровно в субботу почтальон приносит (букв. «принесет») письмо. Тетя со спокойной уверенностью усаживается с очками на свой трон. С улыбкой начинает читать. Однако улыбка быстро гаснет (букв. «погаснет»).

Большая свобода выбора видов наблюдается в чешском языке и при повествовании в плане прошедшего времени. В русском языке употребление форм прошедшего времени НСВ в аористной функции стилистически маркировано — характерно для стиля отдельных писателей, например Б. Пильняка. В стилистически нейтральных

текстах повествование в русском языке ведется обычно в формах прошедшего времени СВ. В отличие от русского языка в чешском языке возможность выбора и комбинации видов при повествовании в плане прошедшего времени значительно больше, и реализуется она чаще, причем такая комбинация не выходит за рамки нейтрального стиля художественного повествования. Обычно в цепочке или паре последовательных действий глаголами НСВ выражаются завершающие действия; тем самым создается как бы открытая перспектива повествовательной линии. В большинстве случаев повторить сочетание видов исходного чешского предложения в русском эквивалентном переводном предложении невозможно. В русском языке обычный стиль повествования требует обозначить предел, границу последовательных действий, даже если это неопределяемая деятельность: в этом случае начало или одноактность, завершенность действий выражается лексическими или словообразовательными средствами (ср. *начали махать, замахали, махнули*). Например:

Když jsem tedy u těch dvou pánů nepochodil, vylezl jsem na takový pěkný javor v našem parku a přemýšlel jsem (K. Čapek).

Ta hra byla o králících... Potom najednou jeden králik odběhl, po chvíli se vrátil a šeptal něco těm druhým. Na jedné straně jeviště se objevil nějaký pán a mával na krajního králíka. ...A pak když zatáhli oponu, vběhli králíci do hlediště k rodičům a pili limonádu a jedli cukroví (I. Kraus).

He преуспев у этих двух господ, я залез на раскидистый клен в нашем парке и начал думать (букв. «думал») (перевод Т.М. Аксель).

Спектакль был о кроликах... Потом один кролик вдруг отбежал, через минуту вернулся и что-то зашептал (прошептал, букв. «шептал») другим. На одной стороне сцены появился какой-то господин и замахал (махнул, букв. «махал») крайнему кролику. ...Когда опустили занавес, кролики вбежали в зрительный зал к родителям и стали пить лимонад и есть сладости (букв. «ели и пили»).

Добавим, что, конечно, повествование в плане прошедшего времени в чешском языке может быть выдержано только в формах СВ. Мы подсчитали соотношение форм прошедшего времени СВ и НСВ, при помощи которых ведется повествование (т. е. исключая употребление глаголов НСВ в имперфектной функции для изображения фона сюжетной линии) на одной произвольно взятой странице (с. 37) из сборника рассказов современного чешского автора Ивана Крауса «Моя семья и другие потрясения»⁸. На этой странице из 42 повествовательных форм прошедшего времени употреблено 30 глаголов СВ и 12 НСВ. В русском переводе в аористной функции употребляются в основном формы прошедшего времени СВ.

Св. Иванчев и А. Стунова видели в таком употреблении форм прошедшего времени НСВ в чешском языке имплицитную начальность [Иванчев, 1961: 111; Stunová, 1993: 114]. В этом вопросе мы, однако, разделяем точку зрения Е. Беличовой-Кржижковой, согласно

⁸ Kraus I. Má rodina a jiná zeměřesení. Praha, 1998.

которой там, где в русском и болгарском языках ингрессивность нельзя не выразить, в чешском языковом сознании этот смысл вообще не появляется. Только на основе логического анализа и сравнения с другими языками чех осознает, что речь идет о действии, которое в других славянских языках воспринимается как начинающееся [Křížková, 1962: 287].

4.2. Употребление видов и выражение границ действия.

Рассмотренные типы нарратива (в формах как прошедшего, так и настоящего времени) демонстрируют типичное соотношение видов в сопоставляемых языках в тех контекстах, которые не связаны с оппозицией актуально-процессного (или длительно-процессного) значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ. Там, где в русском языке обязательно употребление одного из видов (обычно НСВ, кроме повествования в плане прошедшего времени с преобладанием СВ) в чешском языке выбор видов более свободный. СВ в чешском языке, как известно, активнее, чем в русском, при выражении повтора, в настоящем историческом, в перформативном употреблении, в конструкциях с отрицанием и других контекстах. Языковой материал данной статьи свидетельствует о более свободном выборе в чешском языке, в сравнении с русским, в ряде контекстов и НСВ.

Отмеченные различия в употреблении видов в претеритальных повествовательных текстах связаны с разной степенью частотности и обязательности выражения в сопоставляемых языках временных **границ действия**. Как показывают приведенные выше примеры, в русском нарративе в плане прошедшего времени, в отличие от чешского, отмечается высокая степень обязательности выражения границ деятельности или процесса, включенных в повествование, при помощи производных глаголов с приставками *за-*, *по-*, *про-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать*, *стать*, употребление которых характеризуется снижением интенциональности и возрастанием обязательности [Петрухина, 2003, 2009а]. В чешском языке при построении претеритальных повествовательных текстов обозначение временных границ деятельности или процессов, включенных в нарративную цепочку, не является обязательным; напротив, такие действия или деятельность часто представляются в виде незамкнутого процесса.

Различное отношение к выражению границ действия, особенно его начала, проявляется и на других участках аспектуальных систем русского и чешского языков. Так, если в русском языке есть ряд продуктивных способов действия с приставками *за-* (*закричать*, *зашагать*), *по-* (*пойти*, *поехать*), четко выражающих начальную границу действия, то в чешском языке дериваты с приставкой *za-* выражают скорее кратковременное проявление действия (*zakřičet* как *прокричать*), а глаголов движения с начинательными приставками

вообще нет. Русским глаголам с приставкой *po-* в чешском языке соответствуют бесприставочные глаголы НСВ: *Kde je Jiří? — Šel domů přěšky — Где Иржи? — Пошел домой пешком*⁹.

Выражение начала действия бесприставочными глаголами НСВ возможно в чешском языке и в семантической группе глаголов спонтанного восприятия. Такое употребление НСВ, наряду с СВ, наблюдается как в нарративном, так и диалогическом коммуникативном типе речи. Ср.: *Rychle vstal, jakmile viděl, že se blíží Ivan — Он быстро встал, как только увидел (букв. видел), что приближается Иван. Atentátník dal ruce vzhůru, jakmile nás uviděl, říká norská policie — «Убийца поднял руки вверх сразу, как только нас увидел», — сообщает норвежская полиция. Jakmile o tom slyšel, hned se vrátil — Как только он услышал (букв. «слышал») об этом, сразу же вернулся. A zkazí to, budeš vidět / uvidíš — Он это испортит, вот увидишь (букв. «будешь видеть»).*

4.3. Формы прошедшего времени НСВ в чешских новостных заголовках¹⁰. В современном чешском языке в особом типе дискурса, а именно в заголовках новостных заметок и статей, публикуемых в средствах массовой информации, наблюдается частотное употребление глаголов НСВ для выражения завершённых действий в прошлом, существенно отличающееся от употребления видов в заголовках этого типа в русском языке. Ниже мы приводим примеры из чешских СМИ, почерпнутые из Интернета: в заголовках, которые в примерах подчеркнуты, используются глаголы НСВ (в большинстве случаев они могут быть заменены на глаголы СВ), в самой статье или заметке то же самое действие обычно выражено глаголом СВ:

Veterináři vraceli tuny drůbežního z Polska.

Polskému výrobci byly vráceny dvě zásilky drůbežního masa o celkové hmotnosti 43,5 tuny.

Archeolog děkoval NATO, že při nálezech v Libyi neznížilo žádné historické památky. Známý libyjský archeolog Hafed Walda poděkoval silám NATO, které donedávna bombardovaly Libyi, za přesnost jejich leteckých úderů.

Justin Bieber zvracel během show.

Ветеринары вернули (букв. «возвращали») тонны мяса птицы из Польши. Польскому производителю были возвращены две партии мяса птицы общим весом 43,5 тонны.

Археолог поблагодарил (букв. «благодарил») НАТО за то, что при налетах в Ливии не было уничтожено ни одного исторического памятника. Известный ливийский археолог поблагодарил силы НАТО, которые недавно бомбардировали Ливию, за точность авиационных ударов.

Джастина Бибера вырвало (букв. «рвало») во время шоу.

⁹ В аспектуальной системе чешского языка глаголы однонаправленного движения типа *jet — ехать, jít — идти* занимают особое положение, которое здесь нет возможности рассмотреть. С.С. Скорвид считает их находящимися вне категории вида [Скорвид, 2005: 250].

¹⁰ С благодарностью отмечаю, что на этот тип употребления глаголов НСВ в чешском языке мое внимание обратил С.С. Скорвид, который сделал также ряд ценных замечаний по улучшению текста данной статьи.

Подобные многочисленные примеры особого (с точки зрения русского языка) использования НСВ объединяет специфический дискурс новостных заголовков, основная функция которого в современных СМИ, в том числе и электронных, — привлечь читателя к сообщению, вызвать его интерес. Согласно комментарию чешского информанта, действие представляется как незавершенный процесс, т. е. создается своего рода интрига: «читателю интересно узнать, как все закончилось». Такое употребление НСВ для русского языка не характерно, в чешском же оно возможно не только в заголовках, но также и в самих текстах заметок, часто наряду с синонимичными глаголами СВ:

*Obama **děkoval** svému volebnímu štábu. Svým spolupracovníkům **děkoval** za podporu. Diplomát **četl** v OSN cizí projev. Ničeho si **NEVŠÍML!** ... Když měl vystoupit se svým projevem, spletl si papíry a **četl** připravenou řeč někoho jiného.*

*Обама **поблагодарил** (букв. «благодарил») свой избирательный штаб. Он **поблагодарил** (букв. «благодарил») своих сортников за поддержку. Дипломат **прочитал** (букв. «читал») в ООН чужую речь, ничего не заметив! ...Когда он должен был выступить со своей речью, то перепутал бумаги и **прочитал** (букв. «читал») подготовленную речь кого-то другого.*

Формы прошедшего времени НСВ в рассмотренных чешских примерах выражают законченное действие в прошлом, по мнению чешских информантов, как бы «растягивая» его. Но в аналогичных контекстных условиях могут быть употреблены также глаголы НСВ, по своему лексическому значению не способные обозначать длящийся процесс, например: Žižkov **táhl** Černého Petra — Жижков **вытянул** (букв. «тянул») *несчастливый билет*¹¹. В самом тексте о сохранении исторических памятников употреблен глагол СВ: *Ted' si právě Černého Petra **vytáhl** Žižkov.* Ср. также: Arsenal **bral** včera 3 body zásluhou hráče Stoke. — «Арсенал» **взял** (букв. «брал») 3 очка благодаря Стоуку. Все это свидетельствует о большей близости данного дискурсивно связанного употребления чешских глаголов НСВ к общефактическому (ОФ) значению НСВ, чем к процессно-фактическому (раздел 4.1) или неопределенно-процессному (раздел 2.3). К интерпретации значения глаголов НСВ в чешских новостных заголовках мы вернемся в следующем разделе, в котором анализируются типы ОФ семантики.

¹¹ Речь идет о принятом решении снести старый дом в районе Жижков, представляющий, по мнению автора, историческую ценность.

5. Системные различия в граммемах НСВ в русском и чешском языках (в связи с типами ОФ значения)

В предыдущих исследованиях мы пришли к выводу о том, что немаркированность НСВ в двух сопоставляемых языках (в рамках привативной видовой оппозиции) неодинакова: в русском языке она выражена в большей степени, чем в чешском [Петрухина, 2009а]. Данное категориальное различие в сопоставляемых языках на уровне текста проявляется по-разному, прежде всего в том, что НСВ в русском языке имеет более широкие функциональные границы, чем в чешском. Там, где НСВ в русском языке обязателен, в чешском наряду с НСВ используется и СВ (при выражении повторяющихся действий, в настоящем историческом, сценическом, в конструкциях с отрицанием), причем в некоторых случаях чешский СВ является более употребительным, чем НСВ. В этом функциональном соотношении глаголов НСВ в сопоставляемых языках своеобразно проявляется известная языковая универсалия, согласно которой у немаркированной формы в речи наблюдается большая частотность, чем у маркированной формы [Успенский, 1970: 29–30]. Потенциальная возможность употребления обоих видов в одном и том же контексте и их относительно свободный выбор в чешском языке способствуют актуализации в значении глаголов НСВ признака процессности (если этому не препятствует лексическое значение глагола). Это свойство отмечено в контексте повторяющихся действий в [Havránek, Jedlička, 1960: 226].

Сходные функциональные и семантические различия между русским и чешским НСВ проявляются также в вопросах с *когда-нибудь*, повествовательных предложениях с *когда-то*, в отрицательных предложениях с *никогда*. В русском языке в сочетании с данными лексическими показателями употребляются глаголы НСВ (с ОФ значением), а в чешском преобладают глаголы СВ. Например: *Я никогда с ним не **встречался***. — *Nikdy jsem se s ním **nesetkal*** (СВ). *Мы когда-то встречались с ним в Праге* — *Setkal* (СВ) *jsem se s ním někdy v Praze*. *Ты уже когда-нибудь **поднимался** на эту гору?* — чеш. *Uz jsi někdy **lezl** / **vylezl** na tuto horu?* (возможный в последнем чешском предложении глагол НСВ *lezl* актуализирует процессность как представление о трудном и длительном восхождении).

Процессная окрашенность НСВ в чешском языке мешает употреблению в подобных предложениях глаголов, выражающих случайные нежелательные действия: НСВ сохранял бы здесь неподходящее значение целенаправленности, поэтому предпочтение отдается глаголам

СВ, тогда как в русских предложениях этого типа возможен только НСВ. Ср.: *Ты когда-нибудь терял паспорт? — Ztratil (СВ) jsi někdy pas? Я эту вазу не разбивал — чеш. Já jsem tu vázu nerozbil (СВ).*

Как мы видим, в рассмотренных условиях контекста, типичных для употребления в русском языке глаголов НСВ с ОФ значением, наблюдаются те же закономерности употребления видов, что и при обозначении повторяющихся действий: чешский язык отдает предпочтение глаголам СВ, как и при обозначении кратных действий, а русский язык — глаголам НСВ. Это подтверждает отмечаемый многими лингвистами факт производности ОФ значения (в нереперентных высказываниях) от семантики повторяемости действия [Гловинская, 1982: 143; Мелиг, 1998; Шатуновский, 142–143]. Ниже мы рассматриваем вопрос о возможной связи ОФ семантики с процессным значением НСВ.

Более тесную связь граммемы НСВ с процессностью в чешском языке, чем в русском, отражают и другие языковые факты. Так, в чешском языке отсутствуют непроцессные вторичные имперфективы, аналогичные русским глаголам *съесть*, *прочитывать* (такие глаголы или не образуются, или имеют процессное значение: *pročítat*, *pročítávat*), *приезжать*, *добегать* (глаголы с приставками *při-* и *do-* имеют все типы процессной семантики без каких-либо ограничений).

Соответственно в чешском языке не развит реверсивный тип ОФ значения НСВ (со значением аннулированного результата) типа русского *К тебе приходил Иван (= был и ушел); Недавно мы ездили (съездили) в Петербург*, так как реверсивное значение возможно лишь при нейтрализации процессности в семантике глагола НСВ. На чешский язык подобные предложения переводятся бытийными конструкциями: *Ivan byl za tebou; Nedávno jsme byli v Petrohradě.*

В русском языке реверсивное значение НСВ является частотным, в форме прошедшего времени его выражают, помимо глаголов движения с приставками *при-* и *с-*, также целый ряд других глаголов (типа *вставать*, *садиться*, *ложиться*, *подниматься*, *включать*, *выключать*) [Шатуновский, 2009: 152–158]. В чешском языке аналогичные глаголы не имеют семантики «двунаправленного» действия — в таких же условиях контекста они выражают однократное конкретное действие (с сохраненным, а не аннулированным результатом), например: *Dnes jsem vstával v půl šestý — Сегодня я встал* (букв. «вставал») *в половине шестого*. Ср. также:

“Ty jsi mi nějaký čiperný”, prohlásí sestra, když vyleze ze svého pokoje. “Kdy jsi vstával?” — “Jdu s Markem ven” pokrčím rameny. “Vstával jsem v osm”.

«Какой-то ты у меня бойкий», — говорит (букв. «скажет») сестра, выходя (букв. «когда выйдет») из своей комнаты. — «Когда ты **встал** (букв. «вставал»)»? — «Я иду с Марком на улицу», — пожимаю (букв. «пожму») я плечами. — «**Встал** (букв. «вставал») я в восемь».

По нашему мнению, при таком употреблении глаголов НСВ в чешском языке также выражается ОФ значение, но особый его тип, связанный со значением процессности. Примечательно, что в русском языке при обозначении индивидуального действия в прошлом (с конкретной референцией) не употребляются глаголы, не имеющие актуально-процессного и длительно-процессного значения (или способные развивать эти значения лишь в отдельных случаях только при сильной поддержке контекста). Речь идет о целом ряде глаголов, выражающих действия без подготовительной фазы накопления результата (типа *бросать, кусать, замечать, обнаруживать, получать, брать*). А в нереферентных высказываниях, типичных для ОФ значения в русском языке, подобные глаголы НСВ употребляются свободно, например в вопросах с *когда-нибудь*, в предложениях с отрицанием. Ср. *Тебя когда-нибудь кусала собака?* / *Его вчера рядом с библиотекой кусала собака. *Ты когда-нибудь включал этот прибор?* *Я никогда не включал этот прибор.* / *Вчера я включал прибор заранее. В чешском же языке таких ограничений на использование подобных глаголов НСВ в форме прошедшего времени для обозначения единичного действия при индивидуальных обстоятельствах нет. Ср.:

Velmi rychle jsem litoval, že jsem tu televizi zapínal. Přišlo mi to víc jako reklama než jako seriálový počín. Ostatně proto jsem vám dával ten předchozí link.

Очень быстро я **пожалел** (букв. «жалел»), что я **включил** (букв. «включал») телевизор. Это больше походило на рекламу, чем на хороший сериал. Кстати, именно поэтому я **дал** вам (букв. «давал») предыдущую ссылку.

Отметим, что при этом в чешском языке невозможно вопросительное предложение *Už tě někdy kousal (НСВ) pes? Это соответствует рассмотренным выше закономерностям употребления видов в вопросах с неопределенной референцией, в которых в русском языке употребляются глаголы НСВ с ОФ значением, а в чешском языке преобладают глаголы СВ и действует запрет на употребление глаголов НСВ случайного действия. В то же время в новостных заголовках форма прошедшего времени глагола НСВ *kousat* употребляется свободно, например: *Agresivní pes kousal do krve, jeho pán skončil na záchytce.* — *Агрессивная собака покусала* (букв. «кусала») *свою жертву* (в чешском предложении объект не выражен) *до крови, ее хозяин угодил в вытрезвитель.*

В обоих языках при выражении единичного действия в прошлом (если общий контекст и ситуация предполагают его завершение, но без экспликации этого такими показателями, как *за день, к пяти часам*) употребляются глаголы НСВ, способные иметь процессные значения; при этом они могут конкурировать с глаголами СВ, например:

<p><i>Na otázku — kdo psal / napsal amnestii — odpověďt neumím, protože to sám nevím.</i></p> <p>Obhajoval / obhájil jsem disertační práci v oboru fyzikální chemie.</p> <p>Upozorňoval / upozornil jsem Vás již jednou, abyste nebyl zklamán, jestliže Vám neodpovím obratem.</p>	<p><i>На вопрос о том, кто писал / написал текст амнистии, я ответить не могу, так как и сам не знаю.</i></p> <p><i>Я защищал / защитил диссертацию по специальности «физическая химия».</i></p> <p><i>Я Вас уже однажды предупреждал (ср. <i>предупредил</i>), чтобы Вы не обижались, если я Вам сразу не отвечаю (букв. «не отвечаю»)</i></p>
--	--

Глаголы НСВ в примерах, приведенных в данном разделе, указывают на факт прошлого, без какой-либо конкретизации его осуществления во времени [Маслов, 1959: 267], что соответствует наиболее распространенному определению ОФ значения в аспектологии. «В утвердительном высказывании с НСВ общефактическим акцентируется сам факт, что ситуация, обозначаемая с помощью НСВ общефактического, имела место, в отрицательном — тот факт, что она не имела места» [Падучева, 1996: 36]. Соответственно последние примеры с глаголами НСВ мы рассматриваем в рамках ОФ значения. Примечательно, что Е.В. Падучева все типы ОФ значения в русском языке выводила из актуально-длительного (в нашей терминологии актуально-процессного) значения, за исключением моментальных глаголов, не имеющих актуально-длительного значения (поэтому ОФ значение таких глаголов производно от неограниченно-кратного значения НСВ) [Падучева, 1996: 16–23].

Рассмотренные примеры похожи на предложения, приведенные в разделе 3.3, и многие из них могли бы использоваться как новостные заголовки. Так, нам встретилось несколько заголовков с глаголом НСВ *vstávat*, например: ***Kubata poslední den ve funkci **vstával** v pět a spát šel v noci.*** — *Кубата в последний день в своей должности (мэра города Усти-над-Лабем. — Е.П.) **встал*** (букв. «вставал») *в пять, а спать лег ночью.* Это подтверждает наше предположение об ОФ типе значения НСВ в чешских заголовках. Особенность такого значения заключается в его связи не с повторяемостью, а с процессностью. Этот тип ОФ значения распространен в чешском языке значительно шире, чем в русском.

Можно заметить, что и в заголовке, и в тексте заметки в чешском языке глагол НСВ не может быть заменен на глагол СВ, если у него

не заполнена объектная валентность. При таком употреблении НСВ указывает на сам факт действия, без подробностей его протекания, поэтому в русских переводах возможны бытийные конструкции. Ср.:

Ve Svitavách vraždil bývalý druh.

Za vraždu bývalé pacientky dostal lékař osmnáct let natvrdo.

Lékař Edgar Bednář vraždil podle státního zástupce kvůli penězům.

V Lubech kousal pes!

В Свитавах убийцей был (букв. «убивал») бывший любовник.

За убийство бывшей пациентки врач получил 18 лет строгого режима.

По мнению обвинения, врач Эдгар Беднарж убил (букв. «убивал») из-за денег.

В Любах собака укусила человека (букв. «В Любах кусала собака»).

Таким образом, ОФ семантика может быть связана не только с неограниченно-кратным, но и с процессным значением НСВ, но при этом обозначаемая ситуация не должна быть уникальной. Если обозначается уникальная, а значит в принципе неповторяемая ситуация, употребление НСВ в ОФ значении в обоих сопоставляемых языках невозможно. Так, нельзя употребить НСВ в вопросе об авторстве *Кто написал произведение «Война с саламандрами»?* (типичный вопрос в литературной викторине) — *Kdo napsal dílo Válka s Mloky?* (и в других высказываниях, обозначающих уникальные ситуации, например, *Она родилась в 1985 г.), см. [Мелиг, 1998: 293].

Х.Р. Мелиг подчеркивает, что «при общефактическом значении обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторяемая. Без дальнейшего контекста остается открытым, отсылает ли предикация к одной или нескольким ситуациям обозначаемого типа» [Мелиг, 2012: 33]. Если выражается одна референтная ситуация (т. е. реализуемая при индивидуальных, но не уникальных обстоятельствах), то у ОФ значения актуализируется связь с процессным значением. Если речь идет о нескольких таких ситуациях или о каком-то типе ситуаций (в нереферентном высказывании), очевидна связь с неограниченно-кратным значением. Это накладывает лексические ограничения на реализацию каждого из двух типов ОФ семантики, неодинаковые в русском и чешском языках, что во многом обусловлено разной степенью немаркированности граммы НСВ в сопоставляемых языках.

6. Основные выводы

1. Частные значения НСВ как немаркированного члена видовой оппозиции в сопоставляемых языках взаимосвязаны, организованы в единый континуум без резких границ, их набор в русском и чешском языках в целом совпадает. Употребление глаголов НСВ в двух языках сходно при реализации основных типов процессной семантики — актуально-процессного, длительно-процессного и неопределенно-процессного, и различается в нарративе во вторичной для НСВ,

аористой, функции (как в настоящем историческом, так и в плане форм прошедшего времени). В данных временных планах глаголы НСВ в обоих языках выступают с процессно-фактическим значением, различаясь лишь функциональными границами употребления.

2. Если раньше в наших публикациях речь шла о более свободном выборе чешского СВ в тех случаях, где в русском обязателен НСВ, то настоящее исследование показало, что свободный выбор видов в чешском языке возможен и там, где в русском языке обязателен СВ. Это в частности связано с разной обязательностью выражения в сопоставляемых языках временных границ действия: там, где в русском языке они должны быть выражены глаголами СВ, в чешском они могут остаться эксплицитно не выраженными при употреблении глаголов НСВ. Различное отношение к обозначению временных границ действия проявляется на всех участках аспектуальных систем русского и чешского языков: в претеритальных повествовательных текстах, в глагольном словообразовании, в употреблении бесприставочных глаголов восприятия НСВ и др.

3. Для анализа и объяснения других несоответствий в употреблении видов между русским и чешским языками, ранее не рассматривавшихся в славистике, необходим учет сложившихся различий между сопоставляемыми языками в организации видовой оппозиции и граммемы НСВ. Проанализированный русский и чешский языковой материал показывает, что выделяемые в данной статье два основных типа ОФ значения¹² связаны с неограниченно-кратным и процессным значениями НСВ. Эти типы можно было бы обозначить как ОФ типовое и ОФ единичное, но в обоих случаях действие представлено без подробностей его протекания во времени, т. е. как «общий факт». На употребление глаголов НСВ с выделенными типами ОФ семантики оказывает влияние специфика организации видовой оппозиции и степень немаркированности НСВ в каждом из сопоставляемых языков: в русском последняя больше, чем в чешском (при характеристике видовой оппозиции в обоих языках как привативной).

4. В целом можно сказать, что в русском и чешском языках различны функциональные границы реализации выделяемых типов ОФ значения. В русском языке преобладает ОФ типовое. В аналогичных контекстах в чешском языке НСВ уступает СВ. При этом в чешском языке меньше ограничений на реализацию ОФ единичного, связанного с процессной семантикой НСВ, тогда как в русском языке НСВ здесь уступает СВ: с данным типом ОФ значения не могут

¹² И.Б. Шатуновский выделяет «огромное количество различных видов ОФ, в различной степени конвенционализированных, “типизированных”, вплоть до отдельных своеобразных употреблений»... но «в соответствии с общей “идеей”, можно сказать, инвариантом ОФ, с учетом перечисленных... факторов» [Шатуновский, 2009: 147, 137–193].

быть употреблены русские глаголы НСВ, не имеющие актуально-процессного значения. В чешском языке таких глаголов значительно меньше и соответствующий тип ОФ значения представлен шире, чем в русском.

5. Основной же вывод данного исследования заключается в том, что даже при анализе отдельных различий в употреблении видов между славянскими языками необходимо рассматривать их с учетом системной организации категории вида в каждом языке в целом.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. Языки славянских культур. М., 2009.
- Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко А.В.* Процессная функция несовершенного вида. Процессные ситуации // Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко А.В.* Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб., 2008.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947/1972.
- Гжегорчикова Р.* Новый взгляд на категорию вида в свете когнитивной семантики // ТАСФ. Т. 2. М., 1997.
- Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
- Дюрэн Ж.* Обработка процесса и вид глагола // Семантика и структура славянского вида. I. Краков, 1995.
- Иванчев Св.* Контекстово обусловена ингресивна употреба на глаголите от несвършен вид в чешкия език // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959/1960. Кн. 3. София, 1961.
- Иванчев Св.* Проблеми на аспектиалността в славянските езици. София, 1971.
- Маслов Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мелиг Х.Р.* Взаимодействие между видом и «накопителями» в русском языке // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. Языки славянских культур. М., 2008.
- Мелиг Х.Р.* О разграничении «процессного» и «общефактического» значения несовершенного вида в русском языке // Труды и материалы II Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» (21–24 марта 2012 г. МГУ имени М. В. Ломоносова). М., 2012.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

- Падучева Е.В.* Русский имперфектив: инвариант и контекстные значения // Труды и материалы II Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» (21–24 марта 2012 г. МГУ имени М.В. Ломоносова). М., 2012.
- Петрухина Е.В.* Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках (на материале русского, западнославянских и болгарского языков) // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во Московского университета, 2000; 2-е изд. М.: УРСС, 2012.
- Петрухина Е.В.* Семантические доминанты русской языковой картины мира: представление динамических явлений // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. СПб., 2003.
- Петрухина Е.В.* Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009а. № 5.
- Петрухина Е.В.* Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009б.
- Плунгян В.А.* Общая морфология. М., 2000.
- Скорвид С.С.* Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005.
- Шатуновский И.Б.* Проблемы русского вида. М., 2009.
- Успенский Б.А.* Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
- Якобсон Р.О.* Избранные работы. М., 1985.
- Bertinetto P.M., Ebert K.H., de Groot C.* Progressive in Europe // Dahl Ö. (ed). Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20-6]. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl Ö. (ed.).* Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology, Euro-Typ 20-6. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dickey S.V.* Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. Stanford; California: CSLI publications, 2000.
- Dokulil M.* K otázce morfológických protikladů (Kritika předpokladů binárních korelací v morfologii češtiny) // Slovo a slovesnost. R. 19. 1958. N 2.
- Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnick. Praha, 1960.
- Křížková H.* Pojetí neutralizace v morfologii // Slovo a slovesnost. 1965. N 1.
- Mathesius V.* O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném // Slovo a slovesnost. 1938. N 1.
- Mehlig H.R.* Verbal Aspect and the referential Status of Verbal Predicates: On Aspect Usage in Russian *Who*-Questions // Journal of Slavic Linguistics. 2001. 9.
- Stunova A.* A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse. Amsterdam, 1993.

Сведения об авторе: *Петрухина Елена Васильевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elena.petruchina@gmail.com

СТАТЬИ

С.И. Кормилов

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТРАГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В «ГРОЗЕ» А.Н. ОСТРОВСКОГО

Автор на большом историческом материале демонстрирует отсталость русского купечества середины XIX в., быт которого стал предметом изображения в драме А.Н. Островского с трагическим конфликтом «Гроза», доказывает, что это произведение имеет не антибуржуазную, а еще антифеодальную направленность.

Ключевые слова: купцы, деньги, патриархальность, историческая психология, конфликт.

By using extensive historical materials the author demonstrates the backwardness of the mid-XIX century Russian merchant class. In “Groza” (“The Thunderstorm”) A.N. Ostrovsky depicts the Russian merchant class' way of life which causes the tragic conflict in this drama. The article's author contends that the drama does not so much contain criticism of the bourgeoisie, but rather attracts attention to backward feudal traditions of the Russian society.

Key words: merchant, money, patriarchal character, historical psychology, conflict.

Социологическая поэтика, по словам М.Л. Гаспарова, «у нас так замордована эпохой социалистического реализма, что нескоро оправится»¹. Но конкретная социология, особенно ее культурно-исторический аспект, не имеет ничего общего с «вульгарной», сугубо классово-экономической социологией, которая, наоборот, всячески ей препятствовала.

Словный состав сценических персонажей «Грозы» А.Н. Островского весьма однороден. Все они, кроме полусумасшедшей барыни, — «из нашего, из простого звания», как говорит Кулигин о Ломоносове (д. 1, явл. 3). Для него мещанин и свободный крестьянин принадлежат к одному «простому» званию. Ниже него в этой пьесе только два лакея в старинных треугольных шляпах (д. 1, явл. 7), скорее всего еще крепостные. Барыня же их живет представлениями XVIII в., вспоминает «вертопрахов», которые из-за женской красоты «на поединки выходят, шпагами колют друг друга» (д. 4, явл. 6). Правда, есть еще

¹ Гаспаров М.Л. Прошлое для будущего (для журнала «Наше наследие») // Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. М., 2012. С. 12.

внесценические, упоминаемые персонажи: городничий, которому жаловались работники Дикого и к которому он грозит отправить якобы неблагочестивого (безбожника, «татарина») Кулигина (по-видимому, с помощью городничего Дикой также хотел сдать Кудряша в солдаты, сам он не имел такого права по отношению к вольнонаемному работнику²), «приказные», которые радуются тяжбам купцов или проводят время в кабаке, «благородная» (т. е. дворянка) мать Бориса, гусар на перевозе, обругавший Дикого. Все они не были «подлыми», т. е. платящими налоги (подати). А купцы, даже очень богатые, подати платили подобно мещанам и крестьянам и образованностью в период написания «Грозы» отнюдь не отличались.

Только о Борисе, который один из всех одет не «по-русски», в списке действующих лиц сказано: «... молодой человек, порядочно образованный». Поскольку мать была дворянкой («женщины дворянского происхождения не утрачивали своего дворянского достоинства при вступлении в брак с недворянином, хотя дети от такого брака наследовали сословную принадлежность отца»³) и семья жила в Москве, его «отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион <...>» (д. 1, явл. 4). В 1844 г. бывший дворец богатейшего дворянина Дурасова был продан «за 200 тысяч рублей Практической академии коммерческих наук — сословному учебному заведению, в котором купеческие сыновья обучались коммерции за плату 500 рублей в год. <...> На месте левого флигеля академия в 1854 году строит для занятий двухэтажный корпус, надстроенный в 1934–1935 годах третьим этажом.

В эпоху бурного развития капитализма академия становится весьма популярной даже у самого дремучего московского купечества, осознающего необходимость образования для своих сыновей. Купеческий сын Андрей Брусков в пьесе А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» говорит: «Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. На что ж она построена? Смотреть на нее? Кабы у нас, значит, вообще по купечеству такое заведение было, чтобы детей не учить, так бы и не обидно. А то этого нет. Перед другим-то, перед своим братом и совестно». <...> Выпускники не всегда становились коммерсантами; учениками академии были также актер и драматург,

² В «Ревизоре» Гоголя городничий сдал в солдаты мужа слесарши Пошлепкиной, хотя «и очередь-то... не принадлежала <...> да и по закону нельзя: он женатый. <...> Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали <...>». Помещики тоже использовали «военную службу как способ избавиться от ленивых, бестолковых и причиняющих беспокойство работников» (*Исдейл Чарльз Дж.* Наполеоновские войны / Пер. с англ. яз. Д.Я. Мовшович. Ростов-н/Д, 1997. С. 381).

³ *Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 2000. С. 671.

автор водевиля “Лев Гурыч Синичкин” Д.Т. Ленский, поэт-переводчик Данте и Байрона Дмитрий Мин, писатель Н.Д. Телешов, режиссер Никита Балиев (“Летучая мышь”), архитекторы В.А. и А.А. Веснины⁴. Так что образование там действительно давали «порядочное».

Тем тяжелее Борису в провинции, в доме неотесанного и грубого дяди, которому драматург дал «говорящую» фамилию, оставив племянника как бы вовсе без фамилии — а по простой логике, раз он сын родного брата Савёла Прокофьевича, то он тоже Дикой. Борис сообщает: «Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось». Между тем по мужу и она должна быть Дикая. Сын еще говорит: «Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак» (д. 1, явл. 3). При своем известном патриотизме Островский такое «русское, родное», конечно, не принимал.

В «темном царстве» расслоение произошло не столько по словесному, сколько по имущественному признаку⁵. Островский не указывает, к какой гильдии принадлежат Дикой и Кабановы, но явно не к третьей: Савёл Прокофьевич — «значительное лицо в городе» и в конце пьесы посылает племянника служить в конторе знакомого купца, торгующего с китайцами, а заграничную торговлю могли вести только купцы первой гильдии⁶; Кабаниха же держится с Диким на равных⁷, и Тихон к нему, словно к приятелю, бегаёт выпить. Катерина попала в семью Кабановых тоже не из бедной семьи: в родительском

⁴ Федосюк Ю. Москва в кольце Садовых. М., 1983. С. 335–336.

⁵ В допетровскую эпоху, как отмечал в книге «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (1860) Н.И. Костомаров, и различия в образе жизни знатных и незнатных людей были чисто количественными, а не качественными. «С одинаковым воззрением на жизнь, с теми же верованиями и понятиями, как у простолюдинов, знатные люди не успели отделиться от массы народа и образовать замкнутое в себе сословие. Посты имели в этом отношении благотворное влияние на нравственность и на поддержку основ равенства в народе; посты не давали богачу утопать в обжорстве и сластолюбию до невозможности низойти к убогому столу простолюдина» (Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996. С. 78). Один из основателей евразийства князь Н.С. Трубецкой писал в 1925 г.: «Различия между отдельными классами были не культурные, а только экономические и сводились не к разнице в качестве тех духовных и материальных ценностей, которыми определялись мировоззрение и быт, а исключительно к количеству этих ценностей, к степени осуществления в жизни каждого лица единого культурного идеала. Боярин одевался богаче, ел вкуснее, жил просторнее, чем простой крестьянин, но и покроем его платья, и составом его пищи, и строением его дома были в принципе те же, что и у крестьянина» (Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 235).

⁶ См.: Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке. С. 696.

⁷ В патриархальном мире женщина была крайне принижена, но «получала более уважения, когда оставалась вдовою и притом была матерью. Тогда как замужняя не имела вовсе личности сама по себе, вдова была полная госпожа и глава семейства.

доме вышивали «больше по бархату золотом»⁸, и «полон дом был странниц да богомолок», как и у Кабановых (д. 1, явл. 7); перед отъездом Тихона Катерина сначала хочет шить белье и раздавать его бедным (д. 2, явл. 8), не предполагая в этом препятствий со стороны свекрови; навсегда прощаясь с Борисом, она просит: «Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу» (д. 5, явл. 3), — уверенная в том, что ее возлюбленному несмотря на скупость дяди денег на подаяния хватит в пути до китайской границы. И вместе с тем Кулигин не может выпросить у Дикого десять рублей на общественное дело; этот богач не рассчитывает как следует своих работников и родного племянника оставляет без наследства. Работники вынуждены терпеть издевательства, так как в маленьком городе руки приложить негде: «Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего» (д. 1, явл. 3), — говорит Кулигин. Если же удалось куда-то наняться, бедным людям и на сон времени не остается: «И спят-то всего часа три в сутки» (д. 3, сц. 1, явл. 3). При этом богатые у себя дома — тираны, а на людях лишь тщеславятся: «Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда (на бульвар. — С. К.) наряды показывать» (там же). В чем все едины, так это в ненависти к какому бы то ни было таланту, вообще к тому, что отличает человека от большинства. Кулигин скрывает от горожан свое умение писать стихи (в духе XVIII в.): «Съедят, живого проглотят» (д. 1, явл. 3). Такой человек вполне мог оказаться среди нищих. И.Г. Прыжов в книжке 1862 г. «Нищие на Святой Руси» писал: «И в толпе нищих мы видим... московского мещанина — изобретателя вечного движения, химика, производящего из капустных кочерыжек шампанское, и сочинителя книжки из трех страниц с своеобразным заглавием: “Издание Ф.Н.Н. Изобретателя разных машин. М[осква], 1861. В типографии Серикова”. Что это за человек, что за история его падения — мы не знаем, да и страшно иногда бывает заглянуть в такие истории. <...> Купцы потешаются им, и за это кормят его, подавая копейку или две. <...> Нет никого в городе, кто бы его не знал, кто б не дразнил его какою-нибудь кличкой: бродяга, беспашпортный, проехавший верхом на кобыле, и т. п. <...> За Ф.Н. тащится поэт — крестьянин С., вечно пьяный и угощающий всех своими сочинениями»⁹.

Личность вдовицы охранялась религиозным уважением» (*Костомаров Н.И., Забелин И.Е.* О жизни, быте и нравах русского народа. С. 85).

⁸ И в средние века богатые «хозяйки, после утреннего моления, отправлялись в свои покои и садились за шитье и вышивание золотом и шелками со своими прислужницами<...>» (там же. С. 73).

⁹ *Прыжов И.* Нищие и юридивые на Руси: Нищие на Святой Руси. Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. СПб., 2008. С. 87, 88. Таким образом, неверна даваемая современным историком-этнографом харак-

Впрочем, богатые и в своем относительном равенстве не прочь друг с другом потягаться к радости судейских, собирающих взятки с обеих сторон: «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку» (д. 1, явл. 3)¹⁰. «Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти» (там же). А еще они едины, по словам того же Кулигина (отчасти его роль — роль резонера)¹¹, в тайном разврате и пьянстве (только ни с чем не считающийся Дикой да слабый Тихон свой порок не скрывают): «И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один бог!» (д. 3, сц. 1, явл. 3). Нецеломудренная Варвара рассуждает так же: «А по-моему: делай что хочешь, только бы шито да крыто было» (д. 2, явл. 2). По части разврата горожанам «простого звания» не уступала барыня: «Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут!» (д. 1, явл. 9). Катерина — исключение в своей среде не потому, что не грешна, а потому, что из-за чистоты натуры (значение имени — чистая) свой грех скрыть не умеет и не хочет.

Жадность Дикого до денег характерна для России, имеет не только субъективную, но и объективные причины. Во-первых, долгое время сохранялось глубоко архаическое натуральное хозяйство — без денег, так что деньги были редкостью. Во-вторых, до XVIII в. не было приисков для добычи собственного золота и серебра, что еще долго порождало «острую нехватку наличности»¹². Водки, чтобы угостить Тихона, Дикому не жалко. В гоголевских «Мертвых душах» хлебосольные Собакевич и Коробочка сразу же становятся жадными,

теристика поведения Кулигина как «противоборства одиночки-естествоиспытателя против устойчивого обывательского сознания, подкрепленного традиционными религиозными и морально-нравственными устоями» (*Клишина О.С. Методология этнологического исследования художественных текстов (на примере творчества А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013. С. 27).*

¹⁰ Меньше чем через год после появления «Грозы» Н.И. Костомаров писал о XVII в.: «Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его в разорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпеть, но зато такая тяжба имела некоторым образом характер поединка» (*Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. С. 101*). Еще в одной из проповедей Симеона Полоцкого содержался рассказ «о двух недругах, плавающих в одной лодке, «от них же единому в воду падшу и утонувшу, другой возопи: радостно ныне сам умираю и тону, яко видех смерть недруга моего» («Обед душевный» <...>)» (Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 93). Или в 11-й главе «Мертвых душ»: «Статский советник хоть и сам пропал, но-таки упек своего товарища».

¹¹ См.: *Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. 2-е изд. М., 1998. С. 41.*

¹² *Пайнс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М., 1993. С. 272 (см. с. 253).* О меновом характере русской средневековой торговли писал, в частности, Костомаров в своем исследовании 1857 г. «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» (*Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. С. 196, 214*).

когда речь заходит о наличных. В «Ревизоре» денег меньше всего с собой у неслужащих помещиков Бобчинского и Добчинского, а не у самого нечиновного из чиновников-взяточников. В гончаровском «Сне Обломова» патриархальные помещики возмущены мотовством нового соседа, потратившегося в городе на заграничные рубашки, в то время как сколько угодно рубашек могли бесплатно сшить крепостные девки. Так что наличные ценились разными слоями населения. Купцы же стремились сразу урвать побольше (а их преемники стремятся до сих пор), не останавливаясь перед рисками. «Деловая психология русского купца сохраняла глубокий левантийский отпечаток. Здесь мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. На покупателя и на продавца смотрят как на соперников, озабоченных тем, как бы перехитрить другого; всякая сделка — это отдельное состязание, в котором каждая сторона рвется взять верх и забрать себе все призы. Нечестность московского купца была притчей во языцех, и ее постоянно подчеркивают не только иноземные путешественники, которых можно было бы заподозрить в предвзятости, но и местные авторы, включая первого русского экономиста и рьяного патриота Ивана Посошкова»¹³.

Иноземных путешественников и не только их «заподозрил в предвзятости» выходец из купеческого рода П.А. Бурьшкин, который в эмиграции опубликовал во многом апологетическую книгу «Москва купеческая» (1954). Во введении к ней он писал: «Идея, вернее предрассудок, что Россия — страна земледельческая, и только земледельческая, существовала до первой мировой войны». Близость к земле якобы сохраняет здоровое начало в человеке, «а “амбары” и фабрика пробуждают в людях самые дурные инстинкты <...>. Поэтому как “торгаши”, так и “фабричные” не пользовались симпатией у населения, и это находило постоянное отражение в литературе. <...> И писателям, и свидетельствам западных соседей о России часто придавали слишком большое значение и принимали на веру то, что ее не заслуживало»¹⁴. Но иностранные купцы, обвиняя «московских», т. е. вообще русских (жителей «Московии»), коллег в нечестности, делали исключение для жителей Пскова — наиболее западного, близкого к загранице, русского города¹⁵, а сами были весьма нечестны, стремились опорочить перед русскими своих конкурентов из других стран и вызывали в России соответствующую реакцию. «Иностранцы смотрели на Россию, как на страну, выгодную для них,

¹³ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 271.

¹⁴ *Бурьшкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 43. И единственный приличный торговый путь посуху соединял Псков и Ригу (см.: *Костомаров Н.И., Забелин И.Е.* О жизни, быте и нравах русского народа. С. 78).

преимущественно по ее невежеству, потому что русских было легко обманывать. Естественно, конечно, что и русские платили тою же монетою, но это никак не останавливало иностранцев от их чрезвычайного стремления проникнуть в Россию <...>¹⁶.

Претензию к русской литературе в предвзятости по отношению к купечеству Бурышкин развивает на 13 страницах¹⁷, говоря о писателях от Плавильщикова до Горького, но все же не делает приписываемого ему Р. Пайпсом заявления, будто «во всей русской литературе, написанной интеллигенцией, ему известно лишь одно место, где частный предприниматель рисуется в выгодном свете»¹⁸. Бурышкин приводит несколько таких случаев, а позицию Островского в «Грозе» не отождествляет с добролюбовской как чересчур обобщающей: «Не подлежит, разумеется, сомнению, что Островский искренне стремился дать лишь верное изображение обрисовываемой им среды и отметить “отдельные” недостатки и пороки, чтобы способствовать их искоренению»¹⁹. Купеческий сын далек от литературоведения и театроведения. Островский — писатель в высшей степени театральный, а театральность требует заострения типизации, чтобы зритель сразу понимал, что за персонажи перед ним и каковы их отношения. Однако и как общественник Островский в 1859 г., когда писал «Грозу», относился к реальной действительности весьма критично. С Добролюбовым же у него «была одна важнейшая сближающая их идея» — «это вера в обновляющую силу здоровой природы, непосредственного органического влечения к свободе и отвращения ко лжи и насилию, в конечном итоге — вера в творческие начала народного характера»²⁰. Именно народного, общего для народа, а не сословно-купеческого. Ориентация на общенародное, а не сословное была у Островского и в «москвитянинский» период. В пьесе «Не в свои сани не садись» он видел в Русакове, как писала А.И. Журавлева в ранней книге, не купца прежде всего, а доброго семьянина, нравственного и религиозного, без какого-либо самодурства²¹. Так же точно лермонтовский

¹⁶ Бурышкин П.А. Москва купеческая. С. 49. Торговцы-иностранцы «наполняли казну царей и дома особ предметами изысканной жизни, привозили им одежды, украшения, лакомства, но они постоянно, на каждом шагу не скрывали самого очевидного презрения к русскому народу, смотрели на Россию, как на страну дикую и необразованную и потому-то особенно им полезную. Пребывание у нас иностранцев не оказывало ни малейшего благотельного влияния ни на улучшение нравов, ни на просвещение, ни на благосостояние народа; иностранцы всеми способами старались отклонить Россию стать в уровень с западными странами, чтоб самим не терять выгод, которые они получали от нашего государства» (Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. С. 205).

¹⁷ См.: Бурышкин П.А. Москва купеческая. С. 50–63.

¹⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 287.

¹⁹ Бурышкин П.А. Москва купеческая. С. 55.

²⁰ Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 36.

²¹ См.: Журавлева А.И. Драматургия А.Н. Островского. М., 1974. С. 35.

купец Калашников — идеальный *народный* герой. У Островского нет идеализации патриархальных форм жизни в *современной* купеческой семье (современные отношения трезво показаны в комедии «Бедность не порок»), опозтизированы простонародные представления и отношения в очищенном от современных искажений виде. Неведомый городок в пьесе «Не в свои сани не садись» — условный мир, словно сохранивший нормальные, естественные отношения того давнего времени, когда и сознание, и права личности еще не были выделены и противопоставлены общенародной древней мудрости в лице традиции, родительского авторитета (главная идея пьесы — *мысль семейная*)²².

Исходя из опыта второй половины XIX — начала XX в., П.А. Бурьшкин писал: «Русская промышленность создавалась не казенными усилиями и, за редкими исключениями, не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность в России вышла из торговли. Нельзя строить здоровое дело на нездоровом основании. И... результаты говорят сами за себя: торговое сословие было в своей массе здоровым, а не таким порочным, как его представляли легенды иностранных путешественников»²³. Далее дается галерея коллективных портретов купеческих семей. Р. Пайпс знал книгу Бурьшкина, но она его не убедила, и дело не только в антироссийской предубежденности американца. Главное тут то, что Бурьшкин рассказывает в основном о пореформенном купечестве, которое приобщилось к просвещению и само если не уничтожило, то чрезвычайно ослабило «темное царство», а Пайпс — в основном о дореформенном, каким оно было до развития капиталистических отношений в России. Соответствующая глава его книги называется «Буржуазия, которой не было».

Официозный советский критик и литературовед Ф.Ф. Кузнецов видел противоречие в том, что Аполлон Григорьев, поддерживавший «москвитянинские» пьесы Островского с их положительными образами патриархальных купцов, «отстаивая народность, понимаемую как национальную самобытность Руси <...>, делал ставку на “средний, промышленный, купеческий класс”, условно говоря — на Замоскворечье, то есть на зарождающуюся русскую буржуазию, если только она не затрагивается фальшью современной, то есть буржуазной, цивилизации и сохраняет в своем нравственном быту “веру, нравы, язык отцов”. <...> В итоге антибуржуазность Григорьева, направленная против фальши современного ему Запада, вдруг оборачивалась противоположностью, полным приятием и

²² Там же. С. 36. И.Г. Прыжов выражал общее мнение, когда писал: «Древняя... Русь нигде так хорошо не сохранилась, как у купечества <...>» (*Прыжов И. Нищие и юродивые на Руси*. С. 82).

²³ *Бурьшкин П.А. Москва купеческая*. С. 50.

даже любованием буржуазностью замоскворецкой, отечественной»²⁴. Какая уж там буржуазность! Русское купечество не «зарождалось» в Замоскворечье, а существовало испокон веку. Русские города и села мало различались между собой. «Город как общность людей, обладающих правами, которых нет у сельского населения, есть явление, характерное лишь для западноевропейской цивилизации»²⁵. Москву даже по ее внешнему виду и в XIX в. называли «большой деревней». Что же говорить о провинции? А ведь само слово «буржуазия» происходит от слова «бург» — город, как и русское «мещанин» — от славянского «место», означающего тоже город. Но и в русских городах долгое время «коммерция тяготела к натуральному товарообмену. С точки зрения денег и кредита она оставалась до середины XIX в. на том уровне, который Западная Европа преодолела еще в позднее средневековье»²⁶. И масса населения независимо от сословий и экономических классов долго сохраняла в быту *патриархальные*, феодальные по происхождению, отношения. И если пользоваться марксистской фразеологией, «Гроза» Островского — произведение не «антибуржуазное», а *антифеодальное*, хотя «феодал» в ней выведен на сцену один и совсем ненадолго — запугавшая себя религиозным страхом и пугающая других полусумасшедшая барыня. В одной из записей М.Л. Гаспарова сообщается следующее. «Островскому сказали, что “Грозу” перевели во Франции, он удивился: “Зачем? для них ведь это — XIV век”. Стивен Грэм, английский славянофил, исходивший пешком Россию и ходивший по Лондону в косоворотке, объяснял свое умиление: “Там все — как у нас при Эдуардах!” — то есть тоже в XIV веке»²⁷.

Литература все-таки отражает действительность, пускай не буквально. «Деньги в русской литературе появились поздно. Российские пишущие дворяне не снисходили до этой низменной материи», и до широкого притока в литературу разночинцев деньги в ней «могли присутствовать разве что в виде аллегории (“Мертвые души”), а

²⁴ Кузнецов Ф. Родословная нашей идеи. Традиции русских революционных демократов и современность. М., 1986. С. 282, 283. Об авторе см.: Ерофеев Виктор, Попов Евгений. Феликс, который не тонет // Московский комсомолец. 1997. 6 января. С. 4.

²⁵ Пайнс Р. Россия при старом режиме. С. 262. Дело не только в отсутствии определенных прав у русских горожан. Города не были центрами промышленности и торговли. Международная торговля, активизировавшаяся в середине XVI в., «остановилась в конце XVII в., отчасти из-за того, что под давлением своих собственных купцов российское правительство отобрало у иностранных торговых людей ранее дарованные им привилегии, а отчасти из-за падения западного спроса на русские товары. Немногочисленные русские города сделались по преимуществу военными и административными центрами<...>» (там же. С. 22).

²⁶ Там же. С. 272.

²⁷ Гаспаров М.Л. Из записных книжек // Гаспаров М.Л. Философия как нравственность. С. 252.

конкретные суммы если и назывались, то в нарядном антураже — обычно по поводу карточных проигрышей героев»²⁸. Да и в жизни дворяне измеряли свое богатство не капиталом, а количеством крепостных душ.

Островский показал усиливающуюся власть денег. Впрочем, еще Гоголь в 11-й главе «Мертвых душ» от лица Чичикова заявил: «Кто ж теперь зевает на должности? — все приобретают». Но в «Ревизоре» Гоголя купцы, жаловавшиеся на городничего (т. е. начальника полиции), потом смиренно склоняются перед ним и сносят его брань. Характерны «те наименования, которые дает им городничий: “самоварники”, “аршинники”, “протобестии”, “надувалы морские”. Два первых термина не раз потом повторялись, как наиболее наглядные определения, что такое купцы»²⁹. «Самоварники» — потому что чай был дорог (англичане его возили из Китая на кораблях вокруг почти всей Азии, всей Африки и всей Европы, фасовали и рассылали по европейским странам) и средством самоутверждения толстосума было выдуть целый самовар. В «Грозе» Дикой держится с городничим уже почти снисходительно. «Городничий и стал ему говорить: “Послушай, говорит, Савёл Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!”» Это фактически просьба уставшего от доуки человека. Дикой ее не удовлетворяет. «Дядюшка ваш, — рассказывает Кулигин Борису, — потрепал городничего по плечу, да и говорит: “Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами об таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: недоплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!”» (д. 1, явл. 3). Городничий привычно «тыкает» простолодуну, но уже зовет его уважительно по имени-отчеству и ничего не может с ним сделать, купец же наряду с официально положенным обращением к штаб-офицеру — «ваше высокоблагородие» — использует фамильярный жест. Позже в комедии «Лес» (1871) «помещица Гурмыжская еще говорила купцу Восьмибратову “ты”, хотя звала уже по имени-отчеству — Иваном Петровичем. Спустя десятилетия Любовь Андреевна Раневская обращалась к купцу Лопахину из крепостных ее отца, купившему вишневым сад на сруб, и на “вы”, и по имени-отчеству»³⁰. В последнем случае важны и сближение сословий на рубеже XIX–XX вв., и более высокий культурный уровень Раневской по сравнению с Гурмыжской. Но в отношении денег перед купцами пасуют обе помещицы.

²⁸ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. М., 1991. С. 108.

²⁹ Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. С. 51.

³⁰ Канторович В. «Ты» и «вы» // Канторович В. История инженера Ганьшина. Очерки. М., 1976. С. 229.

Однако в «Грозе» конкретная сумма названа единственный раз и притом незначительная — это те десять рублей, что не пожертвовал на общественное дело Дикой (миллион, который рассчитывает получить от англичан Кулигин за изобретение перпетуум-мобиле, — в точном смысле слова химера). Противопоставляются вообще богатые и вообще бедные, и то далеко не во всем. «Борис, любовник Катерины, зависим потому, что беден. Вероятно, это на самом деле так, но подобный вывод был бы недобросовестной модернизацией. Автор показывает Бориса не бедным, а слабым», — справедливо отмечают П. Вайль и А. Генис, но тут же неверно добавляют: «Не денег, а силы духа ему не хватает, чтобы защитить свою любовь»³¹. Если, уезжая их Калинова по распоряжению дяди, он восклицает: «Эх, кабы сила!» — то это вовсе не упрек самому себе в слабости (хотя он слаб; только в сцене прощания с Катериной это выражается иначе — в том, что он при ней, смертельно страдающей, говорит о *своих* страданиях), ведь предыдущие его слова обвиняют других, можно сказать, всех, без конкретизации: «Злодеи вы! Изверги!» (д. 5, явл. 3). Точно так же Кулигин после самоубийства Катерины, в отличие от Тихона, обвиняющего одну лишь свою мать³², фактически причисляет к безбожникам и преступникам не только мать и сына Кабановых, но и весь город Калинов с его «жестокими нравами», символизирующий «темное царство» в целом: «Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь перед судьей, который милосерднее вас!» (д. 5, явл. 7). Это один из трех публичных и тем более тяжелых для ханжи Кабанихи ударов (а не двух³³) наряду с покаянием Катерины при всех и бунтом ранее всегда покорного сына.

Борис понимает, что наследство бабушки дядя ему не отдаст. «И все-таки он ведет себя так, как будто материально зависит от

³¹ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. С. 108.

³² См.: Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 51–52. Этот факт корректирует сделанный на основе формально-количественной методики вывод этнолога: «Безусловным лидером общения выступает главная героиня пьесы, Катерина Кабанова (479 реплик), за ней с большим отрывом следует Тихон Кабанов (248 реплик), Марфа Кабанова (225 реплик), Варвара Кабанова (218 реплик), Кулигин (205 реплик), Борис (197 реплик) <...>. Из этого подсчета становится ясно, что утвердившееся в литературоведении мнение о Катерине и Тихоне, как бессловесных, пассивных, страдающих жертвах «темного царства» не должно сбивать с толку этнолога. Количественный подсчет и качественный анализ текста говорит о том, что эти персонажи умеют за себя постоять, и настроены весьма позитивно. <...> Любопытно, что «подкаблучник» Тихон набирает практически равное количество отрицательных реплик с известным всему Калинову «ругателем» Диким. «Тихоня» Тихон на поверку оказывается человеком ярко окрашенного негативно-депрессивного психологического типа» (Клишина О.С. Методология этнологического исследования художественных текстов. М., 2010. С. 69, 70).

³³ См.: Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 48–49, 55.

Дикого или обязан ему подчиняться как старшему в семье»³⁴. Он сравнительно интеллигентен и совестлив, а в Москве у родственников покойной матери (вряд ли богатой, если она, дворянка, вышла за необразованного купца из провинции) осталась сестра, которой причитается часть наследства бабушки. Не только ради себя, но и ради нее он сносит всё в доме Дикого, ведь и добрые родственники-дворяне, и сестра-сирота могли бы его упрекнуть в том, что он вопреки завещанию бабушки не был «почтителен» к дяде (д. 1, явл. 3). А когда раскрыта тайна их с Катериной любви, чувство страшной вины испытывает не только она, но и он. Да и не может он ее увести с собой в Сибирь, что даже она смутно понимает. С этой мыслью у нее «не связано никаких особых надежд (никакого сравнения с той настойчивостью, которую она проявляла, прощаясь с Тихоном)»³⁵. Но дело не только в ее неверии в возможность еще какой-то радости³⁶. Муж хочет или не хочет, но *имеет право* куда-либо везти жену. Любовник чужой жены такого права не имеет и будет с ней задержан на первой же почтовой станции. Кудряш с Варварой — другое дело: любой пьяный батюшка недорого возьмет с лихого Вани (у которого денег вряд ли больше, чем у Бориса), после чего молодая жена — фактически его (а не матери) освященная в церкви собственность. Так что трагедия Катерины и Бориса отнюдь не сводится к их собственным переживаниям. Против *незаконной* любви действительно все и всё включая закон, установленный и обществом, и церковью. Один лишь истинный, а не ханжеский христианин Кулигин считает, что не небесным милосердным судьей.

Борис, по-видимому, и не желает оставаться в Калинове после скандала, вдалеке ему будет легче. Правда, прощаясь с Катериной, в ответ на просьбу взять ее с собой он говорит: «Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы<...>». Но всего лишь после одной ее реплики — а он, конечно, понимает, что

³⁴ Там же. С. 43. Опять-таки небесспорна чисто количественная методика этнолога, при которой получается, что «наиболее позитивно настроены (имеют положительные реплики): Катерина (111 реплик), Тихон (83 реплики), Борис (74 реплики), Варвара (61 реплика), Кулигин (41 реплика) <...>. В процентном отношении, пропорция изменяется: энергичнее и бодрее всех настроен Борис (37,5%), молодой и не связанный узами брака герой пьесы, приезжий в этом волжском городе, за ним следуют Тихон (33%), Варвара (28%), Катерина (23%), Кулигин (20%) <...>» (Клишина О.С. Методология этнологического исследования художественных текстов. С. 69–70).

³⁵ Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 49. «Вопреки распространенному в литературоведении мнению, Катерина привязана к мужу больше, чем принято считать: 27% ее реплик, обращенных к мужу — положительные, а 33% — нейтральные, и оно (так. — С. К.) более уравновешенное, чем с любимым ею Борисом» (Клишина О.С. Методология этнологического исследования художественных текстов. С. 71).

³⁶ См.: Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 49.

ей еще хуже, чем ему, — в словах Бориса возникает видимое противоречие: «Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?» (д. 5, явл. 3). Да, он тоже несвободен, но все-таки не так, как она. Ведь и жена Дикого столь же бесправна. «Какой приказчик, работник, слуга Дикого может быть столько загнан, забит, отрешен от своей личности, как его жена? <...> Слуги и приказчики, — писал Добролюбов, — связаны только материально, людским образом; они могут оставить самодура тотчас, как найдут себе другое место. Жена, по господствующим понятиям, связана с ним неразрывно, духовно, посредством таинства; что бы муж ни делал, она должна ему повиноваться и разделять с ним его бессмысленную жизнь»³⁷.

Насилие Дикого над детьми покойного брата и своими домашними, Кабанихи над Катериной и Тихоном — типично *феодалное* насилие, «внеэкономическое принуждение», согласно марксизму. «Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!» (д. 1, явл. 5) — говорит Тихон Кабанихе, даром что только и мечтает вырваться хоть на минуту к Дикому, а еще лучше — подальше, в Москву. Катерина умоляет его не уезжать. «Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!» (д. 2, явл. 4) — оправдывается он, пока скрывая, что сам хочет уехать еще больше. По его мнению, аргумент «маменька посылает» — и для Катерины наиболее сильный. Между тем как купец он сам хозяин и от маменьки ни в коем случае материально не зависит. «Купеческие дети и неотделенные братья, а также жены купцов принадлежали к купечеству (были записаны на одно свидетельство). Купеческие вдовы и сироты сохраняли это право, но без права занятий торговлей. Достигшие совершеннолетия купеческие дети должны были при отделении вновь записываться в гильдию на отдельное свидетельство <...>»³⁸. Тихон, конечно, достиг совершеннолетия и самому Дикому пусть младший, но приятель и собутыльник. А маменьке покорен до конца пьесы, когда все-таки и он бунтует.

С точки зрения личного и даже государственного сознания нерассуждающая покорность Диким и Кабанихам бессмысленна. Можно поставить на место и Савела Прокофьевича. Гусар-то на перевозе его обругал, и тот сорвал злость только на привыкших к покорности домашних. Из разговора Кудряша и Бориса нельзя понять, был гусар офицером или нижним чином, но второй вариант (менее вероятный) был бы более показателен для социальной психологии, воплощенной в Диком. Солдат — «государев человек», он служит Отечеству, а не собственному карману, как купец, и потому с ним

³⁷ Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М., 1970 («Литературные памятники»). С. 278.

³⁸ Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке. С. 699.

страшно связываться, хотя Дикой никак не зависит ни от него, ни даже от офицера³⁹. Тут и психология хама: он хамит безответным и пасует перед тем, кто решается ответить, как смелый Ваня Кудряш. Будь таких побольше, Савелу Прокофьевичу в темном уголке и бока бы намяли. «А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался». Но Кудряш — исключение. Например, честный, но робкий Кулигин унижается перед Диким (от которого в отличие от Кудряша не зависит) и покоряется ему: «С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть» (д. 1, явл. 1). Это — слабость врожденной деликатности.

Впрочем, еще одна узда на Дикого есть, притом духовная, религиозная (хотя Кабаниха его и осуждает за неблагочестивое поведение)⁴⁰. Иногда и самодур вспоминает, что все люди — братья во Христе. Именно ханже Кабанихе он рассказывает, как он однажды согрешил и потом каялся: «О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка; за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи ему и кланялся; при всех ему кланялся» (д. 3, сц. 1, явл. 2). Это самоуничижение паче гордости. Не вовремя мужичонка Савёла Прокофьевича во грех вогнал. А пришел бы не «в такое время», он бы и не вспомнил об этом обычном для него случае. Рассказывает же о нем потому, что и мерзавец, бывает, хочет выглядеть хорошим.

Еще одно напоминание о том, что для христианина социальное неравенство не должно иметь значения, — разговор двух гуляющих при виде изображенной на стене галереи геенны огненной. Туда, как поясняет второй, едут «всякого звания люди. <...> И всякого чину» (д. 4, явл. 1). Но странницы и убогие, якобы самые благочестивые, представлены у Островского критически и комично. «Островский, не любивший суеверий и ханжеских проявлений религиозности, всегда упоминает о странниках и блаженных в иронических тонах <...> (см. особенно “На всякого мудреца довольно простоты”, сцены в доме Турусиной). Непосредственно же на сцену такую типичную странницу Островский вывел один раз — в “Грозе”. <...> Феклуша

³⁹ В XVIII веке военные обходились с купцами совсем бесцеремонно. В.О. Ключевский писал в статье «Императрица Екатерина II (1729–1796)» о Комиссии по составлению проекта нового Уложения: «Депутатские наказания жаловались на отсутствие или непрочность первичных основ общежития и требовали, например, чтобы военные не били купечества и платили за забранные у него товары» (*Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. V. М., 1989. С. 330*).

⁴⁰ См.: *Журавлева А.И., Макеев М.С.* Александр Николаевич Островский. С. 54.

не участвует в действии, не связана непосредственно с фабулой, но значение этого образа в пьесе весьма существенно. Во-первых, <...> она важнейший персонаж для характеристики среды в целом и Кабанихи, в частности, вообще для создания образа Калинова. Во-вторых, ее диалог с Кабанихой очень важен для понимания отношения Кабанихи к миру, для уяснения присущего ей трагического чувства крушения ее мира»⁴¹. Но это ее собственный, внутренний «трагизм», в отличие от реального трагизма положения, в котором оказалась Катерина, — «антагонистка трагической героини не вызывает зрительского сочувствия»⁴². Мировоззрение и Феклуши, и Кабанихи — вполне средневековое, домостроевское. Но у последней оно уже превратилось в ханжество, которое в глазах первой — «бла-а-лепие!» (д. 1, явл. 3).

Что было в Средние века? «Общественные идеалы, как и все общественные системы, которые могло вообразить себе сознание той поры, мыслились как реализованные в каком-либо географически приуроченном пункте. <...> С этим связано особое отношение к путешественнику и путешествию: длительное путешествие увеличивает святость человека»⁴³. Но Феклуша, «по своей немощи, далеко не ходила» и только «слыхать — много слыхала» (д. 2, явл. 1). Впрочем, на рубеже 1850–1860-х годов странничество и нищенство, когда человек живет грошовым подаванием, а также и привычка подавать по мелочи вообще уже не воспринимаются, как в былые времена. Современник писал о нищих и побирающих: «Тут, растягиваясь в бесконечную черную вереницу, идут монахи и монахини, собирающие

⁴¹ Там же. С. 52–53. Почти точно заключение О.С. Клишиной: «В этой драме нет однозначного разведения на представителей “темного” и “светлого” царств — все герои одинаково несчастны». Далее автор излишне категорично обобщает: «В своих несчастьях герои склонны обвинять себя, не ища виноватых за пределами своего круга общения». Но заключение верно: «Патриархальное общество испытывает глубочайший кризис, который виден в умонастроениях его основных представителей — Дикого и Кабанихи» (*Клишина О.С.* Методология этнологического исследования художественных текстов. С. 74). Отчасти к образу Марфы Игнатьевны применимы слова Маркса о трагедии старого миропорядка из введения в книгу «К критике гегелевской философии права» (1843–1844): «Трагической была история старого порядка, пока он был существующей испокон веку властью мира, свобода же, напротив, была идеей, осенявшей отдельных лиц, — другими словами, пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность. Покуда ancien régime, как существующий миропорядок, боролся с миром, еще только нарождающимся, на стороне этого ancien régime стояло не личное, а всемирно-историческое заблуждение. Поэтому его гибель и была трагической» (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. С. 418).

⁴² *Журавлева А.И., Макеев М.С.* Александр Николаевич Островский. С. 55.

⁴³ *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 408. Для Д.С. Лихачева в этой статье 1965 г. был важен «вывод: представления географические и этические... находились в связи друг с другом» (*Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971. С. 395).

на построение обители, мужики, бабы на построение церквей — и все они с кружками, с тарелками, с книгами, завернутыми в пелены, и т. п. Тут же идут странники и странницы, собирающие на дорогу ко Гробу Господню, к [святым] Соловецким, к Тихону Преподобному и пр., и пр. <...> В этой массе нищих отстаивается вся наша грязь, невидная на поверхности жизни; здесь все злые соки, таящиеся в обществе, являются уже организующими элементами; здесь поэтому вырабатываются самые представительные личности, и сюда, наконец, собирается всё, чему в своекорыстном, тупеньком обществе не удалось найти ни цели, ни пути»⁴⁴. Феклуша подозревает в воровстве себе подобную, говоря Глаше: «А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего». И в этом подозрении, как выясняется из ответа Глаши, нет ничего необычного: «Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете, что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь». Обычной служанке есть в чем упрекнуть паломницу к святым местам. А та утверждает свою «жизнь такую праведную» даже и с грехами: «<...> вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!» (д. 2, явл. 1).

Как ни хорошо страннице в доме Кабановых, но пожить за счет других она тоже непрочь. «Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность» (там же), — говорит Феклуша. Многие купцы охотно подавали копеечку нищенствовавшим ради спасения своей души. На самом деле это развращало тех и других. «Копеечная милостыня гибельна как для нищих, так и для тех, кто ее подает. Редко человеческое достоинство унижается до такой степени, чтоб хладнокровно протягивалась рука за милостынею, чтоб, выпрашивая подаяние, человек не чувствовал мучительной боли унижения. Но какова же эта боль, когда нищий видит, что богач вместо оказания помощи подаёт копеечку. Но мало-помалу вечное моление, вечное выпрашивание обращаются в привычку, и наконец человек падает окончательно. В то же самое время милостыня не меньше унижает и самого подающего ее <...>. А потому, если человек легко может оподлеть в нищенстве, то еще легче подлеют люди среди ежедневной милостыни»⁴⁵. Действительно, образ Феклуши важен для понимания образа Кабанихи.

В средневековом сознании «те или иные земли воспринимаются как земли праведные или грешные»⁴⁶. Город Калинов для Феклуши, конечно, — земля праведная, а для Кулигина — город жестоких

⁴⁴ *Прыжов И.* Нищие и юридические на Руси. С. 86–87.

⁴⁵ Там же. С. 104–105.

⁴⁶ *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 407.

нравов. Этот контраст восприятий по-театральному заострен. На всю структуру «Грозы» и ее конфликт повлиял фольклор⁴⁷, обычно не претендующий на реалистичность изображения жизни; к фольклору близка символика пьесы. Город Калинов представлен как замкнутый мирок (как раз показателен разговор Феклуши с Глашей), но и в сказке *всё* принадлежит сугубо сказочному миру. Злодеи в сказках олицетворяют враждебные герою силы. И здесь самодуры — не непосредственные виновники гибели Катерины, но их представления о мире враждебны вообще всему светлому, радостному. Все безобразия Дикого, как пишет А.И. Журавлева, — чудаческие, нелепые, а его перебранка с Кабаниной, за которой следует угощение, — как будто сценка с лешим и ведьмой⁴⁸. Они выступают только орудиями «темного царства». Будь они добрыми, трагедия Катерины не исчезла бы. Но развязка в пьесе, по мнению исследовательницы, более литературная (как в повествовательной прозе), чем театральная⁴⁹. И тем более она не сказочная. «В русской сказке сопротивление среды почти отсутствует»⁵⁰ и сюжеты завершаются счастливо. Катерина сама плоть от плоти калиновского тесного мира и вырваться из него не может при всем ее вольнолюбию, выражающемся в фантастическом стремлении взлететь, как птица, над волжскими просторами. «Я давно вижу, что вам воли хочется» (д. 1, явл. 5), — говорит Кабаниха не только о ней, но и о Тихоне. В «Заметках о русском» Д.С. Лихачев на вопрос о том, чем отличается воля от свободы, отвечал так: «Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека — это прежде всего лишать его пространства, теснить. Вздых русской женщины: “Ох, тошненько мне!” Это не только означает, что ей плохо, но, что ей тесно, — некуда деваться»⁵¹.

⁴⁷ См.: Журавлева А.И. *Драматургия А.Н. Островского*. С. 51.

⁴⁸ У Марфы Игнатьевны «общение наиболее негативно окрашено — Кабаниха произносит 156 ругательных реплик, 50 нейтральных и всего 19 положительных. <...> Как яркий представитель «темного царства» Дикой имеет весьма специфическое общение <...> — 123 реплики <,> из них 10 (8%) положительных, 35 (28%) нейтральных, 78 (63%) отрицательных. Он самый агрессивный из всех персонажей пьесы. Его общение резко ограничено, при этом, он умудряется ругаться и браниться даже наедине с собой (8 реплик <...>)» (Клишина О.С. *Методология этнологического исследования художественных текстов*. С. 71, 73).

⁴⁹ См.: Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 52. О «Грозе» не скажешь, как о бытовых сказках: «Их финалы, как правило, неожиданны и очень интересны» (Лазутин С.Г. *Поэтика русского фольклора*. М., 1981. С. 18).

⁵⁰ Лихачев Д.С. *Поэтика древнерусской литературы*. С. 386. Название города Калинова может ассоциироваться с названием сказки «Бой на Калиновом мосту», но, разумеется, никакого победного «боя» в «Грозе» не может быть.

⁵¹ Лихачев Д.С. *Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре*. М., 2006. С. 153.

Как напоминает А.М. Панченко, «в “Сказании об Индийском царстве” (этот памятник, созданный в форме послания царя-пресвитера Иоанна, появился в русской версии не позднее XIV в.)» перечисляются разные диковинные существа, в том числе люди с песьими головами. «Но верило ли средневековье в реальность царства пресвитера Иоанна? Безусловно верило. Иначе не понять, почему на поиски этого царства время от времени отправлялись почтенные и по-тогдашнему ученые люди»⁵². На иконах с песьей головой изображался святой Христофор. Однако устное предание, восходящее к старинной рукописи, при сохранении веры в земли с диковинными существами изменило с XIV в. к XIX их оценки на противоположные. Теперь непривычное, чудесное воспринимается негативно. Как отмечал Ю.М. Лотман, «в “Сказании о Индийском царстве” “люди пол пса да пол человека” живут именно в праведной (= чужой, диковинной) земле»⁵³, а у Островского Феклуша признает только свое, привычное. На вопрос Глаши: «Отчего ж так, с песьими?» — она однозначно и уверенно отвечает: «За неверность» (д. 2, явл. 1). О таких людях странница сообщает сразу после рассказа о землях, где по несправедному закону суд творят салтаны Махнут турецкий и Махнут персидский. Элемент реальной географии тут уже присутствует.

Как и пространство, время в средневековом сознании ценностно, это не «пустая», «нейтральная» протяженность, независимая от наполняющих его событий. «Отсюда качественная определенность времени, которое могло быть “добрым” и “дурным”, сакральным и мирским»⁵⁴. Ход времени отнюдь не исключал стабильности бытия; история понималась «как смена событий, а не как изменение уклада жизни»⁵⁵. Но все-таки прошлое, настоящее и будущее различались, и именно в ценностном отношении. Для средневекового сознания, как и для современного обыденного, характерна идеализация прошлого, которое установило традиционный образ жизни. «Пессимистическое понимание современности было широко популярно в средние века: лучшие, самые счастливые времена в жизни человечества далеко позади, в обстановке морального упадка приближается конец света. <...> В средние века было распространено убеждение, что всякое изменение неизбежно ведет к упадку»⁵⁶. В XIX в. даже самым невежественным и косным⁵⁷ людям нельзя было не видеть изменений,

⁵² Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 99.

⁵³ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 410.

⁵⁴ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 163.

⁵⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 279.

⁵⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 133, 135.

⁵⁷ «Косность» была равновелика церковному идеалу благообразия, благолепия и благочиния. Это слово приобрело пейоративный оттенок не раньше середины

хотя воспринимались они по-прежнему мистически: в паровозе легче было признать огненного змия, чем машину, — образ откровенно апокалиптический. «Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние» (д. 3, сц. 1, явл. 1), — подчеркнуто пророчит Феклуша в разговоре с Кабанихой, не встречая возражений. Обе ожидают худшего. Так что далеко не только бегство Варвары из дома, самоубийство не имеющей сил дальше так жить Катерины и финальный «бунт» робкого Тихона предвещают в «Грозе» гибель «темного царства».

Итак, Островский показал внутрисловный конфликт, а точнее, конфликт надсловный и надклассовый, но в высшей степени исторически значимый. Это конфликт индивидуально-личностного и родового начал, «прощание с идеалами “доличностной” цельности, которой больше нет в мире»: произошел «разлом в патриархальном сознании русского человека»⁵⁸. В «Грозе» показано (как говорилось выше, достаточно условно) место, как бы являющееся квинтэссенцией отживающего мира. Среди персонажей «нет никого, кто не принадлежал бы к калиновскому миру. Бойкие и кроткие, властные и подначальные, купцы и конторщики, странница и даже старая сумасшедшая барыня, пророчащая всем адские муки, — все они вращаются в сфере понятий и представлений замкнутого патриархального мира. Не только темные калиновские обыватели, но и Кулигин <...> тоже плоть от плоти калиновского мира»⁵⁹. Даже образованный Борис подчиняется его законам. Он с самого начала настроен «пораженчески»: «Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся» (д. 1, явл. 4). Чем не Средние века, в которые если и влюблялись, то обычно только на расстоянии, за одну красоту лица (о которой и твердит полусумасшедшая барыня), не имея никакого представления о личности? Когда же бойкая Варвара устроила Катерине и Борису свидание, он совсем не деликатно сваливает вину за недопустимое действие на любимую: «Вы сами велели мне прийти... <...> Лучше б мне не видать вас!» И снова — после ее слов «Ну как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе» — столь же неделикатно: «Ваша воля была на то», — а после того как она напомнила, что они не в равных условиях («Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..»), только и мог, что пообещать не разбалтывать о случившемся, хотя это было бы и не в его интересах: «Никто и не узнает про нашу

XVII в., когда стало цениться новое, то, чего не бывало прежде <...>» (Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. С. 6).

⁵⁸ Журавлева А. И., Макеев М. С. Александр Николаевич Островский. С. 10.

⁵⁹ Там же. С. 40–41. Н. С. Трубецкой писал, что при «смене одной культуры другой, качественно от нее отличной, <...> смена эта неизбежно сопровождалась стадией прохождения через полосу бескультурности <...>» (Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. С. 345).

любовь. Неужели же я тебя не пожалею!» (д. 3, сц. 2, явл. 3). Чем это не Варварино «шито да крыто»? А Варвара — порождение Калинова, хоть и сбежала из него.

На фоне предшествующего творчества в «Грозе» Островский «дает нечто принципиально новое и в изображении, и, главное, в оценке патриархальных купеческих отношений. Мощное отрицание застоя, гнета неподвижного старого быта — новое по сравнению с москвитянинским периодом. А появление светлого начала, настоящей героини из народной среды — новое по сравнению с натуральной школой и с начальным периодом деятельности самого Островского»⁶⁰. Мир Калинова все-таки не универсален. В родительском доме Катерины, с точки зрения Варвары, было «то же самое», что у них. «Да здесь все как будто из-под неволи», — возражает беспокойная, мятущаяся жена Тихона Кабанова. Там «была “воля”, совершенно не вступавшая в противоречия с веками сложившимся укладом замкнутой жизни, весь круг которой ограничен домашней работой и религиозными мечтаниями. Это мир, в котором человеку не приходит в голову противопоставить себя общему, поскольку он еще и не отделяет себя от этой общности. А потому и нет здесь насилия, принуждения»⁶¹. Пробудившееся в Катерине в доме Кабановых смутное, поначалу совершенно непонятное ей чувство — не только любовное. Это и «просыпающееся чувство личности»⁶². Оно в существовавших условиях не могло не погубить беззащитную женщину. Катерина была плотью от плоти «темного царства», но не смогла с ним примириться. И Добролюбов верно предугадал в этой гибели пролог гибели самого «темного царства».

У купцов с деловой хваткой, которые в «Грозе» не показаны, развившееся чувство личности породило буржуазный индивидуализм и хищничество. Тогда-то драматургия Островского и приобрела антибуржуазный характер, о котором еще и помину нет в пьесе 1859 г. Со временем значительная часть капиталистов цивилизовалась, даже облагородилась. По этой части позднего российского купечества и судил П.А. Бурьшкин о достоверности изображения купцов во всей русской литературе.

Таким образом, конфликт в «Грозе» относится к области исторической психологии, а не чисто социальных отношений. Но эти отношения тоже изображены, причем с очень тонкими нюансами в речи и поведении персонажей. Например, Тихон перед отъездом целуется не только с матерью, женой (бросившейся к нему на шею), сестрой, но и со служанкой Глашей (д. 2, явл. 5). Даже Кабаниха не видит в этом ничего зазорного. Постоянно живущая в доме девушка при па-

⁶⁰ Журавлева А.И., Макеев М.С. Александр Николаевич Островский. С. 39.

⁶¹ Там же. С. 44.

⁶² Там же. С. 45.

триархальных отношениях — почти член семьи, правда, несколько не почитаемый. Кулигин униженно называет Дикого не только по имени-отчеству, но и с распространившимся обращением к богатым купцам «ваше степенство» (д. 4, явл. 2) — оно не было официальным, предписанным, но возникло в речи по аналогии с обращениями к дворянам типа «ваше благородие», «ваше сиятельство» и т.д. В ответ Дикой «тыкает» пожилому человеку — в самом начале пьесы он говорит, что пятьдесят лет глядит на заволжские красоты, позже Кабаниха называет его стариком (д. 4, явл. 5) — и грубо ругает его, хотя сам, возможно, моложе, раз у него дочери пока еще подростки (д. 1, явл. 1). Для Кулигина и молодой Борис — «вы» и «сударь», но воспитанный в Москве Борис тоже обращается к нему на «вы», однако по фамилии, без «сударя» или имени-отчества, которое остается читателю вообще неизвестным, а неотесанный Тихон, к которому Кулигин обращается так же («вы», «сударь»), — и на «ты», правда, со снисходительным «братец» и «брат», когда нужна его помощь (д. 5, явл. 1), — молодые купцы уже усвоили у Диких их хамскую манеру, и смирение перед маменькой тут ни при чем. Для странницы Феклуши Кабаниха — «матушка Марфа Игнатьевна» (д. 3, сц. 1, явл. 1), хотя неизвестно, кто из них старше, а женщину, у которой ни кола ни двора, никто не назовет иначе чем по имени, но все-таки не просто Феклой, а с ханжески «ласкательным» уменьшительным суффиксом. Даже служанка Глаша говорит ей «ты». Тихон отцом не является, но Глаша обращается к нему со словами «Тихон Иваныч, батюшка!» и просто «батюшка» (д. 5, явл. 1). Борис тоже молод и вдобавок небогат, но он родственник хозяина, и Кудряш, даром что Дикого не жалует, называет его племянника на «вы» и по имени-отчеству. У того для молодого мелкого служащего, разумеется, — «ты» и «Ваня» (д. 3, сц. 2, явл. 2): все-таки близкий знакомый, ближе, чем Кулигин, которого величать по имени-отчеству даже для воспитанного сына купца и дворянки было бы слишком.

«Без сомнения, «вы» при обращении к одному лицу появилось в результате социального расслоения. В первобытном обществе, а также в патриархальном родовом строе эта форма зародиться не могла. Позже простолюдин стал обращаться на «вы» к вельможе, дворянину, чиновнику, вообще ко всякому барину, подчеркивая тем самым свое ничтожество (он — один человек, а барин стоит многих). Разумеется, он слышал в ответ “ты”»⁶³. В «Грозе» патриархальное общество находится в стадии разложения, отсюда и достаточно разные формы обращения персонажей друг к другу. Но все-таки патриархальные нормы поведения еще крепки, и ничего нет ненормального в том, что два гуляющих горожанина, пожилой и молодой, обходятся вза-

⁶³ Канторович В. «Ты» и «вы». С. 226.

имным «ты». Кулигин тоже беспрекословно сносит «ты» от Кудряша. Бывающий в Москве (будто бы приобщающийся к культуре) и распластывающийся перед маменькой Тихон зовет ее на «вы». Варвара вообще избегает разговаривать с матерью, а *про себя* обращается к ней на «ты»: «Не уважишь тебя, как же!», «Нашла место наставления читать» (д. 1, явл. 5). Но непосредственная Катерина, видимо, знает только «ты»: она так открыто обращается и к Кабанихе, и сразу к Борису. Тот поначалу ей «выкает», но попозже и он переходит на «ты». Варвара, когда угадывает, кого любит Катерина, произносит имя-отчество. Но это просто чтобы не было сомнений, что угадала, какой Борис. Варвара вообще непочтительна, и, втравая Бориса в любовную историю, она сразу говорит ему «ты» (Катерина только в сцене признания называет «Бориса Григорьевича», просто «Борис» звучало бы слишком интимно). Глаша и та на вопрос Бориса: «Не у вас ли дядя?» — отвечает: «У нас. Тебе нужно, что ль, его?» (д. 3, сц. 1, явл. 3). С какой стати ей уважать бедного родственника чужого хозяина? Правда, она к Борису может относиться и положительно, как к Феклуше, а к Катерине — отрицательно, как и к «кровным» Кабановым. В целом Глаша настроена критически к тем, кто социально выше ее. «Она негативно оценивает своих хозяев (Катерину — 100% негативных реплик, Тихона — 100% негативных реплик), спокойно говорит только с Феклушей (12 нейтральных реплик — 74%), да и то иногда переругивается. Хорошо отзывается она только о Борисе и Феклуше (2 реплики — 13%), к последней обращается и с нейтральными репликами. Хуже всех Глаша оценивает Тихона и Катерину, упускает из своего внимания только Варвару, которую, видно, вообще не воспринимает как полноправного члена семьи Кабановых. Она ругает Дикого и недолюбливает Кабаниху»⁶⁴.

Как видим, Островский с помощью форм обращения и разного рода реплик дает четкие социальные и психологические характеристики даже второстепенным персонажам, а вместе с тем утверждает и углубляет главную художественную идею «Грозы» — о происходящем на глазах разрушении старого патриархального уклада жизни.

Список литературы

- Бурыйшкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991.
Вайль Петр, Генис Александр. Родная речь. Уроки изящной словесности. М., 1991.
Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки. М., 2012.
Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984.

⁶⁴ *Клишина О.С.* Методология этнологического исследования художественных текстов. С. 74.

- Добролюбов Н.А.* Луч света в темном царстве // Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М., 1970 («Литературные памятники»).
- Журавлева А.И.* Драматургия А.Н. Островского: Учебное пособие к спецкурсу. М., 1974.
- Журавлева А.И., Макеев М.С.* Александр Николаевич Островский. 2-е изд. М., 1998.
- Исдейл Чарльз Дж.* Наполеоновские войны / Пер. с англ. яз. Д.Я. Мовшович. Ростов-н/Д, 1997.
- Каторович В.* «Ты» и «вы» // Канторович В. История инженера Ганьшина. Очерки. М., 1976.
- Клишина О.С.* Методология этнологического исследования художественных текстов. М., 2010.
- Клишина О.С.* Методология этнологического исследования художественных текстов (на примере творчества А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.П. Чехова): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013.
- Ключевский В.О.* Императрица Екатерина II (1729-1796) // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. V. М., 1989.
- Костомаров Н.И., Забелин И.Е.* О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996.
- Кузнецов Ф.* Родословная нашей идеи. Традиции русских революционных демократов и современность. М., 1986.
- Лихачев Д.С.* Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971.
- Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. I. Таллинн, 1992.
- Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М., 1993.
- Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Прыжов Иван.* Нищие и юродивые на Руси: Нищие на святой Руси. Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков. СПб., 2008.
- Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 2000.
- Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982.
- Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
- Федосюк Ю.* Москва в кольце Садовых. М., 1983.

Сведения об авторе: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru

О.И. Федотов

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ ИВАНА ШМЕЛЕВА

Статья приурочена к 140-летию со дня рождения замечательного писателя земли русской, прах которого, по его завещанию, был в нее возвращен. Автор анализирует центральный символ романа-эпопеи Ивана Шмелева, вынесенный в его название, в сопоставлении с породившими его интертекстуальными образами.

Ключевые слова: Иван Шмелев, черное солнце, мертвые и живые, Гомер, Слово о полку Игореве, Данте, Байрон, Серебряный век, гражданская война, заглавный символ и его семантические обертоны.

This article is timed to coincide with the 140th anniversary since the birth of the remarkable writer of the Russian land, whose ashes, according to his will, were returned to it. The author analyzes the central symbol of Ivan Shmelev's epic novel, posed in its title, and compares it with the intertextuality images generated by it.

Key words: Ivan Shmelev, a black sun, the dead and alive, Homer, The Tale of Igor's Campaign, Dante, Byron, the Silver Age, the civil war, the title symbol and its semantic.

1. Заголовок в породившем его интертексте

Слово, запечатленное в названии того или иного произведения по логике вещей должно быть и наиболее частотным, и, естественно, наиболее значимым в его художественной системе. В исключительно компактной эпопее Ивана Шмелева, всего-то около 10 печатных листов, корневая лексема «солнце» повторяется 126 раз. Естественно, каждое словоупотребление имеет свои семантические, стилистические и ситуативные параметры.

Структура поэтического произведения, по образному выражению Александра Блока, напоминает покрывало, натянутое на остриях ключевых слов, мерцающих, словно звезды на небе. Точно так же поэтическая проза Шмелева, вся многоярусная конструкция его маленькой эпопеи держится на «солнечной системе», центральной и отправной точкой которой стал ее оксюморонный заголовок — «Солнце мертвых».

Разумеется, впервые самый емкий по смысловым обертонам образ солнца вспыхивает в нашем сознании уже при восприятии названия. Пути и перепутья творческой мысли неисповедимы. Как возникло название? До или после того, как было написано все про-

изведение, или, скорее, в процессе его создания? Появление лексемы «солнце» для наименования произведения, действие которого разворачивается на южном берегу Крыма, а именно в Алуште, знаменитой, в ряду всего прочего, максимальным количеством солнечных дней в году, удивления не вызывает. Этих доводов, однако, вряд ли достаточно. С еще большим успехом в заголовок могло попасть, скажем, слово «море», обозначающее столь же яркий и естественный признак крымского топоса. Решающим фактором, побудившим писателя назвать свое произведение «Солнце мертвых», послужили незаурядные потенции, как уже отмечалось, самой оксюморонности и символической емкости легшего в основу названия словосочетания. Заметим, что Шмелев был современником и соучастником сугубо символического осмысления практически всех основополагающих природных стихий и особенно солнца.

С одной стороны, слово «солнце» испокон веков несло в себе символику жизни, плодородия, сексуальной мощи, т. е. в первую очередь сему рождения. С другой стороны, оно неразрывно связано с лексическим обозначением другого светила, а именно его окказиональным антиподом — «луной», и даже нередко заимствует его семантику¹. В «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского читаем буквально следующее: «Слова со значением “луна” — “солнце” могут соотноситься и со значениями “бог, божество”: ср. др.-инд. *Suar* “солнце”, но др.-инд. *sura* “бог”.

Ср. также соотношение значений “луна” — “солнце” со значением “загробный мир”: др.-инд. *arka* “солнце”, но лат. *orkus* “подземный мир, царство смерти” (ср. др.-инд. табуированное образование с начальным отрицанием: *n-arka* “подземный мир, царство смерти”); алб. *diell* “солнце”, но др.-инд. *talatala*- “загробный мир, ад”; греч. ηλιος “солнце”, но греч. ηλισιον “царство блаженных, загробный мир”².

Но все же в нормальном словоупотреблении «солнце» и «луна» — естественные антонимы, которые, как и любые противоположности, тяготеют друг к другу, вступая в отношения, напоминающие рокировку. Недаром в античной мифологии они воплощены в детях Зевса и Лето Артемиде (Диане) и Аполлоне (Фебе). Согласно «Библиоте-

¹ Возможно, интертекстуальным эхом заголовку эпопеи Шмелева откликнулось название стихотворения Георгия Голохвастова «Светило мертвых», опубликованного в сборнике «Жизнь и сны» (Нью-Йорк, 1943) и содержащего образное сопоставление двух светил: «В тусклом диске, всемирно воспетом, // Могут только больные умы // Обольщаться безжизненным светом, // Ловко взятым у солнца займы. // Этот призрак с усмешкой дурною... // Светоч мертвых, встающих с кладбищ, // Чтоб о солнце мечтать под луною // На порогах их душных жилищ» (*Голохвастов Георгий*. Гибель Атлантиды. Стихотворения и поэмы. М., 1908. С. 169–170).

² *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 210.

ке», приписываемой Аполлодору, первой родилась Артемида и немедленно помогла матери разрешиться Аполлоном. Несмотря на то что одной из главных ее божественных функций является помощь роженицам, она в то же время способна принести людям легкую и быструю смерть.

Что касается ее брата-близнеца солнечного бога Аполлона, он, по мнению А.Ф. Лосева, включал в свой классический образ «архаические и хтонические черты догреческого и малоазийского развития (отсюда разнообразие его функций — как губительных, так и благодетельных, сочетание в нем мрачных и светлых сторон)»³. «Характерная для первобытного мышления взаимопронизанность жизни и смерти не миновала и А<поллона>; на этой поздней ступени архаики он — демон смерти, убийства, даже освященных ритуалом человеческих жертвоприношений, но он и целитель, отвратитель бед: его прозвища Алексикакос (“отвратитель зла”), Апотропей (“отвратитель”), Простат (“заступник”), Акесий (“целитель”), Пеан или Пеон (“разрешитель болезней”), Эпикурий (“попечитель”)»⁴. Олицетворяя в ряду других своих ипостасей солнце, Аполлон амбивалентно источает и благо, и зло. Его губительные стрелы-лучи поражают внезапной смертью стариков, размягчают воск, скрепляющий перья на крыльях Икара, и в течение девяти дней разносят эпидемию чумы в лагере ахейцев («Илиада», п. 1, ст. 43–53). На острове Тринакрия, принадлежавшем собственно «светоносному богу» солнца Гелиосу, смерть подстерегла всех спутников Одиссея, покусившихся на его священных быков («Одиссея», п. 12).

В поэтическом мире поэм Гомера солнце фигурирует, в основном, в аллегорическом образе Гелиоса. Любопытный феномен в интересующем нас аспекте представляет рассказ Одиссея о его путешествии в царство мертвых:

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, *покрытая вечно*
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя над звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
(«Одиссея», пер. В. Жуковского, п. 11, ст. 13–19)

Речь, между прочим, идет о территории Восточного Крыма от Судака до Керчи, населенной в начале I тысячелетия до н. э. киммерийцами. «Киммериян печальная область» включала, с одной стороны, морской берег, прибрежные скалы, плоскогорье и, с другой стороны, бескрайние степные просторы, поросшие полынью, мятой

³ Лосев А.Ф. Аполлон // Мифологический словарь. М., 1990. С. 55.

⁴ Там же. С. 56.

и чебрецом. Как это ни парадоксально, один из самых обильных солнечным светом регионов земли мыслился древними эллинами вечным прибежищем «мглы облаков» и «безотрадной ночи». Вход живущим туда заказан. Неслучайно Одиссея, незаконно оказавшегося во «*мраке подземном*» Аида, тень его матери заклинает: «Ты же на *радостный свет* поспеши возвратиться...» (п. 11, ст. 223).

Приблизительно столь же контрастное соотношение жизни и смерти, солнечного света и мглы несет в себе центральный эсхатологический эпизод средневекового исландского эпоса, запечатленный в «Старшей Эдде», в мифе о Рагнарёке (Гибели богов). Предвестием его явились трагическая гибель сына Одина и Фригг юного Бальдра и разлад в божественной семье. Гигантский хтонический волк Фенрир, который до того времени был скован цепью, изготовленной, согласно «Младшей Эдде» («Видению Гюльв»), карликами из «шума кошачьих шагов, женской бороды, корней гор, медвежьих жил, рыбьего дыхания и птичьей слюны»⁵, вырвался на свободу. Первым делом он проглатывает солнце, после чего наступает «великанская зима». Другой гигантский волк похищает месяц (луну). Звезды падают с неба. Дрожит и гудит Мировой Ясень Иггдрасиль, предвещая землетрясение. Вода заливают землю (скандинавский вариант Великого Потопа). Из царства мертвых выплывает корабль мертвецов, управляемый Локи (в другой версии — великаном Хрюмом). Происходит сражение богов и хтонических чудовищ (наподобие древнегреческой пелоромахии). Один сражается с волком Фенриром и принимает от него смерть. Однако тут же его сын Видар разрывает чудовищу пасть. Громовержец Тор вступает в сражение с Мировым Змеем Ермунгандом, одолевает его, но и сам погибает от укусов ядовитых зубов. Вселенская катастрофа завершается мировым пожаром, пожирающим землю.

Как пронизательно заметил исследователь «Слова о полку Игореве» А.Н. Робинсон⁶, смерть князей Игоревы рода Ольговичей в той или иной мере мистически совпала с весьма редким астрономическим явлением — затмением солнца. К тому же традиционно новгород-северские князья числили себя потомками Дажьбога, который почитался славянами как бог солнца. Нетрудно вообразить, какие чувства боролись в душе отважного князя, когда он увидел в самом начале своего похода столь недвусмысленно зловещее предзнаменование.

⁵ Младшая Эдда / Изд. подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 50. Подробнее см.: Федотов О.И. История западноевропейской литературы средних веков. 5-е изд., испр. М., 2011. С. 28–29.

⁶ См.: Робинсон А.Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков: Сб. статей. М., 1978. С. 191–206; *Он же*. Черное солнце рода Игоревы // Неделея. 1979. № 12; *Он же*. Образы солнца в «Слове о полку Игореве» // Поэзия. 1989. № 54. С. 113–116; Шелемова А. Слово о полку Игореве и...: Опыт интертекстуального анализа. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GGmbH, 2012. S. 124–125.

Так появился устойчивый оксюморонный образ «черного солнца», актуализирующий свою смертоносную ипостась.

Практически в ту же эпоху был создан величественный шедевр Данте Алигьери, в котором солнце и царство мертвых оказались в едином поэтическом топосе. 122 раза в поэме фигурирует лексема «солнце» и всего лишь 17 — его окказиональный антоним «луна». Аллегорический характер образности предопределил преимущественно мифологическое представление обоих светил. Вот, например, как описывается радуга:

Все семь полос, отчетливо видны,
Напоминали яркими цветами
Лук солнца или перевязь луны.
(«Чистилище», пер. М. Лозинского, п. 29, ст. 76–78)

«Лук солнца», понятное дело, символический атрибут Аполлона, а «перевязь луны» — его сестры Артемиды. Лексема «солнце» у Данте исключительно многозначна. Она обозначает истину, одну из планет, вращающихся вокруг земли, в «недра» которой буквально «входят» Данте и сопровождающая его Беатриче, «Первослугу, Перводвигатель Природы», природное явление для фиксации времени и ориентации в пространстве, «предел для глаз», т. е. самое яркое, что только может быть на свете, образный эквивалент Бога («солнца ангелов»), папы, императора, возлюбленной поэта Беатриче, Франциска Ассизского и т. д.

Путешествие, которое Данте совершил по трем царствам загробного мира, вызвало в мировой литературе немало подражаний. Одним из них, и, как кажется, наиболее актуальным для темы наших размышлений, была бессмертная поэма Николая Гоголя «Мертвые души». Подобно своему итальянскому предшественнику, русский писатель произвел грандиозную рокировку этого и того света, мертвых и живых душ, наделяя жизнью умерших крестьян и отнимая ее у внешним образом живых упырей, небокопителей-крепостников. Нет сомнений в том, что вторая часть заголовка эпопеи И. Шмелева в значительной мере коррелирует с первой частью заголовка гоголевской поэмы. Дважды лексема «солнце»⁷ участвует у Гоголя в составе сравнений и 12 раз — обозначая реальное солнце в реальном экстерьере.

В начале первой главы солнце проглядывает в излюбленном автором «Мертвых душ» распространенном сравнении при описании залы в губернском доме: «Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Всё было залито светом. Черные

⁷ Антипод «солнца» «луна» представлен в «Мертвых душах» значительно бледнее: один раз это прилагательное «лунный», один раз — собственно «луна» и дважды — синонимический и более характерный для Гоголя «месяц».

фраки мелькали и носились врозь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети всё глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и *солнцем*, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами»⁸.

Еще интереснее наблюдать этот образ в составе сравнения в эпизоде посещения Чичиковым и Маниловым казенной палаты. Вручив взятку, Чичиков получает в проводники некоего «коллежского регистратора», который «прислужился нашим приятелям, как некогда *Вергилий прислужился Данту*, и провел их в комнату присутствия, где стояли одни только кресла и в них перед столом, за зеркалом и двумя толстыми книгами, сидел один, *как солнце*, председатель» (с. 137). Кроме отсылки к первоисточнику здесь можно усмотреть и некую пародию на солнечные уподобления в «Божественной Комедии».

Изображая реальное солнце в реальном мире, Гоголь наделяет его необычайно яркими, мажорными эпитетами, преимущественно в форме глагола и причастия: то оно сквозь окно «*блистало... прямо в глаза*», то оно дважды «сияющее», то несколько раз «озаряющее» («озаренное» и «озирающее»), то оно освещает мир в самом зените, предвещая патетический полет «птицы тройки»: «На вершине неба *солнце*. “Полегче! легче!” — слышится голос, телега спускается с кручи: внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, *сияющий*, как медное дно, *перед солнцем*; деревня, избы рассыпались на косогоре; как звезда, блестит в стороне крест сельской церкви; болтовня мужиков и невыносимый аппетит в желудке... Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога!» (с. 212). Заслуживает внимания и такой весьма примечательный факт: собственно «птица тройка» летит по *ночному* небу, сквозь которое «продирается *месяц*»: «... только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся *месяц* одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?...» (с. 236).

Предрасположенность к художественному двоимирию, к образному со-противопоставлению жизни и смерти, дня и ночи, солнца и луны Гоголь, а вслед за ним и писатели Серебряного века естественным образом унаследовали от романтизма. В 1918 г. начинающий

⁸ Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1978. С. 13. Далее ссылки на это издание прямо в тексте; страницы указываются в круглых скобках.

поэт Владимир Набоков-Сирий предпринял перевод неоконченного стихотворения Дж. Байрона «Солнце бессонных» (1816). Заголовок байроновской миниатюры удивительно близко перекликается с занимающим нас словосочетанием. “Sun of the sleepless” — иносказание ... «цыганского солнца» Луны. Конечно, в поле зрения Набокова были лавинообразные, если можно так выразиться, обращения к солярной и лунной символике, столь характерные для русской поэзии начала XX в.:

В. Брюсов «Закат» («Видел я над морем серым...», 19 июня 1900), «Еще закат» («Свой круг рисуя всё ясней...», 28 июня 1900), «Дождь и солнце» («Муаровые отблески сверкают под лучом...», 1 июня 1913), «Солнцеворот» («Была зима; лежали плотно...», 17 октября 1917), «Симпозион заката» («Всё — красные раки! Ой, много их, тоннами...», 15 августа 1922);

Ф. Сологуб «Уйдешь порой из солнечной истомы...» (3 июля 1891), «Качели» («В истоме тихого заката...», 9 июля 1894), «Жаркое солнце по небу плывет...» (9 октября 1897), «Змий, царящий над вселенною...» (18 июня 1902), «Восходит Змий горящий снова...» (26 сентября 1903), «Пламенем наполненные жилы...» (2 июля 1904), «Солнце светлое восходит...» (3 декабря 1904), «Два солнца горят в небесах...» (30 декабря 1904), «Для тебя, ликующего Феба...» (11 мая 1919);

К. Бальмонт «Аромат солнца» («Запах солнца? Что за вздор!..», 1899), в составе книги «Будем как солнце. Книга символов» (1903): «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...», «Будем как солнце! Забудем о том...» (1902), «Голос заката» («Вот и солнце, удаляясь на покой...»), «Солнце удалилось» («Солнце удалилось. Я опять один...», 1900), «Гимн солнцу» (1–7), «Стих о величии солнца» («Величество Солнца великие поприща в небесах пробегает легко...»), «Звездоликий» («Лицо его было как солнце — в тот час, когда солнце в зените...», 1907), «Солнышко-ведрышко» («Солнышко-ведрышко, красная девица, ходит по синему полю...»), «Сонеты солнца, меда и луны» (1917) и т. д.;

Вяч. Иванов, которого М. Волошин весьма симптоматично именовал «Солнечным зверем», — цикл первой книги “*Cor ardens*” «Солнце-сердце», содержащий стихотворения «Хвала Солнцу», «Хор солнечный», газеллу «Солнце», «Завет Солнца», «Псалом солнечный», «Солнце-двойник», цикл из второй книги под названием «Северное солнце» с открывающим его одноименным стихотворением, наконец, стихотворение «Солнцев перстень» из раздела «Эпических сказов и песен» в составе пятой книги и «Август» из сборника «Нежная тайна»...

Конечно, большинство этих произведений было на слуху Ивана Шмелева и в той или иной мере отразилось в названии его эпопеи. Несколькими годами позже, видимо, теми же или очень близкими им путями пришел знаменитый образ «черного солнца» в эпопею Михаила Шолохова: «В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория,

скользили по бледному и страшному в своей неподвижности лицу. Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и *ослепительно сияющий черный диск солнца*⁹.

2. Функционирование лексемы «солнце» в тексте эпосеи

Первое упоминание о солнце собственно в тексте эпосеи Шмелева сопряжено с «пышными снами», которые снятся автору-повествователю:

«Да, сон я видел... странный какой-то сон, *чего не бывает в жизни*.

Все эти месяцы снятся мне пышные сны. С чего? Явь моя так убога... Дворцы, сады... Тысячи комнат — не комнат, а зал роскошный из сказок Шахерезады — с люстрами в голубых огнях — огнях *нездешних*, с серебряными столами, на которых груды цветов — *нездешних*. Я хожу и хожу по залам — ищу... Кого я с великой мукой ищу — не знаю. В тоске, в тревоге я выглядываю в огромные окна: за ними сады, с лужайками, с зеленеющими долинками, как на старинных картинах. *Солнце* как будто светит, но это не наше *солнце*... — подводный какой-то свет, бледнее жести. И всюду — цветут деревья, нездешние: высокие-высокие сирени, бледные колокольчики на них, розы поблекшие... Странных людей я вижу. С лицами неживыми ходят, ходят они по залам в одеждах бледных — с икон как будто, заглядывают со мною в окна. Что-то мне говорит — я чувю это щемящей болью, — что они прошли через страшное, сделали с ним что-то, и они — вне жизни. Уже — нездешние... И невыносимая скорбь ходит со мной в этих до жути роскошных залах...» (с. 10)¹⁰.

Конечно, нарисованный писателем мир «не наш», определенно «нездешний», несовместимый, что называется, с жизнью, напоминающий inferнальные картины «Божественной комедии». Поэтому и солнце в нем светит «как будто», светит каким-то «подводным светом», напоминая «бледную жесть»; ср. также ближе к концу романа: «И вот, выглянет на миг солнце и выплеснет *бледной жестью*. Бежит полоса, бежит... и гаснет. Воистину — солнце мертвых» (с. 228). В безжизненном минорном освещении бледнеет практически все: цветущие деревья, «высокие-высокие сирени», на которых вместо бравурных гроздей почему-то «бледные колокольчики», с «неживыми лицами» ходят «странные», как будто только что сошедшие с икон, люди, облаченные, разумеется, в «бледные одежды». Вместе с автором они заглядывают в окна. Пребывающий в пророческом сне повествователь не сомневается, «чувет это щемящей болью», «что они прошли через страшное, сделали с ними что-то, и они — *вне жизни*. Уже нездешние...» (там же).

⁹ Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 3–4. М., 1980. Кн. 4. Финал гл. XVII.

¹⁰ С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг. Кн. 1: И. Шмелев. А. Ремизов. Б. Зайцев. М., 1992. С. 10. Здесь и далее выдержки из эпосеи И. Шмелева цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Так с самого начала декларируется художественное двоemiрие. Рядом с реальным действительным миром предполагается другой — «вне жизни». Его можно увидеть или во сне (с.10, 13), или в «жизни вечной», по вере (с.73), или в прошлом¹¹ (с. 40, 119–120), или за границей, в Париже¹² (с. 30). Замечательно, что все эти ипостаси чужемирия сопровождаются мотивом сна. Трагизм такого двойственного мироощущения усиливается еще и тем, что между жизнью и смертью на глазах исчезает граница. «Мы теперь можем создать новую философию *реальной ирреальности!* — восклицает забывший, как читается “Отче наш” доктор, — новую религию “небытия помойного”... когда кошмары переходят в действительность, и мы так сживаемся с ними, что бывшее нам кажется *сном*» (с. 79). Заметим при этом, что сон — это уже и не вполне жизнь. Как считали древние эллины, Гипноз — бог сна — не кто-нибудь, а помощник смерти. То же самое, кстати, можно сказать и об упомянутой «сказке», вернее, о сказочном мотиве «тридевятого царства, тридесятого государства», т. е., в сущности, «того света»...

А вот первое упоминание о реальном солнце, щедро освещающем переживающий трагедию Крым:

¹¹ Ср.: «Я хочу перенестись в прошлое, когда люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне» (с. 154).

¹² Замечательно, что и Париж, где, собственно, писалось «Солнце мертвых», отходит к символам потусторонней, «нездешней» жизни: «Странно... когда я сижу так, ранним утром, в балке и слышу, как гремит самоварная труба, я вспоминаю о Париже, в котором никогда не был. В этой балке, и — о Париже! Это *на каком-то другом свете*... И есть ли этот Париж? Не исчез ли он из жизни?..» (с. 29). В действительности, однако, дело обстоит ровным счетом наоборот: Париж остается в жизни, а окружающий автора мир неотвратимо погружается в смерть. В главке «В глубокой балке» автор не выдерживает и обращается к «славным европейцам», людям не от мира сего, т. е. также прежде всего благоденствующим обитателям Парижа с прямым публицистическим укором:

«Охраняемые Законом, за богатыми письменными столами, с которых никто не сбросит портреты дорогих лиц, на которых солидно покоятся начатые работы, с приятным волнением читаете вы о “величайшем из опытов” — мировой перекройке жизни. Повторяете подымающие слова, заставляющие горделиво биться уставшее от покоя сердце, эти громкие побрякушки — титанические порывы духа, гигантское обновление жизни, стихийные взрывы народных сил, величавые устремления осознавшего свою мощь гиганта-пролетариата... — кучу гремучих слов, проданных за пятак беспардонно-беспутными строкосписцами.

Тоскующие по взлетам, вы рукоплещете и готовы послать привет. Вы даете почетные интервью, восхищаясь и одобряя, извиняя великодушно частности, обязательно повторяя, что не ошибается только тот, кто... Ну, понятно. Ваши громкие имена, меченные счастливым роком, говорят всему миру, что все в порядке вещей. Благосклонные речи ваши наполняют сердца дерзателей, выдают им похвальный лист.

Невысока колокольня ваша: с нее не видно.

<...> Хорошо наблюдать грандиозный пожар с горы, бурю на океане — с берега. Величавое зрелище» (с. 108–109).

«Надо отворить ставни. А ну-ка, какое утро?..

Да какое же может быть утро в Крыму, у моря, в начале августа?! *Солнечное*, конечно. Такое *ослепительно-солнечное*, роскошное, что больно глядеть на море: колет и бьет в глаза.

Только отпахнешь дверь — и хлынет в зашуренные глаза, в обмятое, увядающее лицо *солнцем* пронизанная ночная свежесть горных лесов, долин горных, налитая особенной, крымской, горечью, настоявшеюся в лесных щелях, сорвавшеюся с лугов, от Яйлы. Это — последние волны ночного ветра: скоро потянет с моря» (с. 12).

Обозначив заодно время действия, а именно начало августа, автор слагает вдохновенный гимн крымскому солнцу. Ни один оттенок богатейшей колористической палитры под лучами утреннего солнца не укроется от его восхищенного взора:

«В отлогой балке — корытом, где виноградник, еще *тенисто, свежо и серо*; но глинистый скат напротив уже *розово-красный, как свежая медь*, и верхушки молодок-груш, понизу виноградника, залиты *алым гляncем*. <...>

К морю — малютка гора Кафель, крепость над виноградниками, гремющими недалеко славой. Там и *золотистый “сотерн” — светлая кровь* горы, и *густое “бордо”*, пахнущее сафьяном и черносливом, и *крымским солнцем! — кровь темная*» (с. 12–13).

Нередко оживленная лучами крымского солнца «расцветка» получает под пером писателя символическое осмысление. Особенно эффектно высвечивает крымское солнце экзотическое оперение обделенного вниманием и заботой людей одичавшего павлина, опасный блеск крыльев вылетевшего на охоту ястреба, исхудавшие бока кобылы Ляrvы и, казалось бы, вездесущие, но тем сильнее и тревожнее будоражащие белеющие повсюду кости (с. 51):

«Поднялся, расправил *серебристые* крылья в *палево-розовой* опушке, выправил горделиво головку — черноглазой царицей смотрит. <...> *Сияя голубым фиолетом в солнце*, вдумчиво ходит он по балкону, шелковым хвостом возит — приглядывается к утру... И — молнией падает в виноградник» (с. 16).

«Нас встречает павлин тоскливым криком — стоит на воротах, *зелено-фиолетово-синий, играет солнцем*» (с. 118).

«Низко плывет по балке стервятник, завинчивает полетом. *Палевым* отливает на его крыльях солнце» (с. 37).

«На ее боках-ребрах *гряzной медью* отсвечивает солнце» (с. 50).

А вот оно появляется в сопровождении метафорических глаголов, наделенных подчеркнуто яркой экспрессивной окраской:

«Солнце уже высоко *ходит* — пора выпускать куриное семейство» (с.17).

«Солнце словно *заснуло*, за Бабуган не хочет» (с. 48).

«А что Тамарка?..

Она уже оглодала миндали, сжевала давшиеся через ограду ветки. Повисли они мочалками. Теперь их *доканчивает* солнцем» (с. 19).

«Я знаю эту *усмешку* далее. Подойди ближе — и увидишь... Это же солнце *смеется*, только солнце! Оно и в мертвых глазах *смеется*. Не благодатная тишина эта: это мертвая тишина погоста. Под каждой кровлей одна и одна дума — хлеба!

И не дом пастыря у церкви, а подвал тюремный... Не церковный сторож сидит у двери: сидит тупорылый парень с красной звездой на шапке, зыкает-сторожит подвалы:

— Эй!.. отходи подале!..

И на штыке солнышко *играет*.

Далеко с высоты видно! За городком — кладбище. *Сияет* на нем вся прозрачная, из стекла, часовня. Какая роскошь... не разберешь, что в часовне: *плавится* на ее стекле солнце...» (с. 21).

Снова и снова повторяется страшный мотив *смеющегося* солнца, бесстрастно и бессмысленно освещающего этот некогда такой разумный, но теперь уже навсегда и бесповоротно обезумевший мир:

«*Смеется* солнце. Поигрывает тенями горы. Всё равно перед ними: *розовое* ли живое тело или труп *посинелый*, с выпитыми глазами — *вино* ли, *кровь* ли...» (с. 25).

«Ни дымочка на *синей* дали, *серебрятся* течения... Одна *голубая парча* — на солнце.

Мертвое море здесь: не любят его веселые пароходы. Не возьмешь ни пшеницы, ни табаку, ни вина, ни шерсти... Съедено, выпито, выбито — всё. Иссякло.

А солнце *тишет* свои *полотна!*

Фиолетовый пляж *розовым* подержался, теперь *бледнеет*. Накалится — *засветится*. К ночи с холоду *посинеет*. А вот и она *синь-бель*: вскипает с *играющего* моря. Нет ни души на гальке, *пятнышка нет живого*. Прощай, *расцветка!*» (с. 23).

Главка «В виноградной балке» открывается страшным признанием. Оказывается, виноградная балка видится автору повествователю не заурядным оврагом, не ямой, но «храмом, кабинетом и подвалом запасов». Пробуя эти определения на вкус, проверяя их на точность, рассказчик спохватывается:

«Отныне мой храм?.. Неправда. У меня нет теперь храма.

Бога у меня нет: синее небо *пусто*» (с. 26).

Таким образом, Бог отождествляется с солнцем, что не противоречит издревле сложившейся мифологической традиции — и в языческом, и в зороастрийском, и между прочим в христианском варианте. Нет, солнце это не имеет права именоваться Богом, ибо оно — великий обманщик:

«Это — солнце *обманывает*, *блеском*, — *еще заглядывает в душу*. Поет солнце, что еще много будет праздничных дней чудесных, что вот и виноградный, «бархатный» сезон подходит, понесут веселый виноград

в корзинах, зацветут виноградники цветами, осенними огнями... Всегда будет празднично-голубое море, с серебряными путями.

Умеет *смеяться* солнце!» (с. 31).

Уже не смеется, насмехается солнце над доверившимися ему людьми. Не жизнь, но смерть несет оно им!

И все же взыскующая душа жаждет Бога, когда весь живой мир обречен на «голод, страх и смерть» (с. 89):

«Какой же погост огромный! и сколько солнца! Жарки от света горы, море в синем текущем блеске... <...>

Я хожу и хожу по саду, доживаю свое. Упора себе ищу?... Всё еще не могу не думать? Не могу ещё превратиться в камень! С детства еще привык отыскивать Солнце Правды. Где Ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое? Не хочу аршина и бухгалтерии... С ними ходят подрядчики и деляги. Хочу Безмерного — дыхание Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски... ужасом постигаю Зло, облекающееся плотью. Оно набирает силу. Слышу его зычный, звериный зык...» (там же).

Пустело небо: или люди забыли Бога, или Бог покинул людей. И уж во всяком случае, на смену привычному с детства Добру идет явственно облекающееся плотью Зло. Не в силах примириться с этой подменой, автор-повествователь не останавливается ни перед богохульством, ни перед новым еретическим богостроительством:

«Великие мудрецы, где вы?! Туманами подымаются храмы ваши, в туманах тают... Чистый разум... призрачный мир идей... отсвет метнувшегося человеческого мозга! Где вы там бледные существа? В каких краях обитаете? Какие на вас одежды? В луче бы солнца спустились, что ли, бесплотные, породили бы из неоправданных мук, из неоплатных страданий новое существо, неведомое доселе миру. Свершили чудо! Сошли бы в дожде на землю, радугой перекинулись над морем, упали в громе! Или спустились вы, да продали вас за грош, на обертку пустили под собачье мясо, в пыжи забили? В Проповеди Нагорной продают камсу ржавую на базаре, Евангелие пустили на пакеты... *Пустое* небо покрылось синью, море прикрылось синью: стоит одно другого» (с. 90).

В полном соответствии с активизацией семы «убийство» главка со зловещим названием «Что убивать ходят» перенасыщена солнцем. Размышляющий в своей балке о трагедии, постигшей его родину, автор-повествователь понуждает себя взглянуть в смертоносный лик обманувшего надежды людей светила:

«Сиди и смотри на солнце. Жадно смотри на солнце, пока глаза не стали *оловянной ложкой*. Смотри на *живое* солнце! <...>

Ну, вот. В зимнее дождливое утро, когда солнце *завалили тучи*, в подвалах Крыма *свалены* были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались своего *убийства*» (с. 41–42).

«Вот теперь сижу я на краю Виноградной балки, вглядываюсь в солнечные горы... Те ли самые эти горы, какие были совсем недавно? На э т о м ли они свете?!» (с. 42).

«Дожди тогда были... Укрылись дождями горы, свинцовой мутью» (с. 42–43).

«Не надо думать. Какое *жгучее* солнце!

Выше подымается, напекает. По горам жаровая дымка, начинают *синеть и мерцать* горы. Двигутся, ожидают. Смотрят. И солнце — *плавится и играет* в море» (с. 43).

Удивительно эффектно и, скорее всего, не случайно в трагическом каламбуре сталкиваются два однокоренных слова: «завалили (тучи)» и «свалены (десятки тысяч человеческих жизней)». Получается, что кровавые злодеяния совершаются в отсутствие солнца, как следствие его недогляда... Самый патетический эпизод рассматриваемой главки — прощание автора со своей любимицей курочкой Торпедкой, которая совсем по-людски «у х о д и т» из этого мира. Конечно, и он напрямую связан с мотивом солнца:

«Ну, посмотри на солнце... ты его любила, хоть и не знала, что это. А там вон — горы, синие какие стали! Ты и их не знала, а привыкла. А это, синее такое, большое? Это — море. Ты, маленькая, не знаешь. Ну покажи свои глазки... Солнце! И в них солнце!..¹³ только совсем другое — *холодное и пустое*. Это — солнце *смерти*. Как *оловянная пленка* — твои глаза, и солнце в них *оловянное, пустое* солнце. Не виновато оно, и ты, Торпедка моя, не виновата. Головку клонишь... Счастливая ты, Торпедка, — на добрых руках уходишь! Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце мое *живое*, прощай! А сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит *во тьме!*..» (с. 43).

Завершается главка гневной инвективой, обращенной к равнодушным в своем эгоистическом благополучии обывателям Запада:

«Вы, сидящие в креслах мягких, может быть, *улыбнетесь*. Какая сентиментальность! Меня это нимало не огорчает. Курите свои сигары, швыряйте свои слова, гремучую воду жизни. Стекут они, как отброс, в клоаку. Я знаю, как ревниво глядитесь вы в трескучие рамы листов газетных, как жадно слушаете бумагу! Вижу в ваших глазах *оловянное* солнце, солнце *мертвых*. Никогда не вспыхнет оно, *живое*, как вспыхивало даже в моей Торпедке, совсем незнайке! Одно вам брошу: *убили* вы и мою Торпедку! Не поймете. Курите свои сигары» (с. 44).

Казалось бы, какое отношение имеет солнце к устойчивому персонажу русских народных сказок Бабе-Яге? В образной системе шмелевской эпопеи имеет, и вполне определенное. Утомленный тяжкой работой, голодный,

¹³ И другая курочка, по прозвищу Жадноха, принявшая смерть от когтей ястреба, совсем недавно еще отражала в своих глазах солнце: «Только-только подремывала она на моих руках, клевала горошек доктора, и в ясном зрачке ее *смеялось* золотой точкой солнце...» (с. 88).

обессилевший повествователь периодически погружается в обморочное забытьё:

«Погасает солнце, в глазах темнеет... Ночь какая упала! Весь Бабуган заняла, дремучая. Дремучие боры-леса по горам, стена лесная. Это давние те леса. Их корни везде в земле, я их вырубаю мукой. О какие они дремовые¹⁴ — холодом от них веет лесным, подвалом! Грызть-продираться через них надо, железным зубом. Шумит-гремит по горам, по черным лесам-дубам — грохот какой гудящий! Валит-катит Баба-Яга в ступе своей железной, пестом погоняет, помелом след замечает... помелом железным. Это она шумит, сказка наша. Шумит-торкает по лесам, метет. Железной метлой метет.

Гудит в моей голове черное слово — «метлой железной»! Откуда оно, это проклятое слово? кто его вымолвил?... «Помести Крым железной метлой»... Я до боли хочу понять, откуда это. Кто-то сказал недавно... Я срываю с себя одолевшую меня слабость, размыкаю глаза... *Слепящее солнце стоит еще высоко над раскаленной стеной Куш-Кай, зноем курятся горы»* (с. 54–55).

Откуда же эти ассоциации?

«Я знаю: из-за тысячи верст, по радио, долетело приказ-слово, на синее море пало:

“Помести Крым железной метлой! в море!”

Метут.

Катит-валит Баба-Яга по горам, по лесам, по долам — железной метлой метет. <...>

... Приглядывается солнце, помнит: Баба-Яга в ступе своей несется, пестом погоняет, помелом след замечает... Солнце все сказки помнит. И *добела раскаленная* Куш-Кая, плакат горный. Вписывает в себя.

Время придет — прочтется» (с. 55–56).

В полной мере использовав амбивалентную двойственность образа Бабы-Яги, Шмелев сообщает ему мощный обобщающий импульс зловещего символа, усилив его в финале главки «Про Бабу-Ягу» еще и библейскими аллюзиями. «Горный плакат» «добела раскаленной Куш-Кай», вписывающий в себя то, что «время придет — прочтется», прозрачно намекает на пророческие письма, начертанные огненным пальцем на стене в пиршественной зале Валтасара.

В главке, снабженной не менее сакраментальным названием «Мemento мори» (т. е. «Помни о смерти»), «разыгрывается под солнцем» немая сценка агонии издыхающей кобылы Лярвы и как будто провожающего ее в последний путь павлина. Доктор комментирует ее в высшей степени сентенциозно:

« — Как в *трагедии греческой!* — усмехнулся доктор. — Разыгрывается под солнцем. А «герои»-то... за амфитеатром... — обвел он рукою горы. — То есть *боги*. В их власти и эта кляча несчастная, как и мы. Впрочем, мы

¹⁴ Эпитеты «дремучая», «дремучие», «дремовая», конечно, дополняют и развивают мотив «сна», привычно соединяющий жизнь со смертью.

с вами можем за “хор” сойти. Ибо мы, хоть и в “действии”, но порицать можем. Финал-то нам виден: *смерть!* Вы согласны?

— Вполне. Все — *обреченные*» (с. 63).

Надо ли говорить, сколько иронии и сарказма вложено в переосмысление языческих терминов «герои» и «боги»!

Едва ли не чаще всего солнце упоминается в эпосе как ориентир течения времени (с. 17, 44, 48, 82, 92, 93, 111, 163, 220, 221, 240, 246), одной из основных констант жизни и смерти. Времени, его динамике и направлению Шмелев вообще уделяет повышенное внимание. Точно указано время начала действия и, правда весьма приблизительно, время его конца (даже «конца концов»!¹⁵). Посредством солнца фиксируется время суток и времена года. Значительно чаще солнце упоминается в первой половине повествования, когда описываются события с конца августа по сентябрь, во второй половине оно почти исчезает и только с приходом весны, на последних страницах, вспыхивает вновь. Поступательный ход времени к концу эпопеи уступает циклическому, до бесконечности умножающему эти «концы»...

Актуализация времени в прямой или опосредованной взаимосвязи с центральным мотивом солнца неожиданно ярко проявляет себя в такой, казалось бы, частной детали, как определение его отсчета без хронометра. Так, среди других приборов и реактивов доктора, конфискованных новыми хозяевами жизни, оказались и его часы. Привыкший жить по часам, доктор умудряется определять время «на глаз»:

« — Но я без часов могу, потому что читал когда-то Жюль Верна.

Он прищуривается на солнце, растопыривает пальцы и глядит в развилку. Он поматывает пальцем то к Кастели, то к седловине за Бабуганом.

— Помните, у Жюль Верна... Сайрус Смит в «Таинственном острове» или Паганель!.. <...> И я в том же роде изловчано. Могу до пяти минут с точностью, *если солнце*... Сейчас... без десяти минут час. Мысленными линиями по вершинам, зная максимальную высоту... А вот в туман или вечернее время... по звездам еще не изловчился. Ах, как без часов скучно! У нас всё по часам было. Ложились без четверти десять, вставал я в половине пятого ровно. И сорок уже лет так. Трое часиков было — взяли. Английские очень жаль, луковицей» (с. 61).

Жить по часам для него, как и для любого цивилизованного человека, — это значит жить в ладу с самим собой и окружающим миром. Чувство времени неотделимо от понятий гармонии, ритма

¹⁵ Несколько главок из 30 имеют в заголовках зловещую лексему «конец»: «Конец павлина», «Конец Бубика», «Конец доктора», «Конец Тамарки»; предпоследняя глава называется «Три конца», а завершающая — «Конец концов»! Конечно, прежде всего это «конец жизни», т. е. иносказание смерти. В этом смысле с лексемой «конец» косвенно коррелируют заголовки еще нескольких главок: «Что убивать ходят», «Мemento мори», «Игра со смертью», «Круг адский», «Хлеб с кровью» и даже, парадоксальным образом, «Жил-был у бабушки серенький козлик».

«сердца, живущего в ласке с землей и солнцем» (с. 158), «чудесного оркестра» прошлой жизни, игравшего под управлением «мудрой Жизни-Хозяйки» (с. 119). Удивительно ли, что отчаявшегося рассказчика влечет на Тихую Пристань:

«Она успокоит меня. Там — дети. Там — хоть призрачное — хозяйство. Там — слабенькая старушка еще пытается что-то делать, не опускает руки. Ведет последнюю скрипку разваливающегося оркестра. У ней — порядок. Все часы дня — ручные, и солнце у ней — часы» (с. 172).

В главке «Волчье логово» лексема «солнце» повторяется 16 раз, особенно концентрированно сосредоточившись в начале и в конце. Средняя же часть отмечена ее значимым отсутствием. Горы охвачены «синою мглою»:

«Теперь будут они следить за тихою жизнью нашей, впускать и укрывать солнце, шуметь дождями. Золотые и синие — солнечные и ночные — будут глядеть на нас до светлого конца жизни...» (с. 82).

Не случайно, глядя на объекты обыденной, привычной среды обитания, автор-повествователь не узнает их:

«Это же не мои деревья! И веранда с колоннами, с занавесками из шумящего хрусталя цветного — это же не моя веранда... <...> Это не мои комнаты... Мои комнаты были проще: ласковые, покойные... Не этот холодный свет, и черешни не лезли в окна... Я хожу и хожу по залам... Где же тут мои комнаты...»

Опять я вижу рубцы на пне, бегают муравьи. Осматриваюсь слипающимися глазами. Ну, вот и сад, и мои деревья... Это же сон мне снился, минутный сон...» (с. 83).

Вконец обессиленный автор и не заметил, что, как в голодный обморок, погрузился в «минутный сон» (мы помним, «помощник смерти»), т. е., по сути дела, побывал на «том свете», поэтому и не дивно ему увидеть мертвым то, что еще совсем недавно было средоточием жизни:

«“Уголок” давно мертвый. Не звонят по пансионам колокола, не сзывает гостей на завтраки, на обеды <...> Не доносятся ввечеру трели отдыхающей певички, трио Чайковского: умолкли певички, музыканты, раскрали песни Чайковского, треплются по ларям базарным» (с. 84).

Итак, как и следовало ожидать, заглавная лексема «солнце» занимает в тексте эпопеи Шмелева исключительно масштабное (частотно насыщенное) и ответственное место. Она обращена к читателю чрезвычайно широким спектром всех своих семантических обертонов: 1) как естественный астрономический объект, источник света и тепла, особенно интенсивный в Алуште (иными словами, солнце живых); 2) как природный ориентир для фиксации времен года

и суток (замена часов); 3) как призрачный двойник дневного светила, воспринимаемый во сне или голодном обмороке (заместитель луны); 4) как свидетель неслыханных, нечеловеческих зверств, совершаемых во время гражданской войны (солнце мертвых); 5) как символ конфессионально неопределенного божества (то ли языческого, то ли зороастрийского, то ли христианского, то ли мусульманского, то ли буддийского, а скорее всего, пантеистического); 6) как парадоксально-амбивалентное воплощение добра и зла, жизни и смерти; и т. д. Они сочетаются, взаимодействуют друг с другом, выполняя те или иные конкретные функции в каждом конкретном случае. В результате текст эпопеи Шмелева приобретает свойства поэтического дискурса, в художественной системе которого занимающие привилегированное положение слова значат больше, чем они значат, обрастают окказиональными смысловыми обертонами и, активно взаимодействуя, вторят основному идейному пафосу произведения.

Список литературы

- Гоголь Н.В.* Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1978.
- Голохвастов Г.* Гибель Атлантиды. Стихотворения и поэмы. М., 1908.
- Жизнь и сны. Нью-Йорк, 1943.
- Лосев А.Ф.* Аполлон // Мифологический словарь. М., 1990.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Младшая Эдда / Изд. подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1970.
- Робинсон А.Н.* Образы солнца в «Слове о полку Игореве» // Поэзия. 1989. № 54.
- Робинсон А.Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков: Сб. статей. М., 1978.
- Робинсон А.Н.* Черное солнце рода Игоревы // Неделя. 1979. № 12.
- С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг. Кн. 1: И. Шмелев. А. Ремизов. Б. Зайцев. М., 1992.
- Федотов О.И.* История западноевропейской литературы средних веков. 5-е изд., испр. М., 2011.
- Шелемова А.* Слово о полку Игореве и...: Опыт интертекстуального анализа. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing G GmbH, 2012.
- Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 3–4. М., 1980.

Сведения об авторе: *Федотов Олег Иванович*, докт. филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры филологического образования Московского института открытого образования. E-mail: o.fedotov@rambler.ru; o_fedotov@list.ru

В.В. Калугин

**«КНИГА СВ. АВГУСТИНА»:
ОШИБКИ ПЕРЕВОДА
ИЛИ РАЗНОЧТЕНИЯ ОРИГИНАЛА?**

«Книга св. Августина» — малоизученный памятник западноевропейского влияния в книжной культуре Московского царства. Переведенная с латыни до 50-х годов XVI в., она сохранилась в поздних списках не ранее 80-х годов XVII в. Их текстологическое изучение позволило воссоздать оригинал перевода (скорее всего, это была не печатная, а рукописная книга, не вполне исправная) и отделить погрешности переводчика от ошибок его латинского оригинала, сохраненных при переводе.

Ключевые слова: латынь, перевод, архетип, оригинал, список, ошибки, разночтения.

“The Book of Saint Augustine” is a monumental literary document of the West European influence on the bookish culture of the Moscow State. This book has not been sufficiently studied till now. Though it is a translation from Latin dated before the 50s of the 16th century, the handwritten copies which survived don’t date earlier than the 80s of the 17th century. Their textual study enabled researchers to reconstruct the original translation (most probably it was not a printed, but a handwritten book which wasn’t in full order) and to distinguish between the translator’s inaccuracies and mistakes of the Latin original which had remained in the translation.

Key words: the Latin language, translation, archetype, original, handwritten copy, mistakes, variant readings.

§ 1. *Предварительные замечания.* «Книга св. Августина» (далее — КСА) — малоизученный, никогда не издававшийся памятник западноевропейского влияния в книжной культуре Московского царства. По данным языка можно предположить, что сборник перевел Дмитрий Герасимов не позднее 40-х годов XVI в. [Калугин, 2011: 574–580]. Однако памятник сохранился в списках не ранее 80-х годов XVII в., отстоящих приблизительно на полтора года лет от перевода. Поздние списки содержат немало вторичных и испорченных чтений, важных для рукописной истории текста, а также целый ряд общих ошибок, восходящих к архетипу памятника (в нашем случае то же, что авторский текст переводчика). Таким образом, ответ на лингвистический вопрос о качестве перевода находится в прямой зависимости от ответа на текстологический вопрос о качестве латинского оригинала, бывшего у русского книжника.

Без точно установленного иноязычного оригинала или его надежной реконструкции все рассуждения об особенностях перевода, его вольностях и ошибках имеют гипотетический характер. Как отмечает А.А. Алексеев, реконструкция архетипа переводного памятника зависит во многом «от нашего понимания принципов перевода, которыми руководствовались переводчики. В свою очередь, правильное понимание принципов перевода зависит от нашего знания иноязычных оригиналов, которыми располагали переводчики» [Лихачев, 2001: 414]. Однако современному исследователю не всегда известен круг иноязычных источников, которым пользовался славянский переводчик. Одни из них не дошли до нашего времени, другие не обнаружены, третьи не имеют критических изданий. У многих старших переводов IX–XIV вв. оригинал может быть указан лишь приблизительно, что затрудняет изучение памятника. Нередко всем своим исследованием ученый убедительно доказывает, что он использовал другую версию иноязычного оригинала, отличную от той, которая была у переводчика. Соответственно, выводы и наблюдения имеют гипотетический характер.

Для многих переводов XV–XVII вв. можно надежно установить и редакцию текста, и даже непосредственный источник (как правило, издание). Если редакция текста определена точно, но сам оригинал не найден, то в переводе будут наблюдаться разночтения по сравнению с иноязычным прототипом. Эти разночтения могут указывать на ошибки, вольности и сознательные отклонения перевода или на особенности его необнаруженного иноязычного оригинала. Задача текстолога — разобраться в вольных и невольных изменениях текста и использовать перевод как свидетельство о его непосредственном иноязычном источнике.

§ 2. *Латинские источники «Книги св. Августина».* Личность и учение Августина неоднократно обсуждались в Москве в 20–30-е годы XVI в. Максим Грек упоминает Августина в ответе немцу Николаю Булеву (до 1520–21), в первом (ок. 1523) и во втором (1523–24) посланиях Федору Карпову против астрологии [Максим Грек, 2008: 136, сн. 21; 282–283, 294, 302, 316–317, 415–416], на рубеже 30–40-х годов обсуждает его в полемике с Х.Л. Вивесом, испанским комментатором трактата *De Civitate Dei* [Иванов, 1969: 129, № 168; Буланин, 1979: 433]. В обстановке пробудившегося интереса к общехристианскому наследию латинского Запада и появилась «Книга св. Августина». Единственный дошедший до нас полный список памятника переписал около 1692 г. Евфимий Чудовский, большой любитель книжных раритетов [Чуд-216]. Сборник содержит «Житие Августина», написанное епископом Поссидием Каламским, и два произведения Псевдо-Августина: «О видении Христа, или О слове

Бога» и «Поучения, или Молитвы». Заканчивает книгу «Сказание о явлениях Августину» — анонимная запись двух западноевропейских бродячих сюжетов, основанная на устных рассказах Максима Грека. Сборник впервые познакомил русского читателя с жизнью и трудами Блаженного Августина, одного из великих учителей Западной Церкви.

А.В. Горский и К.И. Невоструев установили, что источником «О видении Христа, или О слове Бога» было *Manuale... seu libellus de contemplatione Christi, sive de verbo Dei* [Горский, Невоструев, 1859: 620; Соболевский, 1903: 197]. А.И. Соболевский отождествил «Поучения, или Молитвы» с *Meditationes* [Соболевский, 1903: 198]. В принадлежности Августину этих сочинений сомневался уже Эразм Роттердамский (между прочим, монах-августинец), подготовивший и издавший собрание его сочинений в Базеле в 1528–1529 гг. [А 1529: 474–505, 542–554]. Позднее к этому мнению присоединился известный патролог Ж.-П. Минь. По его наблюдениям, *Manuale* и *Meditationes* есть не что иное, как поздние компиляции, где наряду с отрывками из подлинных творений Августина (среди них «Исповедь», кн. 10, гл. 31, § 46 см.: [Чуд-216: 17 об₂₄–18₁₅]) использованы произведения Пьетро Дамиани (1007–72), архиепископа Ансельма Кентерберийского (1033/34–1109) и др. [PL, 40: 897–898, 949–950].

Тем не менее *Manuale* и *Meditationes* долго (еще в XVIII–XIX вв.) переписывали и издавали с именем Августина. Не сомневался в их подлинности и русский переводчик. Из большого и разнообразного наследия Августина его внимание привлекли не богословские и религиозно-полемические трактаты, а поучения и молитвы — излюбленное духовное чтение Древней Руси. Латинские религиозные медитации с их богатым словарем, ярким, образным языком, усложненной риторикой хорошо отвечали литературным вкусам Московской Руси, высоко ценившей словесную изощренность, красноречие и напряжение духовной мысли, ищущей Бога.

Латинские сборники с «малыми сочинениями» Августина (в том числе с *Manuale*, *Meditationes*) издавались с конца XV в. Первые издатели оказались вовлечены во все противоречия предшествующей рукописной традиции. Начиная с инкунабул и палеотипов публикации Августина отличаются разночтениями и структурными изменениями текстов. Особенно грешат этим небольшие провинциальные издательства, выпускавшие книги с нередкими опечатками. Самые изменчивые и наиболее показательные признаки — названия глав и их разбивка на параграфы.

Непосредственные источники перевода не обнаружены. Однако для двух произведений, «О видении Христа» и «Поучения, или Молитвы», можно указать латинский прототип (вариант редакции). Перевод очень близок, часто буквально к текстам в издании 1610 г.

[А 1610: 7–117, 212–257, index: 411–413, 416–417]. Книгу подготовил к печати иезуит Генрих Соммалий (†1619), и впоследствии она переиздавалась [А 1639]. Издание 1610 г. увидело свет много позже перевода, а кроме того, здесь отсутствует «Житие Августина» Посидия Каламского, открывающее собой КСА. Между изданием 1610 г. и КСА есть небольшие структурные расхождения. Иногда главы в публикации 1610 г. и в переводе имеют разное количество параграфов. Так, двум латинским параграфам в предисловии и третьей главе *Manuale* соответствуют пять и три параграфа в КСА [А 1610: 212–213, 215–217; Чуд-216: 40 об.^{8, 16, 20}, 41⁷, 44 об.¹⁰].

Ж.-П. Минь перепечатал в «Патрологии» творения Августина по их бенедиктинскому собранию сочинений в 11 томах (Париж, 1679–1700) [PL, 40: 897–942; 949–968]. В этом издании *Vita sancti Aurelii Augustini* [PL, 32: 31–66], *Manuale* [PL, 40: 949–968] и *Meditationes* [PL, 40: 897–942] даны в других редакциях. Они имеют многочисленные существенные разночтения по сравнению с русским переводом и не могли быть его источником. И тем примечательнее немногие случаи совпадения между КСА и «Патрологией», отличные от издания 1610 г. (пример 1 в табл.).

Чуд-216	PL, 40	А 1610
О единствѣ лицъ и множествѣ въ Бозѣ (л. 119 об. ¹⁶⁻¹⁷)	<i>De personarum unitate et pluralitate in Deo</i> (стб. 924)	<i>De pluralitate personarum et unitate in Deo</i> 'О множестве лиц и единстве в Боге' (с. 69)
<i>ко славѣ</i> [=ad laudem] и хвалѣ твоей от вышнихъ гражданъ поются (л. 47 об. ⁴⁻⁵)	<i>ad laudem et gloriam tuam a supernis civibus in perpetuum</i> 'во веки' decantantur (стб. 954)	<i>ad salutem</i> 'на спасение' et gloriam tuam, a supernis civibus decantantur (с. 220)

В последнем примере в КСА особое чтение. Оно совпадает и расходится одновременно с обоими латинскими текстами. КСА повторяет чтение «Патрологии» *ко славѣ*=ad laudem, но в ней отсутствуют слова in perpetuum 'во веки', как в издании 1610 г. Дело в том, что переводчик использовал другой латинский источник, хотя и близкий, но не тождественный изданию 1610 г. и предшествующий ему. Это видно и на таких примерах, которые нельзя объяснить как ошибки и вольности перевода.

Чуд-216	А 1610
Вспоминаю... оную <i>невѣсту</i> благую Анну (л. 134 об. ¹⁹⁻²⁰)	Reminiscor... illius bonae <i>mulieris</i> 'жену' Annae (с. 89)
земли, и воды, и воздуха, и <i>огня</i> (л. 52 ¹¹⁻¹²)	terrarum et aquarum, et aëris et <i>poli</i> 'полюса' (здесь 'края земли') (с. 227)
в сей бо <i>жизни</i> умирающихъ (л. 141 ⁷)	In ista enim <i>terra</i> 'земли' morientium (с. 98)

Чуд-216	A 1610
да человекъ живъ будетъ (л. 152 об. ₂₁₋₂₂)	<i>peccator</i> ‘грешник’ <i>viveret</i> (с. 114)
Молитва, <i>сердце</i> zelo движущая (л. 128 об. ₂₂)	<i>Oratio</i> [далее пропущено <i>cor</i>] <i>multum movens</i> (с. 81)

В первом примере в латинском тексте имеется в виду замужняя женщина, будущая мать пророка Самуила, на что ясно указывает следующая библейская цитата (1 Цар 1: 18) [Чуд-216: 134 об.₂₀₋₂₂]. Можно предположить разночтение в источнике: *sponsae* (Gen.) ‘невесту’ или *uxorae* ‘жену’ и ‘невесту’. Тогда в последнем случае переводчик не разобрался со значением слова.

В КСА немного случаев, когда можно с уверенностью сказать, что русский книжник не знал латинского слова или его значения. Переводчик в целом хорошо справлялся с лексической полисемией. Иногда он все же ошибался в выборе нужного значения, не зная его или неверно понимая слово в сложном, неоднозначном контексте.

§ 3. *Ошибки и вольности перевода.* По справедливому замечанию А.А. Алексеева, даже наиболее опытные средневековые славянские переводчики допускали «ошибки и неосведомленность, поскольку их возможности использования словарей и грамматик были ничтожны, равным образом и доступ к различным справочным материалам носил крайне ограниченный характер. Между тем тексты, с которыми им... приходилось иметь дело, требовали... исключительного широкого кругозора и безупречных лингвистических познаний» [Лихачев, 2001: 709].

Из-за отсутствия латинско-церковнославянских словарей главным источником лексических соответствий были параллельные тексты Вульгаты и Септуагинты в церковнославянском переводе. В ряде случаев расхождения между латинским оригиналом и церковнославянским переводом объясняются разным библейским узусом, принятым в Септуагинте и Вульгате.

Две ошибки переводчика характеризуют его личность. Одна из молитв призывает Св. Духа войти в сердце человека и возвеселить сиянием света *tenebrosa quaeque laris neglecti latibula* ‘и вся темная запущенного дома потаенные места’. В КСА это место передано иначе: «и темная вся *аггела лукаваго сокровища*», то есть тайники [A 1610: 25; Чуд-216: 89 об.₁; AC-3764: 16 об.]. В рукописи слово *аггела* написано полностью, без титла. Такое правописание не случайно: оно означает демона, посланника Сатаны. Переводчик знал только одно, основное значение слова *lar* (*lares*, pl.). Лары — в римской мифологии добрые духи предков, покровители своих потомков, хранители домашнего очага и всего дома. Это слово употреблялось также метонимично: ‘дом, домашний очаг’. Перевод выполнен по

основному значению слова. Причем это «интерпретирующий» перевод. Он исходит из христианского представления обо всех языческих богах как о демонах. Судя по всему, переводчик не был начитан в классической латинской литературе. Трудно представить, что человек, даже поверхностно знакомый с Цицероном, Вергилием, Овидием или Апулеем, мог не узнать слово *lar* в значении ‘дом’.

В рассказе о воскресшем Христе выражение *antra deserti sepulchri* ‘пещеры пустого гроба’ переведено как «входы праздна гроба» [А 1610: 90; Чуд-216: 135 об.₉₋₁₀]. Слово *входы* заменено на внешнем поле на *пещеры* [Чуд-216: 135 об.₉], и это точно соответствует латинскому *antra*. Глоссу знают другие списки [Чуд-290: 77; Соф-1481: 37 об.]. Скорее всего, она не принадлежит переводчику и была добавлена позднее по смыслу евангельской истории. Латинское *antrum* ‘пещера’ заимствовано из греческого *ἄντρον* и редко встречается в Вульгате (Быт 23: 20; Суд 6: 2; Иов 37: 8). Его нет в евангельских рассказах о пещере гроба Господня. Перевод в КСА выполнен по догадке. Переводчик произвел неизвестную ему форму *antra* от похожего гл. *intro*, -*re* ‘входить’, и у него получилось *входы*, ср. *introitus* ‘вход’. Вероятно, переводчик не знал греческого языка. Он не понял грецизма *antrum*, но был точен в передаче латинского *caverna* в библейской цитате (Песн 2: 14): *in cavernis* — *в пещерах* [А 1610: 53; Чуд-216: 109 об.₁₈].

В средневековой церковно-учительной литературе часто используются морские метафоры. Они встречаются и в КСА, в рассказе о странствиях по полному опасностей морю житейскому: *in quibus naufragantur incauti et in fide dubii* ‘в которых терпят кораблекрушение неосторожные и в вере сомневающиеся (люди)’. Переводчик должен был знать гл. *naufrago*, -*are* ‘терпеть кораблекрушение’. Он использован в Вульгате (1 Тим 1: 19) в похожем контексте: *circa fidem naufragaverunt* ‘потерпели кораблекрушение в вере’. Однако он разлагает одно слово *naufragantur* на два (*navis+frango*) и извлекает оттуда подлежащее *корабли* со сказуемым *сокрушаются*. Возможно, под влиянием церковной топики он понимал *корабль* как образ человеческой души, плавающей среди многих бурь и волн [Словарь русского языка, 1980: 304]. В любом случае не соблюден принцип пословного перевода: «в нихже корабли сокрушаются неопаснии и в вѣрѣ сумнящихся» [А 1610: 54; Чуд-216: 111₇₋₈; Чуд-290: 46; АС-3764: 41 об.; Соф-1481: 3 22].

Риторические фигуры, образы и метафоры вызывали значительные трудности, так как допускали неоднозначное прочтение и переосмысление. Переводчик буквально понял сложное сравнение душевных ран с гнойными язвами на теле: *et quae divina solidaverat medicina, mea resolvit prurigo phrenetica* ‘и какие божественное укрепило врачевание, моя разрушила (уничтожила) *похоть*

безумная. Переводчик знал основное значение *prurigo* ‘зуд (кожная болезнь, вызывающая зуд)’. В другом месте *curiositatis pruriginem* — *любопытства свербѣние* [А 1610: 7–8; Чуд-216: 76₆₋₇]. Переносное же значение слова (‘похоть’) было неизвестно ему или ускользнуло от него в сложном контексте. В КСА образ «натуралистичен»: «и еже божественное исцѣли врачевание, мое разръши *чесание безумное*» [А 1610: 12; Чуд-216: 79_{22-79 об.1}; АС-3764: 5]. Можно было бы предположить позднейшую ошибку писца, неправильно прочитавшего *желание* ‘вожделение, похоть’. Однако это не подтверждают другие списки, где стоит то же самое *чесание безумное* [Чуд-290: 6; АС-3764: 5; Соф-1481: 3 об.].

Ошибка в выборе значения допущена при переводе *pec necessitudo corrumpit* ‘ни нужда изнуряет (губит)’, «ни сдружение растлѣваетъ» [А 1610: 29; Чуд-216: 92₂₋₃]. *Necessitudo* — многозначное слово. Оно обозначает ‘стесненное положение’, ‘тесная дружба’ и др. Именно в последнем значении понял его переводчик и приспособил к своему прочтению гл. *corrumpit*, выбрав из его многих значений наиболее с его точки зрения подходящее — ‘развращает’.

Смещение омонимичных форм — нередкий случай в переводческой практике. Фраза *emenda vitam meam, meliora actus* означает ‘исправь мою жизнь, улучши мои дела’. Переводчик же принял форму повелительного наклонения *meliora* за омонимичную форму сравнительной степени (ср. р., мн.) прилагательного *bonus* и добавил по смыслу предлог *na*. Так получился вполне приемлемый перевод: «направи животъ мой на лучшая дѣяннѣя» [А 1610: 88; Чуд-216: 133 об.₆₋₇].

Особый случай — отступления от оригинала под влиянием языковых клише. Очередная морская метафора *navigantium sidus, naufragii portus* переведена как «плавающимъ *окормителю*, утопающимъ пристанище» [А 1610: 26; Чуд-216: 90₄₋₆]. Слова *плавающимъ окормителю* вместо ‘плавающих (путеводная) звезда=*sidus*’ повторяют, очевидно, готовый оборот вроде «крестъ плавающихъ окормитель», т. е. ‘кормчий’ из «Слова на Воздвижение Креста Господня» Иоанна Златоуста [Великие Минеи Чети, 1869: 679].

В восклицании *Neu mihi quam sero venio* ‘Горе мне, как поздно я прихожу!’ наречие *sero* ‘поздно’ передано не одним словом, а готовым оборотом дательный самостоятельный с временным значением: «Увы мнѣ, яко *вечеру сущу* прихожду» [А 1610: 12; Чуд-216: 79₁₂]. Такая конструкция (правда, с причастием прошедшего времени: *вечеру бывищу*) неоднократно встречается в церковнославянском Евангелии, и в Вульгате ей соответствуют *cum sero* (Мф 20: 8; Мк 4: 35; 6: 47) [Русская Библия, 7: 76, 137, 145].

У Дмитрия Герасимова *a sunabulis* — *от колыбѣлей* [Федорова, 2: 146–147]. В КСА перевод выполнен иначе: *ab ipsis enutriens cu-*

pabulis ‘от самой воспитуя колыбели (от самого... младенчества)’, «от самых воспитаваяй ложеснь» [А 1610: 72; Чуд-216: 122₂₁₋₂₂]. И в этом случае использован готовый оборот — *от ложеснь*, нередкий в библейских книгах (Пс 21: 11; 57: 4) [Русская Библия, 4: 71, 152].

Некоторые отступления от оригинала помогают понять языковые установки переводчика. Самоуничижительные характеристики *homuncio* ‘о, человечико’ и *ego peccator homuncio* ‘я, грешный человечико’ потеряли в переводе суффиксы и вместе с ними экспрессивность: «о, человекче» и «азь, грѣшный человекъкъ» [А 1610: 75, 253; Чуд-216: 71₁₃, 124₂₂]. То же самое произошло с *homunciones* ‘людишки’: *человѣцы* [А 1610: 54; Чуд-216: 110 об.₁₈]. Слова с уменьшительно-уничижительным суффиксом *-ишк-* имеют яркую разговорную окраску. Они обычны в деловой письменности, например, в челобитных, но не в книжном языке. В знаменитой челобитной «великому князю» Симеону Бекбулатовичу (1575) Иван Грозный просит «людишок перебрать»: «А которых людишок примем, и ты б, государь, милость показал, вотчинишок у них отнимати не велел... а ис поместьишок их им хлебишко и денженка и всякое их рухлядишко пожаловал, велел отдати, и людишок их не ограбя велел выпустити. <...> Да... укажи свой государьской указ, как нам своих мелких людишок держати: по наших ли диячишков запискам и по жалованьишку нашему, или велишь на них полные имати?» [Послания Ивана Грозного, 2005: 195–196].

Переводчик избегал и других суффиксов субъективной оценки. Он перевел *corpusculum* ‘тельце’ сначала как *плоть*, а потом — как *тѣло*: *in hoc fragili corpusculo* ‘в этом хрупком тельце’, «в сей немощнѣй плоти» [А 1610: 100; Чуд-216: 142 об.₆₋₇] и *post resolutionem huius corpusculi* ‘после разлучения от этого тельца’, «по разрѣшении сего тѣлесе» [А 1610: 57; Чуд-216: 113₁₅]. Переводчик считал слова с этими суффиксами разговорными, не входившими в книжную норму и заменял их нейтральными формами. И, надо отдать ему должное, он был последователен во всех случаях.

Переводчик хорошо знал латынь и церковнославянский язык. Он большей частью правильно понимал сложный оригинал, насыщенный риторическими фигурами, поэтическими образами, чрезвычайно богатый по словарю и смысловым оттенкам. Переводчик справился с непростой задачей, допустив немного явных промахов и вольностей. Гораздо больше в КСА погрешностей другого рода.

§ 4. *Ошибки перевода или разночтения оригинала?* В КСА немало простых ошибок, идущих от архетипа перевода. Наиболее часто встречаются ошибки прочтения. Самая типичная из них — смешение слов, близких по написанию и звучанию. Такие латинские пары могут

отличаться лишь одной буквой, похожей по начертанию, например, строчные d–b, i–l, r–t.

В КСА дважды из двух возможных случаев форма *iocī* ‘веселья, забавы’ [A 1610: 49, 223] перепутана с *iocī*: *мѣста* [Чуд-216: 49²², 107₆; Чуд-290: 41 об.; Чуд-291: 51 об.; П I A 72: 34; П I A 73: 39 об.; Маз-645: 40 об.; АС-3764: 37; Син-459: 181 об.; Соф-1481: 19 об.]. Ошибка допущена в разных частях сборника, но в одном, повторяющемся с разночтениями контексте.

Manuale	«О видении Христа»	Meditationes	«Поучения, или Молитвы»
humores tumidant... ioci solvunt... sollicitudo coarctat... divitiae iactant... infirmitas frangit, moeror deprimit [A 1610: 223].	мой роты ¹ <i>надымають</i> ... мѣста разлучають... <i>печаль</i> стѣсняеть... богатства <i>восхицають</i> ² ... <i>немоць</i> сокрушаеть, <i>смущение</i> <i>отягощаеть</i> [Чуд-216: 49–49 об.]	humores tumidant... ioci dissolvunt... sollicitudo coarctat... divitiae inflant et iactant... infirmitas frangit, moeror deprimit [A 1610: 49].	мокроты <i>напуцають</i> ³ ... мѣста рассыпають... <i>попечение</i> стѣсняеть... богатства кичать и <i>емлють</i> ... <i>недугъ</i> сокрушаеть, <i>неблагодѣяние</i> <i>уничижаетъ</i> [Чуд-216: 107].

Для переводчика характерен отказ от принципа лексической эквивалентности, господствовавшего в XV–XVI вв. Порой создается впечатление, что он не только не старался подбирать одинаковые соответствия для одних и тех же латинских слов, но, напротив, подыскивал разные языковые возможности, стремясь сделать свой текст лексически более разнообразным. В маленьком примере целый ряд синонимических замен: *надымають*–*напуцають*, *печаль*–*попечение*, *воскичаютъ* ‘кичат(ся)’–*емлють*, вероятно, в значении ‘обладают’, *немоць*–*недугъ*. Хотя значения форм *solvunt* ‘расслабляют’ и *dissolvunt* ‘разрушают’ здесь пересекаются, они переведены различно: *мѣста разлучають* и *мѣста рассыпають*. В этом лексическом разнообразии неизменной осталась лишь ошибка прочтения *iocī* ‘веселья, забавы’ как *iocī* — *мѣста*. Не разобрать буквы i–l гораздо легче в рукописи, чем в печатной книге. Дальнейшая замена совершенно точного *смущение* *отягощаеть*: *moeror deprimit* ‘печаль подавляет, угнетает’ на *неблагодѣяние* *уничижаетъ* заставляет предположить не вольность перевода, а особое чтение латинского источника, бывшего у переводчика.

Это подозрение усиливают другие разночтения. В выражении *per nullas vices variatur* ‘никакими переменам (через никакие перемены)

¹ Ошибка писца вм. *мокроты*, *humores*.

² Ошибка переписчика вм. *воскичаютъ* [Маз-645: 40 об.; Чуд-291: 51 об.; Син-459: 181 об.], *iactant* ‘кичат’.

³ Неточность писца вм. *напыцають* [Чуд-290: 41; АС-3764: 37], *tumidant* ‘надувают’.

не изменяется' форма *vices* (Acc. Pl.) перепутана с *vires*: «никоеюже силою измѣняется» [А 1610: 47; Чуд-216: 105₂₀₋₂₁].

Замена двух букв в короткой фразе совершенно изменила ее смысл: «*Me ad illicitam concupiscentiam rapuit arbor*» 'Меня к недозволенной похоти похитило древо': «да не ко оплазивому разжению похищаетъ възгорѣние» [А 1610: 19–20; Чуд-216: 85₇₋₈; Чуд-290: 13 об.; АС-3764: 11 об.; Соф-1481: 6–6 об.]. Местоимения *me* 'меня' было принято ошибочно за отрицание *ne*, а *arbor* перепутано с *ardor* 'огонь; жар, страстная любовь', ц.-сл. *возгорѣние*.

Бессмысленное выражение *сѣвернымъ зрѣниемъ* появилось из *aquilinis obtutibus* 'орлиным зрением'. Замена буквы *i* на *o* превратила прилагательное *aquilinis* 'орлиным' в *aquilonis* — форму Gen. Sing. от существительного *aquilo* 'север' [А 1610: 64; Чуд-216: 115 об.₄; Чуд-290: 51 об.; АС-3764: 46 об.; Соф-1481: 25].

Чтение *e* как *a* привело к двум одинаковым соседним ошибкам. Во фразе *tu ultione plecteris* 'ты мщением карашься (подвергаешься наказанию)' последнее слово *plecteris* сначала была ошибочно понято как *plasaris* и затем получило точный перевод: «ты же отмщениемъ утѣшаешься» [А 1610: 19; Чуд-216: 84 об.₂₁₋₂₂; Соф-1481: 6]. В некоторых списках это место окончательно испорчено: «отмщениемъ уллетаешься» [Чуд-290: 13 об.; АС-3764: 11 об.].

Еще одна замена *e* на *a* исказила смысл фразы *tu subiisti eculeum* 'ты понес орудие пытки': «ты понеслъ еси жало» [А 1610: 20; Чуд-216: 85₁₀; Чуд-290: 13 об.; АС-3764: 11 об.]. Форма *eculeum* (*equuleum*) обозначает 'орудие пытки, дыбу' (Acc. Sing.), здесь 'крест'. Она перепутана с другой, очень похожей на нее: *aculeum* 'жало'. В обоих случаях имеются в виду страсти Христовы, но переводчика не смутило явное несоответствие.

Ошибки прочтения встречаются в словах, которые хорошо знал переводчик. Прилагательные *infirmus* 'немошна' и *infirmus* здесь 'земная' перепутаны с похожим на них *infinita*: *безконечна* и *безконечная* [А 1610: 62, 85; Чуд-216: 114 об.₇; 131 об.₂₁]. В другом случае перевод *infirmus* (*sanas*) точен: *немошныя (врачуешу)* [А 1610: 88; Чуд-216: 134₂]. Глагол *renui* (*audire*) 'отказался' ошибочно прочитан как *redii*, чему в точно соответствует *возвратихся (послушати)* в КСА [А 1610: 12; Чуд-216: 79₁₀]. В другом месте перевод *Renuit* (*consolari*) безупречен: *отвержеся (утѣшитися)* [А 1610: 116; Чуд-216: 154₁₅].

Некоторые ошибки появлялись из-за перестановки букв (звуков) в слове при чтении оригинала. Так, из *relevatio moeroris* 'облегчение скорби' получилось *revelatio moeroris*: *откровение болѣзни* [А 1610: 48; Чуд-216: 106 об.₈₋₉]. На внешнем поле к *болѣзни* сделано уточняющее примечание: *жалости* [Чуд-216: 106 об.₉; АС-3764: 36; Соф-1481: 19].

Среди других примеров такого рода следует отметить:

1) *nancisci insolitam gratiam* ‘обрeтать необыкновенную милость’ > *nasci* ‘рождаться’ > «раждатися необыкновенной благодати» [А 1610: 16; Чуд-216: 82₁₅₋₁₆].

2) *quibus acquievi* ‘в которых я нашел успокоение (утешение)’ > *quibus acquisivi* ‘приобрел’ > «ихъже притяжахъ» [А 1610: 14; Чуд-216: 80 об.₁₈].

3) *super (praep.)* ‘о’ перепутано с *semper* ‘всегда, постоянно’, ц.-сл. *присно* во фразе *lacrymatus es valde super perituram civitatem* ‘плакал сильно о имеющем погибнуть городе’: «слезиль еси зѣло присно имуща погибнути града» [А 1610: 92; Чуд-216: 136 об.₈₋₉; Чуд-290: 78 об.; АС-3764: 70; Соф-1481: 38 об.].

4) (*te sentiam*) *per sororem* ‘тебя да ощущаю во сне’ > *saporem* ‘чувством вкуса’ > «(тя да чувствую) сладостию вкуса» [А 1610: 83; Чуд-216: 130₁₉₋₂₁; Чуд-290: 70–70 об.; АС-3764: 63; Соф-1481: 35]. Этот бессмысленный оборот по отношению к Иисусу Христу полностью удовлетворил опытного переводчика.

Такие ошибки можно объяснить невнимательностью, усталостью переводчика, наконец, его преклонным возрастом и плохим зрением. Ошибки не распределены равномерно по всей КСА. Они сосредоточены (по крайней мере, особенно грубые) в некоторых местах *Meditationes*. Возможно, эти места остались без белой правки. Однако *Meditationes* вообще хуже по тексту, чем *Manuale*. И, возможно, вина в этом не столько переводчика, сколько его латинского оригинала.

Ошибки прочтения и переосмысления намного чаще допускали писцы, чем переводчики. Книгописцы старались следовать своему антиграфу. «Но с одной стороны, они заботились о том, чтобы их труды были удобочитаемы и потому намеренно изменяли буквы, формы, слова, обороты; с другой стороны, при малом внимании к работе, они делали механические ошибки и пропуски» [Соболевский, 1908: 100]. Единицей же перевода является «не изолированное слово, а словосочетание, синтагма или целое высказывание», как справедливо отмечает А.А. Алексеев [Лихачев, 2001: 710]. Перевод осуществляется в зависимости от лексического значения слова, которое реализуется только в условиях контекста. Это значительно уменьшает количество механических ошибок прочтения и переосмысления.

Явные ошибки не заставляли задуматься переводчика и исправить их. Это можно объяснить его полным доверием к оригиналу. Оборот *manus innoxias* ‘руки невинные’ превращен в полную бессмыслицу: «ѡзлоблѣнїя мѣри» [А 1610: 17; Чуд-216: 83₂₂]. Ошибку знают и другие списки перевода [Чуд-290: 11; АС-3764: 5; Соф-1481: 5 об.]. Палеографически ее объяснить невозможно. Зато вполне вероятно, что она точно передает испорченное место латинской книги.

Трудно, порой невозможно отделить ошибки иноязычного источника от погрешностей перевода. Откуда взялось разночтение в одну букву *via* ‘путь’ и *vita* ‘жизнь’ в стихах Наес *via, qua vadis, via pessima*: «сей *животъ*, иже грядеши, путь зѣло золь» [А 1610: 248; Чуд-216: 52₁₁₋₁₂]? Это невнимательность переводчика или разночтении латинского оригинала? Возможно и то, и другое.

Переводчик мог легко ошибиться и прочитать *in re* ‘в (самой) вещи’ как *in te*: *в тебѣ* [А 1610: 72; Чуд-216: 122₁₃]. Однако и латинская традиция знает такие переосмысления. В другом месте *Manuale* имеется разночтение *in te* [А 1610: 257] и *in re* [PL, 40: 968]. В списках КСА здесь пропуск [Чуд-216: 74₁₃₋₁₄; Чуд-291: 80; Маз-645: 70; П I А 72: 108 об.; П I А 73: 96].

Как объяснить перевод «свѣтъ *любве* вѣчныя» вместо *lumen claritatis aeternae* ‘свет сияния вечного’ [Чуд-216: 45 об.₂₁; А 1610: 218; PL, 40: 954]? Переводчик мог перепутать формы *claritatis* ‘сияния’ и *s(h)aritatis* ‘любви’, которые отличаются всего лишь одной буквой. Однако легко мог ошибиться и переписчик латинского оригинала. В другом месте «благословение и *любовь*» [Чуд-216: 127₂₀₋₂₁] точно передает *benedictio et charitas* в «Патрологии» Ж.-П. Минья [PL, 40: 927] и расходится с изданием 1610 г.: *benedictio et claritas* ‘слава (=сияние)’ [А 1610: 79].

Совпадения с «Патрологией» не единичны, хотя она содержит тексты в другой редакции. Разночтения в КСА и мнимые ошибки переводчика отражают противоречия латинской традиции.

Чуд-216	PL, 40	А 1610
вѣтровъ сего преходящаго <i>надменя</i> [=tumoris] (л. 86 ₇₋₈)	ventos huius transitorii <i>tumoris</i> ‘высокомерия, спеси’ (стб. 907)	ventos huius transitorii <i>timoris</i> ‘наветов этого преходящего страха’ (с. 21)
от <i>распалений</i> [=aestibus] помышлений (л. 45 об. ₇)	ab <i>aestibus</i> cogitationum (стб. 953)	ab <i>aedibus</i> ‘храмов’ cogitationum (с. 218)
на <i>мя</i> [=me] (л. 125 ₁₄)	super <i>me</i> (стб. 926)	super <i>te</i> ‘на тебя (к тебе)’ (с. 76)
сердца моего видче и <i>ис-тязателю</i> [=scrutator] (л. 92 ₁₉₋₂₀)	cordis mei inspector et <i>scrutator</i> ‘исследователь’ (стб. 910)	cordis mei inspector et <i>servator</i> ‘хранитель’ (с. 29)
усплаждаюся [<i>в тебѣ, от тебе</i>], из негоже вся (л. 41 ₁₅₋₁₆)	delector <i>in te de te</i> , ex quo omnia (стб. 951)	delector <i>in te</i> , ex quo omnia ‘веселюсь <i>о тебе</i> , из него же вся’ (с. 213)
сходяй <i>от тебе, от отца</i> свѣтовъ (л. 99 ₁₅₋₁₆)	descendens <i>a te Patre</i> luminum (стб. 913)	descendens <i>a patre</i> luminum ‘сходяй от отца свѣтов’ (с. 39)

В первом примере *timoris* ‘страха’ требует от *ventos* переносного употребления ‘наветов, слухов, пересудов’. Перевод же сделан по основному значению. Последний пример — библейская цитата (Иак 1: 17). Слова а те — *om тебе* добавлены к каноническому тексту. Они отсутствуют в Вульгате и церковнославянском Апостоле [Русская Библия, 8: 113; Библия, 1581: 17а]. Пропущены они как неканонические и в рукописи Кариона Истомина [Чуд-290: 32], но их сохранил софийский список [Соф-1481: 14]. Это позволяет считать их первичным чтением.

По сравнению с изданием 1610 г. в КСА набирается целый ряд различий в похожих по написанию словах.

Чуд-216	А 1610
язвою <i>сердца</i> [=cordis] являют ми ся таинства сердца (л. 60 ₁₀₋₁₁)	per foramina <i>corporis</i> ‘тела’ patent mihi arcana cordis (с. 237)
яко да свободными <i>входы</i> [=ingressibus] внидеть (л. 45 об. ₁₇₋₁₈)	ut liberis <i>gressibus</i> ‘стопами’ ingrediatur (с. 218)
есть вина своего <i>господства</i> [=dominationis] или спасения (л. 63 об. ₈₋₉)	est causa suae <i>damnationis</i> ‘осуждения’ vel salvationis (с. 242)
немошными предстою помышлении [=mentibus ‘мыслями’] (л. 141 ₂₁)	fragilibus adsisto <i>membris</i> ‘членами тела (ц.-сл. удами)’ (с. 98)

Ошибка в первом примере — один из самых распространенных случаев в книгописной практике. Переписчик латинского оригинала перескочил глазами с одной похожей формы (*corporis*) на другую (*cordis*) и повторил слово. В данном случае это скорее ошибка писца, чем переводчика, который работал не с отдельным словом, а с контекстом.

§ 5. *Заключение.* Было бы неверно списывать все расхождения между латинскими текстами и КСА исключительно на счет переводчика. Различия существовали уже в латинской традиции. Их распространению способствовали риторически усложненный стиль *Manuale* и *Meditationes*, их образность и метафоричность, допускающие неоднозначное понимание текста и его переосмысление.

На различия и ошибки оригинала наложились погрешности перевода. Отделить их друг от друга можно не всегда, так как природа этих ошибок одинакова. Источником перевода явился текст, близкий, но не тождественный изданию 1610 г. Это могла быть не печатная, а рукописная книга, не вполне исправная, с искажениями текста и вторичными чтениями (особенно в части *Meditationes*), сохраненными при переводе, с сокращениями через контракцию и другими

особенностями рукописных почерков, вводившими переводчика в заблуждение. Этим наиболее правдоподобно объясняется немалое количество простых ошибок в переводе, выполненном на хорошем профессиональном уровне.

Источники

- A 1610 — Divi Aurelii Augustini... Meditationes, Soliloquia et Manuale. Meditationes B. Anselmi cum Tractatu de humani generis redemptione, Meditationes D. Bernardi, Meditationes idiotae... de amore divino. Omnia... emendata... opera ac studio R. P. Henrici Sommalii... Lyon, 1610. НБ МГУ, ОРКиР, шифр: Редк. 2С117.
- A 1639 — idem. Köln, 1639. РГБ, Музей книги, шифр: лат. 8°.
- АС-3764 — Сборник К. Истомина с «Поучениями, или Молитвами» Псевдо-Августина (л. 1–92 об.). После 1690 г. и до 1710 г. РГИА, Архив Св. Синода (ф. 834), оп. 3, № 3764.
- Маз-645 — «Боговидная любовь» К. Истомина. Софьинская редакция. Беловой список. Кон. XVII в. РГАДА, собр. Ф.Ф. Мазурина (ф. 196), оп. 1, № 645.
- П I A 72 — «Боговидная любовь» К. Истомина. Нарышкинская редакция. Между 27 апреля и 17 (7) мая 1682 г. БАН, П I A 72.
- П I A 73 — «О видении Христа» из «Боговидной любви» К. Истомина. Кон. XVII в. (не ранее 1687 г.). БАН, П I A 73.
- Син-459 — Сборник-конволют с переводом «О видении Христа» (л. 174–204 об.). 80–90-е годы XVII в. ГИМ, Синодальное собр., № 459. 4°.
- Соф-1481 — Сборник с «Поучениями, или Молитвами» Псевдо-Августина (л. 1–51 об.). Кон. XVII в. РНБ, собр. Софийской библиотеки, № 1481.
- Чуд-216 — «Книга св. Августина». Автограф Евфимия Чудовского. Ок. 1692 г. ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 216. 4°.
- Чуд-290 — Сборник-конволют К. Истомина с «Поучениями, или Молитвами» Псевдо-Августина (л. 1–102). 1687, 1689, 1690 гг., кон. XVII в. ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 290. 4°.
- Чуд-291 — «Боговидная любовь» К. Истомина. Беловой список. Кон. XVII в. ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 291. 4°.

Список литературы

- Библия. Острог, 12.8.1581 / Фототип. переизд. текста с изд. 1581 г. под набл. И. В. Дергачевой. М.; Л., 1988.
- Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984.
- Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869. Вып. 2.
- Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2. Ч. 2.

- Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969.
- Калугин В.В.* Лексический критерий атрибуции древнерусского перевода. (Redemptor mundi: Искупитель мiра) // Вопросы русского языкознания. Грамматика и текст (К юбилею Г.А. Золотовой). М., 2011. Вып. 14.
- Лихачев Д.С.* (при участии *Алексеева А.А.* и *Боброва А.Г.*) Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб., 2001 (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).
- Максим Грек.* Сочинения / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2008. Т. 1. PL, 32, 40 — *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series Latina. Paris, 1845. Т. 32, 40.
- Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье / Пер. и коммент. Я.С. Лурье. 2-е изд. СПб., 2005.
- Русская Библия. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. М., 1997. Т. 4; 1992. Т. 7, 8.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7.
- Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903 (СОРЯС. Т. 74. № 1).
- Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. Лекции А.И. Соболевского. С 20 палеографическими таблицами. 2-е изд. СПб., 1908.
- Федорова Е.С.* Трактат Николая де Лиры «Probatio adventus Christi» и его церковнославянский перевод конца XV в. М., 1999. [Кн. 2].

Сведения об авторе: *Калугин Василий Васильевич*, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ruslang@philol.msu.ru

Т.А. Михайлова

**О ЛОГИКЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
В ВОЗНИКНОВЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ ТЕРМИНОВ
СВОЙСТВА: др. ирл. *aithech tige* vs. др.англ. *husbonda*¹**

Основная проблема, которой посвящена работа, касается теории «универсальных семантических переходов». Автор предлагает новую этимологию др. ирл. *aithech -2*, в сочетании *aithech tige* ‘муж, супруг’. Лексема сосуществует в др. ирл. с *aithech-1* ‘крестьянин, плебей, мужик’, и традиционно считается не имеющей ничего общего с *aithech-2*, которое возводится к и.-е. **pōti-s* ‘хозяин дома и семьи, муж’. Сопоставления со скандинавскими и древнеанглийскими обозначениями мужа как «хозяина дома» и «крестьянина дома» позволяет автору вывести общую семантическую деривационную модель: «муж как хозяин дома» → «муж (по отношению к жене)» и предположить, что и в древнеирландском имел место аналогичный семантический переход.

Ключевые слова: семантическая деривация, история ирландского языка, скандинавские заимствования, мотивация семантического перехода, семантические универсалии в языке.

The article deals with the problem of the so-called ‘universal semantic shift’. The author proposes a new etymology of OI *aithech-2* in the phrase *aithech tige* ‘husband, master of a house’. The word coexists with the so-called *aithech -1* with the meaning “peasant, vassal; churl”, treated as a distinct form from *aithech-1* and derived from IE **pōti-s* ‘master (of a house or family); husband’. The comparison with the Scandinavian *hūsþōndi* ‘master of the house, husband’ and Old English *hūs-bunda* ‘housholder; a wedded man’ as well as the Old English *ceorl* ‘churl; husband’ gives us an opportunity to model a semantic derivation: from “master of the house; wedded man” to “husband” and to derive the Irish *aithech tige* from *aithech-1* ‘peasant’.

Key words: universal semantic shift, etymology, history of the Irish language, kinship-terminology, loanwords, semantic shift.

Обратиться к данной теме меня заставило удивительное сходство во внутренней семантике одного из древнеирландских обозначений мужа, супруга : ср. др.ирл. *aithech tige*, букв. «крестьянин дома» и др.англ. *hūs-bonda* (совр. *husband*), «домо-крестьянин», то есть — практически то же самое. Английская лексема считается скандинавским заимствованием, что исключает возможность ее калькирования в

¹ Исследование выполнено в рамках программы ОИФН «Динамика концептуальной парадигмы культуры», проект «Семантические изоглоссы Европейского культурного ареала».

ирландском: послуживший для меня отправной точкой исследования текст датируется примерно VIII в. Речь идет о фрагменте из саги «Недуг уладов»: богиню, вступившую в брак с простым человеком, король заставляет соревноваться в беге с лошадьми, несмотря на то, что она на сносях, угрожая в случае отказа убить ее мужа: *Táncamar so ndigis-siu do fhúaslucud do aithig tige ro-hergabhad lasin rí* [Hull, 1968: 29] — «Мы пришли, чтобы ты пошла освободить твоего мужа (букв. «крестьянина/хозяина дома»), который захвачен королем».

Как можно предположить, скандинавизм *húsbónda* ‘хозяин дома’ и др.ирл. *aithech tige* ‘крестьянин дома’, употребленные в значении ‘муж, супруг’, представляют собой реализацию одного из многочисленных универсальных семантических переходов, получивших сейчас широкое признание (см., например, работы [Зализняк, 2001; Зализняк, 2009; Zalizniak et al., 2012]). Более того, на интуитивном уровне существование ограниченного числа семантических переходов (которые я все же назвала бы не универсальными, а фреквентальными) всегда ощущается и ощущалось лингвистами, занимающимися этимологией и реконструкцией. Показательным примером в данном случае может служить вышедшая недавно монография В. Блажека, посвященная анализу и.-е. обозначений кузнеца [Blažek, 2010]. Как отмечает автор, «термин *кузнец* не принадлежит к протоиндоевропейскому языку и вследствие этого *божественный кузнец* был введен в пантеон индоевропейских богов позднее» (р. 1). Не реконструируется обозначение кузнеца и на и.-е. уровне: в каждой группе языков возникают собственные перифрастические лексемы. В. Блажек анализирует диахроническую семантику 50 генетически не связанных лексем, обозначающих кузнеца в и.е. языках и в результате суммируя свои наблюдения, выделяет всего лишь восемь групп-семантем: «умелец, мастер», «тот, кто ударяет», «хозяин огня» и проч. Интересно, что в своем анализе автор, как я понимаю, не знакомый с теорией универсальных семантических переходов, интуитивно приходит к подтверждению их реального существования и, более того, демонстрирует возможность применения данной методики для глубокой языковой реконструкции.

Сходным феноменом индоевропейской семантической реконструкции является и отсутствие восстанавливаемых на и.-е. уровне таких важных понятий как «муж», «жена» и собственно — «брак». Это отмечал еще Э. Бенвенист, ссылаясь на Аристотеля, писавшего, что «союз мужчины и женщины не имеет названия» (цит. по [Бенвенист, 1995: 164]). Но провести полную аналогию между нереконструируемыми понятиями «муж» и «кузнец» мы не можем. Как можно предположить, Аристотель обращался к данным языковой, социальной и культурной синхронии, демонстрирующей буквально на уровне каждого среза сложность детерминации «союза мужчины

и женщины» (брак при полигамии и брак при моногамии, временный, но узаконенный союз, брак церковный — брак гражданский и проч.). Обращение же к диахронии в данном случае должно было бы, как всегда, дать более обобщенные результаты и позволить реконструировать некое понятие, кодирующее тем или иным образом (постоянно или временно) узаконенный союз между мужчиной и женщиной, экстенционал которого действительно мог постоянно меняться. Однако этого не происходит и, как пишет Бенвенист, «понятие ‘брак’ не имеет специального индоевропейского обозначения» [там же]. Аналогичным образом не реконструируются на и.е. уровне сами понятия «жены» и «мужа». «Для понятия *муж* индоевропейские языки не выделяют специального индоевропейского термина (point to no specific IE term)» — пишет О. Семереньи [Szemerényi, 1977: 73], предполагая, что данного термина на архаическом уровне и не существовало, притом, что сам институт брака он, как и все остальные, считает достаточно ранним.

Проблематичной, однако, является идея О. Семереньи об отсутствии понятия «муж» на архаическом уровне. Отсутствие единой реконструируемой лексемы еще не означает, что ее не существовало на определенной стадии развития и.-е. диалектов. Скорее, само понятие в данном случае оказывается семантически сложным, отчасти — интимным и требующим перифрастических описаний, как правило, обильно представленных в любом языке. Так, на синхронном уровне в современном русском языке даже в рамках идиолекта одного носителя могут сосуществовать, распределяясь по стратам, несколько обозначений понятия *муж*: *муж* — как нейтральное (гендерное), *супруг* — как слово официальной речи, употребляемое в делопроизводстве и проч. и, например, *хозяин* — как псевдо-просторечное, употребляемое как своего рода эвфемизм, возможно, призванный усилить интимизацию речи (лексема употребляется только «в своем кругу, среди родных»). Более того, для обозначения того же денотата женщина может употреблять лексемы *отец* или *дед*, сдвигая фокус эмпатии на детей и внуков, а также — просто пользуясь конкретным именем собственным, конситуативно понятным собеседнику. Сказанное относится и к речи о третьем лице, и к вокативам. Ср. также многочисленные перифрастические употребления: *мой, законный, мужик, благоверный* и проч., употребляемые, как правило, лишь в речи Эго. Аналогичным образом могут употребляться и обозначения *жена, супруга* и *хозяйка* при перифрастических — *благоверная, мать, старуха, баба, спутница, моя мадам* и проч.

На уровне же диахронии мы можем найти примеры того, как подобные перифрастические описания переходят в нейтральное употребление, причем, как и в случае с «кузнецом», реализуя достаточно ограниченное число семантических моделей, реконструируемых на

генетически не тождественном материале и даже в неродственных языках: мужчина-человек, мужчина-самец (см. [Рыкин, 2009: 89]), мужчина-товарищ, законный друг, возлюбленный и проч. (см. также сопоставительный материал в [Трубачев, 2006]). Число их не так велико и выделение данных «семантем» я рассматриваю как дальнейшую задачу своего исследования, пока еще выходящую за рамки данной конкретной работы. Но уже сейчас ясно одно: понятие «муж» не может являться семантическим примитивом, и возникший относительно поздно денотат требовал экстенционального воплощения на базе уже существующих в языке лексем с близкой семантикой. Аналогичным образом, например, термины родства (и свойства) в свою очередь часто выступают как вторичные по отношению к уже существующим в социуме и языке терминам, отражающим изначально поло-возрастную классификацию (см. об этом, например [Kullanda, 2002; Попов, 1981]).

С другой стороны, как отмечал еще Бенвенист, для архаической культуры понятия брака и, соответственно, обозначения жены и мужа не были зеркальны, и несомненно выдавали андроцентричный характер кодируемой языком картины мира: «... изучение словаря родственных отношений в индоевропейских языках показало, что положение мужчины и женщины, состоящих в браке, очень различалось» [Бенвенист, 1995: 164]. Как показывает он далее на примере латинской терминологии «брака», для мужчины официальным эквивалентом *жениться* было — *uxorem ducere* ‘вести жену’², тогда как для женщины — *ire in matrimonium* ‘идти в материнство’, т. е. не только положение мужчины осмыслялось как главенствующее («ведущий»), но и подчеркивалось, что вступление в брак для женщины в первую очередь означает — стать матерью. Тот факт, что реконструируемый и.-е. язык обнажает свою гендерную ориентацию, отмечали также Меллори и Адамс, указывая что наиболее четко реконструируемой и.-е. основой, обозначающей брак (**gêmh-*), является брак с мужской точки зрения [Mallory & Adams, 1997: 369].

Для дальнейшего анализа обозначений мужа и их семантической мотивированности представляется удобным ввести понятия «муж по отношению к жене» (М-1) и «муж как женатый мужчина с точки зрения социума» (М-2). Безусловно различаемые в плане выражения, они, как показывают конкретные диахронические данные, демонстрируют относительную проницаемость полей, причем «стартовой

² Интересно, что в других и.-е. языках в брачной терминологии также употребляется глагол с аналогичной семантикой — **wed-* ‘вести’ (примеры см. там же у Бенвениста), то есть осуществляется тот же семантический переход *вести* → *брать замуж*. Ср. также показательная в данном контексте семантика русск. *брать* → *брак*.

семантикой»³ в данном случае, как правило, оказывается скорее второе понятие. Ср. обозначения мужа в современных романских языках: почти все они восходят к лат. *marītus* ‘женатый (мужчина)’ (франц. *marī*, исп. *marido*, итал. *marito*), т. е. реализуют переход М-2 → М-1. Причем, если говорить о семантике изначальной, то следует отметить, что само лат. *marīto* ‘сочетаю браком’, во-первых, восходит к и.е. **m₂rī* ‘девушка’ (при **merjō-* ‘юноша’ [Pokorny, 1959: 739], ср. лит. *marti* ‘девушка’ при валл. *merch* ‘то же’) и таким образом означает ‘вручаю девушку-жену’ (ср. русск. *жен-ить*), а во-вторых, дало также женскую форму *marīta* ‘жена, супруга’, в текстах встречающуюся реже⁴ и романскими языками вообще не востребованную.

На фоне сказанного естественно предположить, что на уровне архаического должна быть в первую очередь реконструирована лексема со значением М-2, т. е. — обозначающая мужа с точки зрения социальной, женатого человека, хозяина дома и главы семьи. В данном случае как базовая для раннего обще-индоевропейского периода может быть названа реконструируемая Меллори и Адамсом лексема **pōti-s* [Mallory and Adams, 2006: 207], ср. лит. *pats* при *pati* ‘жена’, скр. *pati-* ‘муж, супруг’ ~ *patnī-* ‘жена, супруга’, др.гр. *πότις* ‘супруг’ (см. [Pokorny, 1959: 842]), откуда также, в частности и русск. *гос-под-ин* — букв. «хозяин дома, кто оказывает прием гостям» (см. [Черных, 1994: 209]). Ср. также лат. *hospes, -pitis* ‘хозяин дома’ < **hosti-potis* [Фасмер, 1996-1: 446]. В качестве реконструируемой семантики лексемы предполагается — **pot-* ‘мочь, обладать силой’, ср. латинские продолжения и.-е. основы — *possum, potui* ‘могу’, *potens* ‘могущественный, способный’ и проч. Согласно предположению А. Эрну и А. Мейе, на и.-е. уровне образование **pōti-s* «обозначало в более широком смысле главу какой бы то ни было группы /.../. В латинском значение ‘хозяин дома; супруг’ у лексем не сохранилось, так как было вытеснено образованием — *dominus*» [Ernout, Meillet, 1939: 799], которое в свою очередь восходит к лексеме *domus* ‘дом, жилище’ в расширенном значении — «хозяйство, семья» (см. [Mallory and Adams, 2006: 206]). Именно в этом значении в качестве «стартового» от *dominus* был образован женский вариант — *domina* ‘хозяйка дома, жена, госпожа’ (откуда франц. *dame* ‘госпожа: замужняя женщина’). Однако семантический переход М-2 → М-1 (как и Ж-2 → Ж-1) в

³ Понятие «стартовой семантики» в отличие от семантики условно изначальной или реконструируемой представляется в данном случае уместным и даже необходимым; под ним я подразумеваю достаточно прозрачную семантику надежно фиксируемой в памятниках лексем (в отличие от размытой семантики лексем реконструируемой).

⁴ По данным греко-латинской базы *Musaiois* в текстах 1418-ти авторов лексема *marītos* дала 36 вхождений, а *marīta* — лишь 3, при *uxor* — 79; формы косвенных падежей расширили бы картину, но вряд ли изменили бы ее пропорции.

данном случае не фиксируется (уточнение значений лат. *dominus* см. также [Glare, 1968: 571]).

Аналогичное (в нашей терминологии — подчиняющееся закону универсальных семантических переходов) развитие «хозяин/хозяйка (дома)» → «муж, жена» для германских языков отмечает и К.Бак, в первую очередь — для шв. *hustru* ‘жена’ (букв. «дома-женщина» [Buck, 1949: 96], ср. совр. ирл. *fear/bean tí* ‘хозяин/хозяйка дома’ (букв. «мужчина/женщина дома»). Однако приведенные выше и.-е. лексемы, восходящие к реконструируемой основе **pōti-*, реализуются, как правило, самостоятельно и не нуждаются в поддержке определением с семантикой ‘дом, жилище’. И.-е. **pōtis* в значении М-2 теоретически могло означать и ‘глава семьи, группы’, не обязательно привязанной к определенному локусу. Более того, нет уверенности и в том, что этой же лексемой мог обозначаться владелец жилища (и земли), не состоящий в браке или — вдовый. На самом деле — это вопрос достаточно тонкий и, насколько можно судить по работам тех же Меллори и Адамса, понятия «глава семьи, муж» и «хозяин дома» во многом были синонимичны. Ср. и.-е. основу **kēiṷ-os*, кодирующую «скорее социальную организацию, чем строение как таковое» [Mallory & Adams, 2006: 221] и ее разнообразные продолжения в языках-потомках.

Обозначение мужа как «хозяина (жителя? крестьянина?) дома» представляет собой скандинавскую инновацию и на общегерманском уровне не восстанавливается. Само опорное слово **(ga)búandi* [Vries, 1962: 49] представляет собой part. pres. от глагола **bōw(w)anan* ‘жить, проживать, населять’ (см. [Orel, 2003: 52]) и, таким образом, буквально должно было бы означать «живущий, житель». Предположительно на общескандинавском уровне лексема подверглась семантическому преобразованию и получила широкое значение «крестьянин, владелец земли, хозяин земли и дома; хозяин». Интересно, что близкий семантический переход эта же глагольная основа претерпела и в немецком, ср. др. в. нем. *gibūro* > совр. нем. *Bauer* ‘крестьянин’ [Kluge, 1957: 57]⁵. По данным Клисби-Вигфуссона, в др. исл. *bóndi* само по себе, кроме значения «свободный владелец земли, крестьянин, земледелец, хозяин дома и скота; бонд», имеет также семантику — «муж», однако это значение авторы выделяют в качестве второго, при первом — «хозяин дома» (см. [Cleasby, 1957: 74]). Ср., например, сочетание:

... einn bóndi ok húsfreyja — «один бонд со своей хозяйкой»⁶.

⁵ Семантика др.англ. аналогичного образования *búgend* ‘житель, обитатель’ не включала в себя ни «хозяина дома», ни «крестьянина» (см. [Bosworth-Toller, 1976: 133]).

⁶ Перевод (неопубл.) Е.А. Гуревич «Пряди о Вёлси», откуда взят предоставленный мне ею любезно пример.

В контексте, предполагающем реализацию именно значения М-1, в древнеисландском, как и в других скандинавских языках, употребляются другие лексемы, в первую очередь продолжения общегерманского *mannz ‘человек, мужчина’. Ср. характерный пример из саги «О людях из Лососьей долины»:

Pá mælti Bolli: “Muntu segja mér það móðir að mér er forvitni á að vita? Hverjum hefir þú *manni* mest unnt?” (Laxdæla saga⁷) — «Тут Болли сказал: — Не скажешь ли ты мне, мать, то, что я бы очень хотел знать, — кого из твоих *мужей* ты любила более всего?»⁸.

Я не имею в данном случае ни достаточных знаний, ни возможности детально «отследить» семантические нюансы и диахроническое развитие др. сканд. *hūsþóndi* в более поздних формах скандинавских языков. Но совершенно очевидно, что значения М-1 («муж по отношению к жене») эта лексема так и не приобрела. Более того, в ряде языков-потомков ею была утрачена даже семантика М-2. В шведском *husbonde* употребляется только как парное при *hustru* ‘хозяйка дома, жена’, имеющем гораздо более широкую семантику и распространение⁹ (см. [Hellquist, 1970: 373]). Аналогичным образом и нем. *Hausherr* — букв. «дома господин» — имеет не столько семантику М-2 («женатый человек, хозяин дома»), сколько обозначает главу семьи в целом. Впрочем, между последними понятиями семантическое различие представляется очень тонким.

Видимо, в чем-то аналогичное нем. *Hausherr* значение приобрело и др.англ. образование — *hūs-bunda*, о котором в словаре Босворт-Толлера говорится, что «этот композит является одним из древнейших в языке» [Bosworth-Toller, 1976: 133]. Тем не менее по каким-то

⁷ <http://norse.ulver.com/src/isl>

⁸ Перевод В.Г. Адмони и Т.И. Сильман.

⁹ Можно предположить, что в шведском языке закрепилось обозначение жены как *hustru*, обладающее не собственно семантикой «хозяйка (дома)», но скорее «женщина, занимающаяся хозяйством, домом», и поэтому оно не строго зеркально шв. *husbonde*. С чем-то аналогичным мы встречаемся и в русском употреблении *хозяйка*, не являющемся ни синонимом «госпожи», ни женским эквивалентом *хозяина*. Так, обозначение жены как «моя хозяйка» = «та, кто занимается моим хозяйством», тогда как муж как «мой хозяин» = «мой повелитель, господин». Так, например, в стихотворении Алексея Толстого из повести «Упырь», имитирующем старинную балладу, героиня называется «хозяйкой» и «злойкой-женой», а убитый ее любовником муж — «стариком» (ср. др. англ. *seorl*) — *Хоть много цепей и замков у ворот / ворота хозяйка гостям отперет /.../ Что ж, Марфа, веди нас, где спит твой старик? / Зачем ты так побледнела? Под замком кипит и клубится Дунай, / Ночь скроет кровавое дело... /.../ Не сетуй, хозяйка, и будь веселей! / Сама ж ты впустила веселых гостей!*). Интересно также, что в песне В.Высоцкого «Смотрины» жена богатого соседа называется «хозяйка», а жена нищего, бесхозного героя так и остается «женой». Ср.: *Там, у соседей, пир горой, и гость солидный, налитой, / Ну а хозяйка — хвост трубой — идет к подвалам, / В замок врзаются ключи и вынимаются харчи / И с тягой ладится в печи, и с поддувалом... И — А у меня и в ясную погоду / Хмарь на душе, которая горит, / Хлебаю я колодезную воду, / Чинно гармошку, а жена корит...*

причинам, которые мне представляются достаточно важными, но полностью не ясными, дальнейшего развития данной лексемы из семантики М-2 в М-1 также, как и в скандинавских языках, не произошло, но в данном случае древнеанглийский не довольствовался собственными автохтонными употреблениями (*ceorl*, *gemæssa*, *man*), но заимствовал скандинавскую лексему, видимо — достаточно понятную на уровне формообразующих элементов — *hūs-bonda* (см. [Bosworth-Toller, 1976: 568]). Видимо, в значении ‘хозяин дома’ лексема была заимствована из др. сканд. еще в древнеанглийский период, однако затем постепенно претерпела семантическую трансформацию, став базовым (т. е. М-1, 2) обозначением «мужа» и вытеснив из данной семантической области другие лексемы. Вопрос о причинах заимствования достаточно сложен, но, не решаясь дать здесь какого бы то ни было однозначного объяснения, я все же не склонна считать данное заимствование заведомо «немотивированным» и вызванным лишь взаимопонятностью др. англ. и др. сканд. диалектов. В «Словаре английского языка» дается следующее предположительное объяснение: «Когда скандинавы осели в англосаксонской Англии, они стали брать англосаксонских женщин себе в жены; поэтому стало естественным обозначать их самих скандинавским понятием, при том, что англосаксонской жене оставалось исконное обозначение — *wif*»¹⁰. Ср. до некоторой степени аналогичный семантический сдвиг при заимствовании в русск. простореч. «моя мадам» в значении «жена», при том, что в языке-доноре лексема этого значения не имеет. Кроме того, потребность в новой лексеме, как я понимаю — не имеющей точного др. англ. эквивалента, возникла как следствие произошедших в обществе сдвигов и появлении самого института «хозяев дома», точнее — института, осознаваемого как маркированного на языковом уровне и требующего заполнения данной «семантической ниши». Либо, как отчасти предполагают Босворт и Толлер, как следствие введения христианского института брака и необходимости создания лексической базы, эквивалентной соответствующим латинским терминам (считается, что впервые было употреблено королем Эльфриком в конце X в.). Расширение реестра понятий в ряде случаев легче восполняется заимствованием, чем семантической деривацией из собственного словаря. Поясним данную идею при помощи кельтской параллели.

На раннем этапе и в ирландском, и в валлийском понятия «сын», «мальчик» и «ребенок» обозначались одной лексемой (соотв. *macc*, *map*). Др. ирл. лексема *ingen* обозначала «девочку» и «дочь». Со временем в связи с дальнейшим развитием общества происходит изменение поло-возрастной стратификации, требующее заполнения

¹⁰ <http://www.thefreedictionary.com/husband>

возникающих семантических ниш. Так *ingen* в ср. ирл. сохраняет лишь значение, ‘дочь’, тогда как для *девушки* начинает использоваться слово *cailín*, имеющее, предположительно, в качестве исходного значение ‘служанка’ (обратный переход ‘девушка’ → ‘служанка’ является общеизвестным и универсальным). В валлийском семантическая дивергенция, разделяющая понятия «девушка» и «дочь», либо произошла раньше, либо засвидетельствованные средне-валлийские данные относятся к более позднему периоду, по крайней мере лексемы *merch* и *geneth* в средне-валлийских текстах не находятся в конкурирующей семантической позиции. Интересно, что уже в XV в. др. ирл. *tass* с широкой семантикой ‘сын, мальчик, ребенок’ также сужает свое значение до ‘сын’ и образовавшуюся семантическую нишу заполняет лексема *buachail*, образованная от др. ирл. *bó caill* букв. ‘коровий пастух’. Иными словами, мы вновь можем зафиксировать нетипичный семантический сдвиг в рамках того же поля: *слуга* → *мальчик*. Валлийский язык, в котором также возникла необходимость обозначения понятия «мальчик» (при старом полисемантическом *map*) пошел по другому пути и образовал лексему *bachgen* ‘мальчик’ из *bach* ‘маленький’, реализовав другую возможность семантического перехода (ср. русск. *мальчик*). Более того, сужение значения ирландской лексемы *tass* до ‘сын’ образовало еще одну семантическую нишу, которая оказалась заполненной уже поздним норманнским заимствованием: *page* ‘паж, слуга’ > *páiste* ‘ребенок’. Таким образом мы вновь видим «работающий» механизм семантической фреквентации: *слуга* → *ребенок*, обусловленной нюансированием поло-возрастной стратификации социума и необходимостью обозначения нового понятия: ребенок среднего возраста, несовершеннолетний.

Возвращаясь к др. англ. *hūsbōnda* и его судьбе, должна буду отметить, что отчасти (лишь отчасти!) аналогичные функции, как я понимаю, в более ранний период исполняло др.англ. *ceorl*, которое в качестве первого значения имело — ‘свободный человек низшего класса; плебей, мужик’, но второго — *a man, husband* [Bosworth-Toller, 1976: 151], Но насколько можно судить по приведенным контекстам, речь идет скорее о реализации семантики, названной нами М-1. Ср. характерный (и легко узнаваемый) пример: *Dú hæfdest fif ceorlas* — «Ибо было у тебя пять мужей» (Иоанн, 4, 18). Этимологически *ceorl* восходит к и.е. основе **ǵer(ə)*- ‘созревать, расти; стареть’ (см. [Pokorný, 1959: 391; Orel, 2003: 210], ср. также др.в.нем. *karl* ‘муж’ при совр. нем. *kerl* ‘старик’ [Kluge, 1957: 364]). В данном случае реализуются параллельно два семантических перехода: «взрослый мужчина, старик» → «крестьянин» и «взрослый мужчина» → «супруг». Иными словами, вновь мы встречаем лексему с необычайно широким экстенционалом, включающим в себя потенциальные семантические реализации — «мужик, плебей, крестьянин — муж,

супруг, — хозяин — старик». По мере распространения в языке скандинавизма *hūsþōndi* исконная лексема со стартовой семантикой «старик» ограничила сферу употребления, и совр. англ. *churl* имеет уже лишь значение ‘мужик, плебей’. Так, подобно тому, как *служанка* может стать *девушкой*, так и *муж* может превратиться в *мужика*.

Нечто подобное происходит и с др. ирл. *aithech*. В саге «Недуг уладов» лексема *aithech* встречается трижды, причем в сочетании со словом «дом» — лишь один раз (в процитированном выше фрагменте). Кроме того, она встречается изолированно — в начале саги во фразе — *Boí aithech somæ di Ultaib i mbennaib slíab et díthrub* — «Был **крестьянин** богатый из уладов на вершинах гор и на пустошах» и *Gaibid dano claidbiu don atheuch* — «Занесите же меч над **крестьянином**». В нашем переводе мы следуем за В. Халлом [Hull, 1968: 37], который в указанных случаях дает перевод лексемы как *peasant*, что во втором случае предстает контекстуально не обусловленным: речь идет об одном и том же эпизоде, в ходе которого женщине, заставляя ее соревноваться в беге с конями, король угрожает смертью мужа (*aithech tige*), а когда она просит отсрочки до разрешения от родов — приказывает занести меч... видимо, скорее — «над мужем». Однако переводчик здесь следует за сложившейся традицией считать лексемы *aithech* и *aithech tige* никак не связанными друг с другом ни семантически, ни этимологически. В свете всего, сказанного выше, данное традиционное мнение я предлагаю оспорить.

В «Этимологическом словаре древнеирландского языка» Ж. Вандриеса происхождение этих двух лексем с уверенностью разводится: «оно (*aithech*) не имеет ничего общего с брет. *ozac 'h* ‘отец семейства, муж’, с которым его иногда связывают. Последнее является эквивалентом другого *aithech* в сочетании *aithech tige* ‘хозяин дома, муж’ и восходящего к **potiko-*» [Vendryes, 1959: 55]. В том, что касается бриттских данных, то общего мнения здесь нет. Так, бретонская лексема, как и валл. *udd* ‘господин’ возводятся отдельными авторами к и.-е. **juwanko-* ‘юный, молодой’ (см. [Schrijver, 1995: 280; Льюис и Педерсен, 1954: 39]. В то же время Покорный возводит эту же лексему к и.-е. **aud^h-* ‘счастье, удача; порядок, довольство’ [Роконю, 1959: 76], при том, что Р. Турнейзен в свое время было высказано предположение о том, что она может быть «поздним ирландским заимствованием» [Thurneysen, 1917: 71] из *aithech*.

В этой же работе Р. Турнейзен, ссылаясь на Ю. О’Карри (см. [O’Curry, 1861: 263]), предлагает соотносить обозначение догойдельских поработанных ирландцами племен, называемых *aithech tuatha* (усл. «крестьянские племена») с названием одного из пиктских народов, известного по античным источникам III–IV вв. как *Attacotti*. Происхождение этнонима не ясно. Так, в книге П. Дунбавина

[Dunbavin, 1998] он квалифицируется как имеющий бриттское происхождение, тогда как, например, в «Оксфордской истории Римской Британии», предполагается, что Аттакоты пришли на Север Британии из Ирландии [Salway, 1993: 263]. В данном случае несомненным остается одно: в древнеирландский период лексема обозначала «мужицкие» племена, сосуществующие с гойделами и, как пишет Ю. О'Карри, «их название значило — платящие дань либо — находящиеся на плате (Rent-payers or Rent-paying Tribes)».

Лексема *aithech*, как принято считать, восходит к глаголу *aith-fen* 'платит', точнее — к глагольному имени *aithe* 'плата' [Vendryes, 1959: 54]. По мнению Вандриеса, таким образом, *aithech* — это тот, кто получает плату, тогда как по данным Словаря ирландского языка — это тот, кто платит дань [DIL, A-1: 256]. Семантика лексем действительно довольно сложна: с одной стороны, так обозначаются свободные лица, находящиеся в подчинении у представителей знати (усл. — «крестьяне»), с другой — в сочетании *aithech-tuatha* 'крестьяно-племена' — подчиненные гойделам племена не-гойдельского происхождения (см., например, об этом подробнее [O'Rahilly, 1946]), т. е. не совсем ясно, был ли термин собственно этнонимом или своего рода «соционимом». Отмечу, что юридическим термином, обозначающим особую категорию лиц (каковых в ирландской юридической традиции было очень много), *aithech* не являлось (см., например, [Binchy, 1979]).

Более широкое значение *aithech* — «мужик, плебей», каковое в форме *athach* оно сохраняет вплоть до нашего времени (см. [Dinneen, 1927: 63]). Ср., например, строфа из известного стихотворения, приписываемого Кольману Мак Ленини (ум. 604):

Luin oc elaiб ungi oc dlrnaib
crotha ban n-*aithech* oc r6daib rignaib
[Thurneysen, 1932: 163]

Дрозды — к лебедям, унции — к динариям,
Обличья жен *мужиков* к прекрасным коро-
левам.

Но каковой бы ни была изначальная семантика лексем, при образовании фразеологизма стартовой семантикой оказывается, скорее всего, «крестьянин» как наиболее нейтральная, т. е. практически синонимичная др. сканд. *bōndi*!

В том, что касается этимологии *aithech* в сочетании *aithech tige*, то в данном случае Вандриес (а вслед за ним и Меллори и Адамс) видит здесь прямое продолжение и.-е. лексем **pōti-s*, не обращая внимания на то, что и.-е. долгое \bar{o} может дать в гойдельском только долгое \bar{a} , в то время как в *aithech* — анлаут краткий. На фоне приведенных выше германских данных не оставляет никаких сомнений то, что мы имеем дело с одной и той же лексемой с семантикой 'крестьянин, житель'.

Сочетание *aithech tige* в значении «муж, хозяин дома» в ирландском употреблялось редко и сосуществовало с обозначениями мужа как *céile* ‘друг, товарищ, спутник; другой’ и просто *fer* ‘муж, мужчина’. В современном языке оно в данном значении исчезло полностью, уступив место обозначению мужа как *fear céile*, но оставив о себе память в сочетании *fear an tí* — «хозяин дома, глава семьи» (букв. «муж дома»). Др. англ. *hūsþōnda* повезло гораздо больше, но я не берусь сказать — почему. Моя задача состояла в описании законов семантической деривации, иногда — удивительных в своей универсальности, и в демонстрации того, как они, подобно «строгим» законам фонетических соответствий, могут служить для уточнения происхождения и развития значения лексемы.

Список литературы

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с франц. М., 1995.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984
- Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции Диалог’2009. Бекасово, 27–31 мая 2009. М., 2009.
- Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков / Пер. с англ. М., 1954.
- Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: к постановке проблемы // Советская этнография. 1981. № 6.
- Рыкин П.О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии: урало-алтайские исследования. 2009. Т. 31. № 1 (УА).
- Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2006.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1996.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
- Binchy D.A. (ed.) Críth Gablach. Dublin, 1979.
- Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages // JIES. Vol. 35. N 1& 2. 2007.
- Blažek V. Indo-European “Smith” and his Divine Colleagues. Institute for the Study of Man. Washington, DC, 2010.

- Bosworth J., Toller T.N.* An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collections of Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T.N. Toller. Oxford, 1976.
- Buck C.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- Cleasby R., Guðbrand Vigfusson, Craigie W.A.* An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957.
- DIL — Dictionary of the Irish Language. Dublin, 1913.
- Dinneen P.S.* Foclóir Gaedhilge agus Béarla — An Irish-English Dictionary. Dublin, 1927.
- Dunbavin P.* Picts and Ancient Britons: An Exploration of Pictish Origins. Nottingham, 1998.
- Ernout A. et Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. Paris, 1939.
- Hellquist E.* Svensk Etymologisk Ordbok. Band. I. Lund, 1970.
- Hull V.* (ed.) Noinden Ulad: The Debility of the Ulidians // *Celtica*. Vol. VIII. 1968.
- Jackson K.J.* Language and History in Early Britain. A chronological survey of the Brittonic Languages 1st to 12th c. A.D. Edinburgh, 1953 (Dublin, 1994).
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1957.
- Kullanda S.* Indo-European 'Kinship Terms' Revisited // *Current Anthropology*. Vol. 43. 2002. N 1. February.
- Mallory J.P., Adams D.Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. L., 1997.
- Mallory J.P., Adams D.Q.* The Oxford Introduction to the Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.
- O'Curry E.* Lectures on the manuscript materials of Ancient Irish History. Dublin, 1861 (1995).
- O'Rahilly T.P.* The Conquest of the *Aithechthuatha* // O'Rahilly T.P. Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946.
- Orel V.* A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. München, 1959.
- Schrijver P.* Studies in British Celtic Historical Phonology. Amsterdam, 1995.
- Szemerényi O.* Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with Special Reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. *Acta Iranica* 16. Leiden, 1977.
- Thurneysen R.* Colmán mac Lenéni und Senchan Torpéist // *ZCP*. 1932. Bd. 19.
- Thurneysen R.* Morands Fürstenspiegel // *ZCP*. Bd. 11. 1917.
- Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien (A — Paris, 1959).
- Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
- Zalizniak Anna A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., Russo. M.* The Catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic Typology // *Koptjevskaja-Tamm, Maria & Martine Vanhove* (eds.) // *Linguistics*. 2012. 50 (3).

Сведения об авторе: Михайлова Татьяна Андреевна, профессор кафедры германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: tamih.msu@mail.ru

Е.Н. Виноградова

МОТИВИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОГИ И АНАЛОГИ ПРЕДЛОГОВ: ПУТИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу процесса грамматикализации в сфере предложных единиц русского языка. Используя ряд операциональных критериев, автор дает характеристику степени грамматикализации мотивированных предложных единиц одной лексико-семантической группы (*заботами кого, силами кого, стараниями кого, усилиями кого, хлопотами кого, трудами кого, молитвами кого, усердием кого, тщанием кого, изживением кого, попечением кого, попечительством кого, чаяниями кого, помощью кого, благодатию кого*); описывается синтаксическая функция данных предложных единиц.

Ключевые слова: предлог, мотивированный предлог, предложная единица (ПЕ), грамматикализация, синтаксическая функция.

The article is devoted to analysis of the grammaticalization process within Russian prepositional units. Using some operational criteria the author defines the grammaticalization level of motivated prepositional units belonging to a certain lexico-semantic group; their syntactic function is described.

Key words: preposition, motivated preposition, prepositional unit, grammaticalization, syntactic function.

В последние десятилетия внимание многих лингвистов приковано к служебным единицам языка, в частности к предлогам [Исследования по семантике предлогов, 2000; Крейдлин, 1994; и др.]. Специалисты обращаются к анализу конкретных предложных единиц [Плунгян, Рахилина, 1996; Архипов, 2009; Иомдин, 1991], изучают данный класс языковых средств в целом [Селиверстова, 1999; 2001; Солоницкий, 2003; Лепнев, 2003; Пруссакова, 2002], а также в отдельных ракурсах [Логинова, 2010; Гецова, 1983; Галактионова, 2007].

Особый интерес вызывает расширение категории предлога за счет перехода в предлоги единиц других частей речи [Черкасова, 1967; Тихомирова, 1972; Ермакова, 1999; Ромм, 1988; Шереметьева, 2008; Кравченко, 2000; Сергеева, 2004; Чепасова, 1983; Шиганова, 2001].

Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова активно участвует в международном проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (подробнее см. [Всеволодова, Клобуков, Кукушкина, Поликарпов, 2003; Українські прийменники, 2003; Канюшкевич, 2008–2010; Ляхур, 2005; Гочев, 2007]. Российский авторский коллектив под руководством М.В. Все-

володовой подготовил в рамках указанного проекта серию публикаций «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления», в том числе монографию «Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013], а также два выпуска максимально полного лексикографического описания русских предложных единиц [Всеволодова, Виноградова, Чаплыгина (в печати: а; б)]. В ходе работы над словарными статьями нами был сделан ряд наблюдений, которые и нашли отражение в предлагаемой статье.

Прежде всего, отметим, что в данном проекте авторы решили пользоваться понятием предложных единиц (ПЕ), позволяющим включать в рассмотрение не только собственно предлоги, но и единицы, выступающие в функции предлога. Для анализа всех единиц предложного типа удобно использовать систематизацию в виде функционально-грамматического поля предлога (ФГП) [Всеволодова, 2010]. Ядром этого поля являются ПЕ, выступающие в функции предлога и только предлога (рис. 1): немотивированные предлоги (*над чем, с кем, в чем* и т. д.), образующие центр ядра, и мотивированные предлоги (*в связи с чем, в качестве кого* и под.), которые формируют периферийную зону ядра. В следующих зонах поля располагаются эквиваленты предлогов, представленные 3 классами: а) потенциальные предлоги — приядерная зона (*на канве чего*); б) аналоги предлогов — первая собственно периферийная зона (*в пределах чего*); в) корреляты предлогов — вторая периферийная зона (*диаметром сколько единиц*).

В процессе анализа собранного материала стало очевидно, что внутри ФГП предлога постоянно идет движение от периферии к центру, т. е. единицы, начиная, например, употребляться в функции предлога окказионально, постепенно «приживаются», меняют свои грамматические характеристики и могут перейти в ядро ФГП предлога, другими словами, происходит грамматикализация. Мы рассматриваем этот процесс на примере одной семантической группы из 15 ПЕ в форме $N_{\text{тв}}$, системно выступающих в функции предлога и объединенных сходным значением: *заботами кого, силами кого, стараниями кого, усилиями кого, хлопотами кого, трудами кого, молитвами кого, усердием кого, тщанием кого, издивением кого, попечением кого, попечительством кого, чаяниями кого, помощью кого, благодатию кого*. Заметим, что, по мнению Г.А.Золотовой, эти единицы формируют свободную синтаксему $N_{\text{тв}}$ медиатив 1 — обозначение способа действия («*Совместными усилиями*». Правда февр.1983, «*Трудом энтузиастов*». Правда янв.1983, «*Силой ветра*». Правда окт.1981) [Золотова, 1988]. Подчеркнем, что нам важно уви-

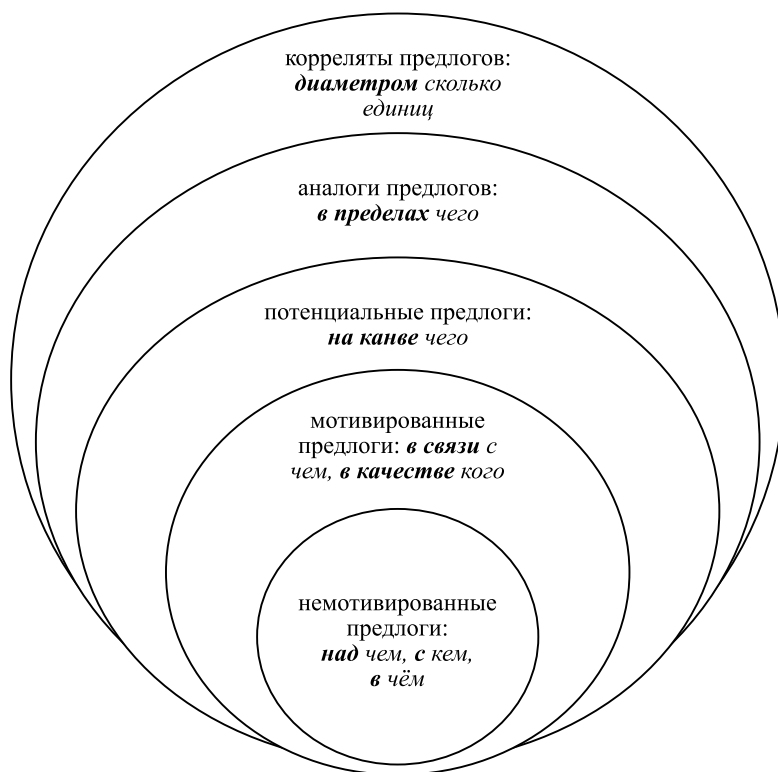

Рис. 1. Функционально-грамматическое поле предлога (ФГП)

деть общую составляющую этой группы, рассмотрев разные слова, употребляющиеся в одной форме¹.

Часть единиц этой группы уже стала собственно предлогами, часть — все еще «в движении», в зоне постепенного перехода. Так, в СОШ² маркируются пометой «в значении предлога» *заботами кого*, *силами кого*. Представляется, что они находятся ближе всего к ядру ФГП предлога. В БАС³ как устойчивое сочетание в форме N_{тв} выделяются: *силами кого*, *усилиями кого*, *трудами кого*, *усердием кого*, *тщанием кого*, *изживением кого*, *помощью кого*. Тот факт, что БАС выделяет эти единицы как устойчивые сочетания именно в форме N_{тв}, говорит о значимости данной синтаксической формы слова, т. е. может характе-

¹ Ср. с подходом Е.С. Шереметьевой [Шереметьева, 2008], которая занимается детальным анализом семантики отыменных релятивов (наших ПЕ) и всесторонне рассматривает одну единицу в разных контекстах.

² СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³ БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.

ризовать данные единицы как близкие к предлогу. Единица *молитвами кого* отнесена в БАСе к фразеологизмам; *хлопотами кого*, *попечением кого*, *попечительством кого*, *чаяниями кого*, *благодатию кого* не отмечаются ни в одном из привлеченных словарей (табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика рассматриваемых единиц в словарях
(СОШ, БАС, МАС⁴)**

№	N _{тв}	
1	<i>заботами кого</i>	БАС, МАС не отмечают ⁵ , СОШ: 4. заботами кого, в знач. предлога с род. п. Благодаря чьим-н. усилиям, стараниям. <i>Заповедник создан заботами учёных;</i>
2	<i>силами кого</i>	БАС: уст.сочет: силами кого-, чего-либо. Той или иной группой лиц, каким-либо коллективом и т. п. — <i>Силами одной только одиннадцатой дивизии я должен буду занять эти редуты, ваша светлость?</i> (Сергеев-Ценский), «После собрания будет устроен концерт <i>силами</i> учащихся девятилетки» (Н. Островский); МАС: 12. в знач. нареч. силами. С помощью, при участии кого-л. <i>Авдотья заведовала молочной фермой и решила силами своих работников засеять клевером небольшое поле</i> (Николаева); СОШ: 11. силами кого-чего, в знач. предлога с род. п. Используя кого-что-н., при помощи кого-чего-н. <i>Построено силами студентов;</i>
3	<i>стараниями кого</i>	БАС: 2. Обычно мн. ч.: <i>В моем кабинете, убранном старанием Татьяны Семеновны, стояла самая лучшая мебель</i> (Л. Толстой), <i>Вечером, часов около девяти, стараниями доктора Клебе составились две партии в бридж</i> (Федин), <i>Но мало проку от работы, в которую не вложена душа. Дом не держался бездушными стараниями</i> , хирел (Панова); МАС: 2. Обычно мн. ч.: <i>Стараниями чиновника дело это уладилось</i> (Достоевский); СОШ не отмечает;
4	<i>усилиями кого</i>	БАС: уст. сочет.: последним усилием; соединёнными, общими и т. п. усилиями (сделать что-либо): <i>Последним усилием он рванулся за краем ее черного плаща</i> (А. Толстой), <i>Нечеловеческими усилиями она добралась до России</i> (Федин), <i>Мальчики соединёнными усилиями вытащили треногу с котлом из топки</i> (Обручев); МАС, СОШ не отмечают;
5	<i>хлопотами кого</i>	БАС, МАС, СОШ не отмечают;
6	<i>трусами кого</i>	БАС: уст. сочет.: чьими-либо трусами (сделано, оборудовано и т. п.) <i>Ее трусами был оборудован этот госпиталь, куда с гор и перевязочных пунктов стекаются раненые</i> (А. Толстой); МАС не маркирует ⁶ : <i>Ее [врача] трусами был оборудован этот госпиталь</i> (А. Толстой); СОШ не отмечает;

⁴ МАС — Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1–4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

⁵ Словарь не отмечает — в словарной статье нет примеров употребления в данной форме.

⁶ Словарь не маркирует — дается пример с предложным употреблением, но оно не выделяется как отдельное значение.

№	N _{ТВ}	
7	молитвами кого	БАС: фразеологизм: твоими (вашими) молитвами. Шутл. Ответ на вопрос о здоровье, удаче и т. п. — <i>Здравствуйте, милейший, как поживаете?</i> — <i>Слава богу-с; вашими молитвами</i> (Крестовский), — <i>Как изволите поживать?</i> — <i>Живем помаленьку, ангел мой, вашими молитвами</i> (Чехов); МАС, СОШ не отмечают;
8	усердием кого	БАС: уст. сочет.: усердием кого-либо, чьим-либо (сделано что-либо): Чьим-либо старанием, благодаря чьему-либо старанию. <i>Оказалось, что на колокол собрано больше тысячи рублей, из которых добрых две трети внесены были усердием Сатира</i> (Салтыков), — <i>Его усердием я из университета вылетел</i> , — <i>сказал Гогин</i> (Горький); МАС, СОШ не отмечают;
9	тщанием кого	БАС: уст. сочет.: тщанием кого, чьим. <i>Ложно понимаемая народность разлилась огромным болотом, тщанием и усердием пишущей братии низшего разряда</i> (Белинский), <i>Каменное здание было одно — новый собор, выстроенный тщанием, а отчасти иждивением воеводы Чушкина</i> (Мамин-Сибиряк), <i>Сегодня надо выбраться из Киева. И выбраться собственным тщанием</i> (Мстислав.); МАС, СОШ не отмечают;
10	иждивением кого	БАС: уст. сочет.: иждивением кого-либо, чьим-либо иждивением. <i>Я отдавал переводы мои книгопродавцам; они печатали их своим иждивением, а мне платили за них по условию книгами</i> (И. Дмитриев), <i>Сергей Сергеевич религиозен и любит благолетие. Образ поставлен его иждивением</i> (Чехов); шутл.: <i>К одной двустолке приделал новый курок, а на сапоги судейский сторож накиннул иждивением архивариуса подметки</i> (Короленко); СОШ не маркирует: <i>Домишко у Анфисы маленький, плохой, но рядом рубился, иждивением Петра Данилыча, новый дом</i> (Шишков); МАС не отмечает;
11	попечением кого	БАС, МАС, СОШ не отмечают;
12	попечительством кого	БАС, МАС, СОШ не отмечают;
13	чаяниями кого	БАС, МАС, СОШ не отмечают;
14	помощью кого	БАС: уст. сочет.: устаревш. С помощью, при помощи. <i>Руки его опустились, голова свесилась — он весь опустился, как будто держался прежде помощью костылей, и костыли эти вдруг отняли</i> (Григорьев. Переселенцы) ⁷ ; МАС, СОШ не отмечают;
15	благодарностью кого	БАС, МАС, СОШ не отмечают.

Приведем примеры употребления всех ПЕ⁸:

⁷ Подчеркнем, что БАС в качестве примера приводит сочетание *помощью чего*, имеющее инструментальное значение.

⁸ Опыт показал, что корректность представления материала видна при достаточном количестве примеров, поэтому в статье приводится большой иллюстративный материал.

1) **заботами** кого: *Мать его и тетка поступили в приют, жена и старшая дочь, заботами Аглаиды Васильевны, попали в институт, жена — экономкой, дочь — классной дамой* [НКРЯ⁹];

2) **силами** кого: *Как мы пробивали налоговую реформу силами немаленького Бендукидзе* [НКРЯ];

3) **стараниями** кого: *Одна из древнейших игр в мире — футбол — к 1904 году обрела не только мировое признание, но и, стараниями англичан, устоявшиеся правила* [НКРЯ];

4) **усилиями** кого: *Усилиями правительства весьма скромная задача «догнать Португалию» стала практически невыполнимой* [НКРЯ];

5) **хлопотами** кого: *Хлопотами друзей вместо Сибири Пушкина сослали на юг* (Инт.¹⁰);

6) **трудами** кого: *...Иван трудами Софьи Андреевны сэкономил на автомобиль и жил, пожалуй, даже слишком хорошо, вроде божьей птички голубя...* [НКРЯ];

7) **молитвами** кого: *...Иоанн хладнокровно отвечивал: «Милосердием Божиим и молитвами наших прародителей Россия велика: на что мне Литва и Польша?»* [Карамзин. НКРЯ];

8) **усердием** кого: *Усердием градоначальника* (заголовок, «Моск. Епархиальные Новости»);

9) **тщанием** кого: *Подле реставрированных тщанием Главнауки Красных ворот расположились заляпаные известкой маляры ...* [Ильф и Петров. НКРЯ];

10) **изживением** кого: *И тот же Губошлепов ... опять свой град, изживением граждан, даже краше прежнего выстроил* [Салтыков-Щедрин. НКРЯ];

11) **попечением** кого: *Тверь, в 1327 году опустошенная моголами, уже возникла из своего пепла трудами и попечением Константина Михайловича...* [НКРЯ];

12) **попечительством** кого: *... Церковь ... Всех святых в Бад Хомбурге (построена по проекту Луи Бенуа попечительством Николая II), церковь в Бад Эмсе...* (Инт.);

13) **чаяниями** кого: *Особенно окрепла она чаяниями и хлопотами Карла Вильгельма Сименса ..., младшего брата Вернера* [НКРЯ];

14) **помощью** кого: *Недавно разбило при входе фрегат Филиппинской компании, на коем было полмиллиона пиастров; деньги все достали, кроме 1800 пиастров, помощью сандвичан...* [1822, НКРЯ];

⁹ НКРЯ — пример из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). В случаях, когда автор, название и год издания могут быть релевантны, мы их указываем.

¹⁰ Инт. — пример взят из Интернета.

15) **благодатию** кого: *Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они* [НКРЯ].

Примечание. Отметим, что это не закрытый список слов, в него активно вовлекаются и другие лексемы. С одной стороны, можно считать такие употребления «окказионализмами», с другой — они полностью «укладываются» в систему языка и построены по очень активной в русском языке синтаксической модели (ср. с мнением А.М.Пешковского [Пешковский, 2010] об «объективной» грамматике):

- **милосердием/милосердиями** кого: *... он вступал с отцом не только в смелые пререкания за учителя, но даже и в ожесточенные стычки ...; но, во всяком случае, воспитатель существовал только милосердием своего ученика* [Лесков. НКРЯ]; *Суворов ... отвечал Государыне на её рескрипт: «неограниченными, неожиданными и незаслуженными мною милосердиями монаршими Вашими, великая Императрица, я теперь паки нововербованный рекрут»* (Петрушевский, Инт.);

- **измышлением** кого/чего: *Эта простая, правдивая картина церковной звукописи создана не **измышлением** эффектов, а силою вдохновения* (в форме мн. ч. не обнаружено в предложной функции);

- **промыслом** кого: *Таким образом, спасительным **Промыслом** Сына Божия, Одного из Троицы, началась новая глава в истории мира: миру явился Бог в трех Лицах* [НКРЯ]. Форму мн. ч. (и ед. ч.) имеет другой ЛСВ, который не употребляется в функции предлога: *... наука географическая упоминала о северном мореходстве и судостроении вскользь, наряду с бесчисленными «местными» кустарными **промыслами** деревенской России* [НКРЯ];

- **капризом/капризами** кого: *В черное тут и там были вкраплены яркие блески дамских вечерних туалетов, **капризом** моды разделенных на два типа — длинные до полу и короткие до причинного места* [НКРЯ]; *Да, между нашими странами должна быть дружба, но не в том извращенном **капризами** власти Узбекистана виде* (Инт.);

- **(без)участием** кого: *Организация быта приезжих учеников в холодное время года в пришкольном интернате, который тоже был построен **участием** Николая Михайловича, требовала тоже много сил и времени* (Инт.); *Россия «старанием» безжалостной власти и **безучастием** измученного народа ушла на дно и в одночасье едва ли поднимется* [НКРЯ]. По-видимому, в данном значении являются *singularia tantum*.

Наши наблюдения показали, что указанные выше 15 ПЕ ближе к центру ФГП, поэтому мы позволили себе ограничить ими круг нашего рассмотрения в данной статье.

Для определения степени определенности (или грамматикализации) ПЕ были предложены [Всеволодова, 2011] объективные критерии (операциональные методы категоризации предлогов), которые позволяют отнести те или иные ПЕ к предлогам (т. е. оценить их категориальный статус). Эти критерии таковы:

- 1) изменение синтаксического потенциала ПЕ;
- 2) невозможность трансформации в исходную конструкцию;

3) метафоризация;

4) наличие морфосинтаксической парадигмы ПЕ.

Проанализировав поведение рассматриваемых ПЕ по отношению к каждому из этих критериев, как представляется, можно составить «шкалу определенности» (от наиболее определенных к наименее определенным), показывающую положение каждой единицы на «пути» в предлоги, или, другими словами, степень грамматикализации ПЕ.

1. Изменение синтаксического потенциала ПЕ

Изменение синтаксического потенциала ПЕ свидетельствует о высокой степени определенности и зачастую сопровождается сдвигами в семантике ПЕ. Оказалось, что все ПЕ (кроме *почтительством кого* и *чаянием кого*) могут употребляться в изначально несвойственных им позициях в действительных оборотах, что показывает определенную синтаксическую самостоятельность этих ПЕ.

Очевидно, что исходной конструкцией для рассматриваемых ПЕ был страдательный оборот: *Домашние деспотии создаются обычно в маленьких семьях, силами старших родственниц — матерей и свекровей* [НКРЯ]. В подобных предложениях ПЕ обычно вводят роль типа «протагонист», т. е. передают субъектное значение: «домашние деспотии создают обычно в маленьких семьях старшие родственницы — матери и свекрови». Однако, анализ показал, что употребление данных ПЕ расширяется и выходит за рамки страдательных конструкций, тем самым меняется синтаксический потенциал ПЕ: *Не знаю, были ли у него увлечения «на стороне», хотя охота за режиссером-красавцем шла горячая, особенно **силами** дам-актрис* [НКРЯ]; *Лет двадцать назад Большой театр предпринял серьезную попытку и в основном **силами** стажерской группы дал жизнь на своей сцене той же опере Генделя* [НКРЯ]. Подчеркнем, что как только в предложении появляется эксплицитно выраженный протагонист (не совпадающий с актантом, вводимым ПЕ) ПЕ получает другое, ситуантное значение: каузатор или посредник (коагенс, в терминологии Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1994]): «Большой театр **благодаря** стажерской группе/с **помощью** стажерской группы дал жизнь на своей сцене опере Генделя». Таким образом, оказывается, что меняется и семантика ПЕ.

В действительных оборотах системно употребляются практически все рассматриваемые ПЕ¹¹, и во всех таких случаях мы наблюдаем сдвиг значения ПЕ, таким образом, можно констатировать, что пози-

¹¹ Примеры употреблений на все ПЕ (кроме *почтительством кого* и *чаянием кого*) в действительных оборотах даны после табл. 1.

ция в действительных конструкциях демонстрирует синтаксическую самостоятельность ПЕ и высокую степень их грамматикализации.

2. Невозможность трансформации в исходную структуру

Следующий фактор определения степени грамматикализации — «невозможность для собственно предложного существительного занять позицию в исходной прототипической модели предложения» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013]. Другими словами, если при трансформации в действительный оборот невозможно изменение формы предлоγοобразующего существительного (в нашем случае с $N_{ТВ}$ на $N_{ИМ}$), то есть основания говорить об устойчивости ПЕ, и, следовательно, о высокой степени грамматикализации ПЕ.

Оказалось, что страдательные конструкции с анализируемыми ПЕ «псевдоизоморфны» действительным. Формальное сохранение предлоγοобразующей лексемы в активной конструкции невозможно: *В школе **силами** учеников устраивались музыкальные спектакли* [НКРЯ] = **В школе силы учеников устраивали музыкальные спектакли.* = *В школе ученики устраивали музыкальные спектакли.* Существительное *силы* может войти в подобные предложения только в форме $N_{ТВ}$. Анализ показал, что это положение верно для всех рассматриваемых ПЕ: *Страховщики признают, что рекламная кампания, связанная с введением нового закона, **стараниями** политиков провалена* [НКРЯ] = **Старания политиков провалили рекламную компанию* = *Политики провалили рекламную компанию; **Тщанием** Владыки была налажена связь с подразделениями Пермского гарнизона* [НКРЯ] = **Тщание Владыки наладило связь с подразделениями ...* = *Владыка наладил связь с подразделениями...* По этому критерию все рассматриваемые ПЕ обладают высокой степенью предложности. Сомнения возникают лишь с ПЕ *молитвами* *кого*: *И действительно: **молитвами** Матери Божией Москва опять была спасена* (Инт.) = *Мать Божия спасла Москву / Молитвы Матери Божией спасли Москву.* Представляется, что для ПЕ *молитвами* *кого* возможно изменение формы предлоγοобразующего существительного и его сохранение в действительном обороте, что может свидетельствовать о более низкой степени предложности¹²: *Она повествует о русском воине, который прошел через афганский ад, через многие «горячие точки», сберегаемый **молитвами** матери, жены и дочери* (Инт.) = *Молитвы матери, жены и дочери сберегли его* = **Мать, дочь и жена сберегли его.*

¹² Возможность изменения формы предлоγοобразующего существительного, а также его сохранение в действительной конструкции является, на наш взгляд, аргументом против признания *молитвами* *кого* фразеологизмом. Вероятно, как фразеологизм можно рассматривать лишь употребление в ответной реплике диалогического единства типа: «— *Как Вы себя чувствуете?* — *Вашими **молитвами!***».

3. Метафоризация

«Метафоризация проявляется в сочетании со словами, при других формах собственно предложного существительного с ним не сочетающихся¹³, ср.: *русло реки — в русле реки*; но: *Для русского языка второй половины XX века в целом характерна тенденция к активизации употребления предлогов, что находится в русле тенденции к аналитизму, отмечаемой многими современными русистами* (Пруссакова); и **русло тенденции*» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013]. Другими словами, употребление словосочетания с предлогообразующим существительным в «прототипической» функции (например, в форме N_{им}) невозможно. В отношении этого критерия ПЕ анализируемой нами лексико-семантической группы можно разделить на три класса по степени грамматикализации:

3.1. ПЕ высокой степени определенности (употребление в «прототипической» функции невозможно),

3.2. ПЕ средней степени определенности (семантический сдвиг по сравнению с употреблением в «прототипической» функции),

3.3. ПЕ низкой степени определенности (не демонстрируют метафоризации).

Рассмотрим ПЕ каждого класса подробнее.

3.1. К ПЕ высокой степени определенности относятся *попечительством кого, тицанием кого; силами кого, стараниями кого, усилиями кого*.

Для ПЕ *тицанием кого* и *попечительством кого* употребление в форме N_{им} встречается крайне редко, что позволяет говорить о грамматикализации формы N_{тв}. СОШ и МАС выделяют только два значения лексемы *попечительство*¹⁴, оба не совпадающие по семантике с рассматриваемыми нами употреблениями в форме N_{тв}: *...состоялось торжество отливки колокола, сооружаемого попечительством церкви села Рождествена, Бронницкого уезда ...* [НКРЯ] — **попечительство церкви*. Таким образом, представляется, что ПЕ *попечительством кого* имеет высокую степень фразеологизации, или грамматикализации. Лексема *тицание* характеризуется словарями как устаревшая, однако в форме N_{тв} примеров (даже в НКРЯ) достаточно много, в том числе из современных текстов: *«Earlymusic» начинался почти исключительно тицанием западных партнеров, а сейчас вклад консульств в фестивальны́й бюджет составляет всего 20%, .. а остальное — русские деньги* [«Петербургский Час пик». 2003, НКРЯ] — **тицание западных партнеров*. Примеры употребления

¹³ Подобный критерий выделяется и в [Тихомирова, 1972].

¹⁴ «1. Форма защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних (и некоторых других категорий граждан); меры для попечения над кем-либо (учредить попечительство над сиротами); 2. В царской России: учреждение для попечения о ком-чем-л.» [МАС].

лексемы **тицание** в форме $N_{им}$ единичны, в НКРЯ все подобные примеры датируются XVIII в., что является, на наш взгляд, еще одним аргументом в пользу признания высокой степени определенности данной ПЕ.

В этот же класс ПЕ, характеризующихся невозможностью употребления предлогообразующего существительного в «прототипической» функции, также входят:

- **силами** кого: **силами** комплексной бригады строителей — *силы комплексной бригады строителей;
- **стараниями** кого¹⁵: ...**стараниями** Московской консерватории и Кадужского музыкального училища был организован Конкурс камерных ансамблей имени Танеева... [НКРЯ] — *старания Московской консерватории;
- **усилиями** кого: **Усилиями** бюджетов всех уровней удалось приобрести современный рентген аппарат... [НКРЯ] — *усилия бюджетов всех уровней.

3.2. К ПЕ средней степени определенности можно отнести ПЕ **чаяниями** кого, **иждивением** кого, **трусами** кого, **заботами** кого. Для этих ПЕ налицо одна из ступеней метафоризации — частичное изменение значения по сравнению с существительным в «прототипической» функции (а не невозможность употребления в «прототипической» функции существительного, что наблюдалось у ПЕ класса 3.1):

- **чаяниями** кого: **чаяниями** К.В. Сименса ('благодаря К.В. Сименсу, с помощью К.В. Сименса') ≠ чаяния К.В. Сименса ('надежды К.В. Сименса');
- **иждивением** кого: **Иждивением** монахини Надежды в новом храме устроили придел в честь чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери [НКРЯ] ≠ иждивение монахини Надежды ('монахиня получает некое иждивение');
- **трусами** кого: На этом тревожном фоне **трусами** правительства добывается Российская армия [НКРЯ] ≠ труды правительства ('научные работы');
- **заботами** кого: ... не надо меня призывать поднять выше голову и посмотреть, какие чудесные здания построены в городе **заботами** городских властей и лично нашего мэра Лужкова [НКРЯ]

¹⁵ Отметим, что мы намеренно выбирали контексты с высокой степенью метафоризации, поскольку это позиции наибольшей определенности. В ряде случаев изменения лексического значения нет, и тогда эти ПЕ менее грамматикализованы, это чаще всего характерно для пассивных конструкций, в которых ПЕ выражает роль субъектного типа (обычно конкретное лицо): **стараниями** доктора = **старания** доктора. При субъекте же коллективном, особенно метафоризированном, степень грамматикализации ПЕ выше: **силами** наших фракций, **силами** 3 научных итальянских медицинских центров и под.

≠ *заботы городских властей* ('то, что беспокоит, волнует городские власти').

3.3. Наконец, единицы третьего класса *усердием* *кого*, *хлопотами* *кого*, *молитвами* *кого*, *благодатию* *кого*, *попечением* *кого*, *помощью* *кого* не демонстрируют изменений в лексическом значении:

- *усердием* *кого*: В 1901 г. *усердием* *прихожан* и *старосты* Г.Ф. Жохова ... *возвели новую колокольню* [НКРЯ] = *Размер, изысканная архитектура и богатое внутреннее убранство нового храма явились лучшим свидетельством вкуса и усердия прихожан, строивших его на собственные средства* [НКРЯ]: *усердием* *прихожан* = *усердие прихожан*;

- *хлопотами* *кого*: *хлопотами* *прихожан* = *хлопоты прихожан*,

- *молитвами* *кого*: *молитвами* *жены* и *матери* = *молитвы жены и матери*,

- *благодатию* *кого*: *благодатию* *Христовою* = *благодать Христова*,

- *попечением* *кого*: *попечением* *князя* = *попечение князя* (отметим, однако, что примеры употребления слова *попечение* в форме N_{им} единичны).

- *помощью* *кого*: *Екатерина провозглашена императрицей* (*велением Меншикова, помощью* *Феофана* и *тайного советника Макарова*) [Пушкин. НКРЯ] = *помощь* *Феофана*.

Итак, анализ показал, что ПЕ исследуемой лексико-семантической группы достаточно строго ранжируются по степени своей метафоризации, что дает основания для распределения их соответствующим образом на «шкале определенности».

4. Наличие морфосинтаксической парадигмы

Одним из механизмов грамматикализации можно считать и наличие морфосинтаксической парадигмы¹⁶. «Морфосинтаксическая парадигма — это ряд синонимичных образований, различающихся: падежной формой припредложного слова, отсутствием/ наличием экспликаторов или редупликаторов типа *в цвет чего/ чему/ к чему/ с чем/ под что*; падежной формой базового слова: *в интерес/в интересе* *клиента*, формой числа базового слова: *в интересе/в интересах* *клиента*. Такая парадигма характерна для уже определенных единиц» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2013]. В ходе анализа выяснилось, что рассматриваемые ПЕ имеют системную морфосинтаксическую парадигму по числу.

Отметим, что мотивированные предлоги и их аналоги в целом достаточно часто характеризуются наличием морфосинтаксической па-

¹⁶ О морфосинтаксической парадигме подробнее см. [Всеволодова, 2010].

радигмы по числу. Наши наблюдения показали, что существительные в составе ПЕ зачастую имеют значительные отличия (в отношении категории числа) от тех же существительных в «прототипической» роли. Некоторые существительные выступают в предложной функции либо только в ед. ч., либо только во мн. ч., причем это далеко не обязательно существительные *singularia tantum* или *pluralia tantum*: **в знак** чего, но не ***в знаки** чего (ср.: *знак-знаки*): *После обговаривания калыма сват или сваха в доме невесты угощались водкой в знак согласия родителей отдать свою дочь* [НКРЯ]; и наоборот: **в стенах** чего, но не ***в стене** чего (ср.: *стена-стены*): *Он пропел: «Пропала молодость, талант в стенах тюрьмы»* [НКРЯ]. В то же время многие ПЕ представлены в двух вариантах: с существительным в ед. ч. и с существительным во мн. ч., но характеризуются при этом различным поведением. Так, многие пары ПЕ, включающих существительное в ед. и мн. числах, синонимичны: **в поиске** затерянного рая и **в поисках** затерянного рая; другие отличаются частотностью употребления в ед. и мн. числах: **в рамках** закона (частотное) и **в рамке** закона (редкое), третьи — значением, ср.: **в виде** чего — **ввиду** чего — **в видах** чего: *Указ предписывал украшать дома ... ветками сосны и можжевельника, судя по всему — в виде гирлянд* [НКРЯ] (характеризационное значение); *Присяжные оправдали Протопопова ввиду его невменяемости в момент совершения преступления* [НКРЯ] (причинное значение); ... *она уже в 1912 г. приехала в Петербург; ходила на заседания Юридического общества более в видах интересных знакомств ...* [НКРЯ] (целевое значение) и т. д. (подробнее см. [Виноградова, Чекалина, 2011]).

В словарях обычно выделяется только одна числовая форма: либо мн. ч. (**заботами** кого, **силами** кого, **трудами** кого, **молитвами** кого), либо ед.ч (**усердием** кого, **тщанием** кого, **издвигением** кого, **помощью** кого)¹⁷. Наши материалы показали, что практически все анализируемые нами ПЕ имеют морфосинтаксическую парадигму по числу: **заботами** кого — **заботой** кого, **стараниями** кого — **старанием** кого, **издвигениями** кого — **издвигением** кого и т. д. Другими словами, в предложной функции большинство ПЕ употребляется, выступая как в форме ед. ч., так и в форме мн. ч. (табл. 2). В форме ед. ч. не употребляется ПЕ **хлопотами** кого (plt); **помощью** кого не зафиксировано в форме мн. ч.; **силой** кого, **усилием** чего и **попечительствами** чего употребляются в другом значении и фактически не являются ПЕ.

¹⁷ Исключение составляют лишь единицы **усилием** кого — **усилиями** кого и **старанием** кого — **стараниями** кого, которые отмечаются в словарях в двух устойчивых формах.

Морфосинтаксическая парадигма по числу

N	N _{ТВ}		N	N _{ТВ}	
	ед. ч.	мн. ч.		ед. ч.	мн. ч.
1	<i>заботой</i> кого	<i>заботами</i> кого	9	<i>тищанием</i> кого	<i>тищаниями</i> кого
2	* ¹⁸ <i>силой</i> чего	<i>силами</i> кого	10	<i>иждивением</i> кого	<i>иждивениями</i> кого
3	—	<i>хлопотами</i> кого	11	<i>попечением</i> кого	<i>попечениями</i> кого
4	<i>старанием</i> кого	<i>стараниями</i> кого	12	<i>попечительством</i> кого	* <i>попечительствами</i> чего
5	* <i>усилием</i> чего	<i>усилиями</i> кого	13	<i>чаянием</i> кого	<i>чаяниями</i> кого
6	<i>трудом</i> кого	<i>трусами</i> кого	14	<i>помощью</i> кого	—
7	<i>молитвой</i> кого	<i>молитвами</i> кого	15	<i>благодатию</i> кого	<i>благодатями</i> кого
8	<i>усердием</i> кого	<i>усердиями</i> кого			

Рассмотрим морфосинтаксические парадигмы ПЕ подробнее, разделив их на следующие группы:

- 4.1. ПЕ имеет морфосинтаксическую парадигму по числу;
- 4.2. ПЕ не имеет морфосинтаксической парадигмы по числу;
- 4.2.1. Предлогообразующее существительное имеет только одну форму числа;
- 4.2.2. Предлогообразующее существительное имеет обе числовые формы, различающиеся значением и употреблением.

4.1. Морфосинтаксические парадигмы образуют следующие ПЕ: *заботами* кого — *заботой* кого, *трусами* кого — *трудом* кого, *молитвами* кого — *молитвой* кого, *усердием* кого — *усердиями* кого, *тищанием* кого — *тищаниями* кого, *иждивением* кого — *иждивениями* кого, *попечением* кого — *попечениями* кого, *чаянием* кого — *чаяниями* кого, *благодатию* кого — *благодатями* кого. Представим наши наблюдения относительно каждой из указанных парадигм, обращая особое внимание на различия между их членами:

- *заботами* кого/*заботой* кого: Действительно, *заботами* друзей мы с Дашей ни в чем не тертим нужды [НКРЯ]. Обращает на себя внимание преимущественное употребление в качестве ПЕ формы мн. ч.; с формой ед. ч. в НКРЯ обнаружено два примера в предложной функции с той же семантикой, что и у формы мн. ч.: *Его тищанием и заботой* были отстроены, отремонтированы и украшены десятки храмов... [НКРЯ]. Таким образом, как представляется, можно говорить о высокой степени определенности единицы *заботами* кого, а также о различиях в частотности между ПЕ с существительным в форме ед. и мн. чисел;

¹⁸ Знаком * помечены формы имен существительных, не являющиеся ПЕ.

• **стараниями** кого/**старанием** кого: Катя, еще молодая, здоровая и красивая женщина, **стараниями** Чехова попала ... в мышеловку, из которой человеческими силами не вырваться [НКРЯ]. Форма ед. ч. также употребляется в предложном значении и с той же частотностью: *Наконец, искусством выкрашенные стекла добротой цвета природных камней много выше изобретены и впредь **старанием** химиков большего совершенства достигнуть могут* [Ломоносов. НКРЯ]. Отметим и возможность переносного, негативно окрашенного употребления как формы мн. ч., так и ед. ч.: *Именно **стараниями** Касьянова со товарищи был разрешен ввоз в страну ядерных отходов* [НКРЯ]; *Россия «**старанием**» безжалостной власти и безучастием измученного народа ушла на дно и в одночасье едва ли поднимется* [НКРЯ];

• **трудами** кого/**трудом** кого: За десятилетие многое изменилось в православной Астрахани **трудами** владыки Ионы [НКРЯ]. Форма ед. ч. употребляется в том же значении, но гораздо менее частотна: *За пятьдесят лет **трудом** геологов создана надежная минерально-сырьевая база страны* [НКРЯ];

• **молитвами** кого/**молитвой** кого: Через несколько дней я исцелел благодатию Христовою и **молитвами** старца [НКРЯ]. Форма ед. ч. гораздо менее частотна: *Память же о темных соблазнах бесовских, о страшных знаменьях и необычайных происшествиях **молитвою** блаженного Памвы была истреблена, как весенний снег солнцем* [НКРЯ];

• **усердием** кого/**усердиями** кого: Не столетним ли **усердием** авторов рыцарских романов сочинен «Дон Кихот» и записан одной рукою? [НКРЯ]. Форма мн. ч. употребляется в том же значении, но гораздо реже: *Естественно, при условии, что **усердиями** Кармадона время «Ч» ему, Данилову, будет отменено* [НКРЯ];

• **тищанием** кого/**тищаниями** кого: Деревянный шатровый храм был построен на средства московских меценатов — уроженцев деревни, а также **тищанием** местных жителей [НКРЯ]. Форма мн. ч. употребляется в том же значении, но менее частотна: *Современный вид замок приобрел в конце XV века **тищаниями** молдавского господаря Стефана III Великого...* (Инт.);

• **иждивением** кого/**иждивениями** кого: А что было сегодня? Подъем (**иждивением** Валерия) в 6 утра. Это в воскресенье-то! [НКРЯ]; *И издал бы ее **иждивением** горячо любимой родины* [НКРЯ]. Значение сближается с единицей *за счёт* чего, выражающей реляционные отношения: ‘используя чьи средства’. Примеры с мн. ч. единичны: *В XIX ст. **иждивениями** Берлинской академии приготовлено пятитомное полное издание сочинений, комментариев, схолий и фрагментов...* (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Инт.);

- **попечением кого/попечениями кого:** *Попечением* писателя-фантаста Михаила Пухова обретет русскоязычных читателей остросюжетный роман его американского коллеги Пола Андерсона «Кентавры Юпитера» в переводе Сергея Сухинова... [НКРЯ]. Форма мн. ч. употребляется несколько реже: *Попечениями* Высшего Начальства Западной Сибири и Сибирского линейного войска ... *Сельское Хозяйство*, и как наука, и как искусство, оказывает явные успехи в поселениях Сибирского линейного войска... [НКРЯ];

- **чаянием кого/чаяниями кого:** *Троицкий собор ... Оптина монастыря ... сооружен чаяниями* семьи боловских бояр... (Инт.). Зафиксированы употребления и в форме ед. ч.: *Чаянием* помощников, благотворителей, настоятелей этого храма и других людей в храме появилась возможность служить (Инт.);

- **благодатию кого/благодатями кого:** Таким образом Баранчиков, воссоединенный уже с православием *благодатию* священников греческих... [Лесков. НКРЯ]. Форма мн. ч. встречается реже: *Ранее наличествует опыт тушения лесных пожаров благодатями* добровольных команд (Инт.).

Таким образом, для перечисленных ПЕ налицо параллельное употребление в формах ед. и мн. чисел. Возможно, существуют различия в синтаксическом поведении подобных соотносительных форм, как, например, в случае с ПЕ *из чувств* чего — *из чувств* каких, где прилагательное-имя актанта употребляется только с формой мн. ч.: *из чувства* патриотизма — ? *из чувств* патриотизма, *из патриотических чувств* — **из патриотического чувства* (подробнее см. [Виноградова, 2009]). Изучение синтаксического поведения ПЕ-членов морфосинтаксической парадигмы — задача отдельного исследования. На данном этапе мы лишь представляем собранный материал и можем сделать некоторые замечания о различиях в частотности употребления членов морфосинтаксических парадигм (табл.3).

Таблица 3

Частотность употребления ПЕ, различающихся формой числа предлоγοобразующего существительного

Одинаковая частотность форм ед. ч. и мн. ч.	Разная частотность форм ед. ч. и мн. ч.	
	частотнее ед. ч.	частотнее мн. ч.
<i>старанием</i> кого — <i>стараниями</i> кого <i>молитвой</i> кого — <i>молитвами</i> кого <i>чаянием</i> кого — <i>чаяниями</i> кого	<i>усердием</i> кого <i>тщанием</i> кого <i>изживением</i> кого <i>попечением</i> кого <i>благодатию</i> кого	<i>заботами</i> кого <i>трусами</i> кого

4.2. ПЕ, у которых нет морфосинтаксической парадигмы по числу

4.2.1. ПЕ, не имеющие морфосинтаксической парадигмы по числу в силу отсутствия соответствующей формы числа у предлоγοобразующего существительного (*хлопотами кого*, *помощью кого*):

- *хлопотами кого*: *И если пока что мы удерживались на острове, то гуляйпольцы — благодаря бандитской статье, я — хлопотами Каплана* [НКРЯ]. *Хлопоты* — существительное pluralia tantum, поэтому в форме ед. ч. данная синтаксема не зафиксирована;

- *помощью кого*: *Екатерина провозглашена императрицей (велеием Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова)* [Пушкин. НКРЯ]. Очевидно, что данное употребление является устаревшим¹⁹. В форме мн. ч. ПЕ не зафиксирована. На наш взгляд, существительное *помощь* можно отнести к singularia tantum, хотя в словарях это не отмечается.

4.2.2. ПЕ, которые не имеют морфосинтаксической парадигмы по числу, хотя предлоγοобразующее существительное может употребляться как в форме ед. ч., так и в форме мн. ч. (*силами кого*, *усилиями кого*, *попечительством кого*).

- *усилиями кого*, *силами кого*: *В последние три года усилиями казенных и полуказенных СМИ создана третья картина российской действительности* [НКРЯ] (субъектное значение: ‘казенные и полуказенные СМИ создали третью картину российской действительности’); *Всё-таки он был человеком умным и сперва усилием воли подавил естественное в его положении волнение, а затем стал размышлять* [НКРЯ] (*усилием чего*, характеристическое значение, ‘с помощью воли/ с помощью усилия воли’). При решении вопроса о категориальном статусе единиц *силой чего* и *усилием чего*, используются те же факторы грамматикализации: формы ед. ч. *силой чего* и *усилием чего* не метафоризируются (см. критерий 3 грамматикализации), ср.: *усилием воли* — *усилие воли*, *силой духа* — *сила духа*; в то же время при трансформации такой конструкции существительное не сохраняется (см. критерий 2): *Эта простая, правдивая картина церковной звукописи создана не измышлением эффектов, а силою вдохновения* [НКРЯ]; — *Вдохновение создало эту правдивую картину церковной звукописи* — [?]*Сила вдохновения создала...* В ед. ч. *силой*

¹⁹ Зафиксировано также употребление с предметными существительными (а не лицами, коллективами, учреждениями и под.), т. е. *помощью чего* (имеет другое значение — инструментальное): *Помощью предыдущих уравнений находим...* [Лобачевский. 1855, НКРЯ]; *Если ... после зарядки аккумулятора, соединить его пластины помощью проводника между собою, то по этому проводнику потечет уже самостоятельный ток...* [Аккумуляторы // «Радио Всем». 1928, НКРЯ]. Представляется, что в этом случае можно говорить о стилистической маркированности единицы *помощью чего*: она частотна в технических и математических текстах.

чего, **усилием** чего сочетаются не с личными существительными, а только с абстрактными: **силою/силой** Божией, ума, духа, красоты, молитвы, памяти, вдохновения, воображения, убеждения, природы, таланта, ума и под.: Он победил свой недуг **силой** своего таланта [НКРЯ]. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что единицы **силой** чего, **усилием** чего намного ближе к собственно существительным, чем к предлогам, или находятся у истоков «пути» в предлоги²⁰;

• **попечительством** кого: Возведен, как написано на мемориальной доске: «Стараниями рабов Божиих и усердием иерея Евгения Яганова, трудами полковника юстиции начальника ОВ 156/3 Трубникова Владимира Николаевича ... силами осужденных и попечительством их заботливых жен, матерей и родственников и прочих благотворителей и благоукрашителей» (Инт.). По нашим наблюдениям, в форме мн. ч. лексема **попечительство** имеет значение «учреждение» и не употребляется, соответственно, в предложной функции: Кстати, **попечительствами** в дореволюционной России называли благотворительные учреждения для оказания помощи кому-либо (Инт.). Тем не менее ПЕ **попечительством** кого имеет морфосинтаксическую парадигму, образованную за счет возможной препозиции немотивированных предлогов **с** и **под**: **попечительством** кого — **с попечительством** кого — **под попечительством** кого: **С попечительством** Магницкого была учреждена и новая должность директора университета [Лажечников. НКРЯ]; Павел I был воспитан **рачительно, под попечительством** графа Н.И. Панина [НКРЯ].

С другой стороны, мы можем констатировать, что форма мн. ч. для единиц **силами** кого и **усилиями** кого «оторвалась» по значению от формы ед. ч., напротив, для ПЕ **попечительством** кого форма ед. ч. семантически разошлась с формой мн. ч. Иными словами, отсутствие морфосинтаксической парадигмы в данном случае может свидетельствовать о высокой степени метафоризации данных единиц и, следовательно, о высокой степени их определённости.

Таким образом, применив к рассматриваемым ПЕ ряд операциональных критериев, мы можем охарактеризовать степень их определённости (или грамматикализации) (табл. 4).

Анализ обобщенных данных позволяет составить «шкалу определённости» (рис. 2).

Итак, как видно из рис. 2, наиболее грамматикализованными являются ПЕ **стараниями** кого, **тщанием** кого, **силами** кого, **усилиями** кого, **помощью** кого, **попечительством** кого, обладающие

²⁰ Отдельно стоят фразеологизмы: **силою** вещей, **силою** обстоятельств, **силою** судеб.

Степень определенности ПЕ

	предложные единицы	отмеченность в словарях	Критерии грамматикализации			
			употребительность в действительных оборотах	невозможность сохранения предлоγοобразующего существительного при трансформации в действительный оборот	степень метафоризации	наличие морфосинтаксической парадигмы
1	<i>заботами кого</i>	в знач. предл.	+	+	средняя	+
2	<i>силами кого</i>	в знач. предл.	+	+	высокая	– (метафоризация)
3	<i>стараниями кого</i>	–	+	+	высокая	+
4	<i>усилиями кого</i>	уст. сочет. N _{ТВ}	+	+	высокая	– (метафоризация)
5	<i>хлопотами кого</i>	–	+	+	низкая	– (pl)
6	<i>трудами кого</i>	уст. сочет. N _{ТВ}	+	+	средняя	+
7	<i>молитвами кого</i>	фразеол.	+	?/–	низкая	+
8	<i>усердием кого</i>	уст. сочет. N _{ТВ}	+	+	низкая	+
9	<i>тщанием кого</i>	уст. сочет. N _{ТВ}	+	+	высокая	+
10	<i>изживением кого</i>	уст. сочет. N _{ТВ}	+	+	средняя	+
11	<i>попечением кого</i>	–	+	+	низкая	+
12	<i>попечительством кого</i>	–	–	+	высокая	– (метафоризация)
13	<i>чаянием кого</i>	–	–	+	средняя	+
14	<i>помощью кого</i>	уст. сочет. N _{ТВ}	+	+	низкая	– (sgt)
15	<i>благодатью кого</i>	–	+	+	низкая	+

высокой степенью метафоризации. К наименее определенным можем отнести ПЕ *усердием кого*, *попечением кого*, *благодатью кого*, *хлопотами кого*, *молитвами кого*. Еще раз подчеркнем, что мы наблюдаем постепенное, пословное движение ПЕ к ядру ФГП предлога.

Синтаксическая функция ПЕ

Представляется корректным определять степень определенности конкретных ПЕ в определенных типах синтаксических структур. Так, в страдательных оборотах при выражении ПЕ субъектного значе-

ния мы имеем дело, скорее, с аналогами предлогов: *Усердием благотворителей здесь построен храм во имя преподобного Давида, звонница и купальня* [НКРЯ]. А в действительных оборотах, особенно при несовпадении субъекта и актанта, вводимого ПЕ, на наш взгляд, можно говорить о мотивированных собственно предлогах: *На клумбах заботами Леонарды Яковлевны росли оранжевые тюльпаны* [НКРЯ]. Проанализируем синтаксическое поведение рассматриваемых ПЕ и их роль в предложении.

Оказалось, что предложения, включающие данные ПЕ, системно образуют семичленную трансформационную (интерпретационную) парадигму (напомним, что трансформация в действительные конструкции с сохранением предлогообразующего существительного невозможна для предложений с рассматриваемыми нами ПЕ, поэтому трансформация № 2 всегда представлена нулем, что позволяет говорить именно о семичленной парадигме). Базовым, исходным компонентом ее логично признать страдательную конструкцию²¹ (табл. 5).

Для прояснения смысла подобных предложений нам необходимо эксплицитировать свернутую пропозицию, включающую ПЕ. Так, для предложения *В Никольском храме при игумене Иоанникии на четырех местных иконах усердием крестьянина Иоанна Добрякова были сооружены серебряные ризы по 20 фунтов серебра каждая* [НКРЯ] мы можем развернуть пропозицию, формируемую ПЕ *усердием кого*, следующим образом: 'крестьянин старался, прилагал усилия для того, чтобы'. В данном предложении, как представляется, субъекты

1	• стараниями кого
2	• тщанием кого
3	• силами кого
4	• усилиями кого
5	• помощью кого
6	• попечительством кого
7	• заботами кого
8	• трудами кого
9	• иждивением кого
10	• чаянием кого
11	• усердием кого
12	• попечением кого
13	• благодатью кого
14	• хлопотами кого
15	• молитвами кого

Рис. 2. Шкала определенности: от наиболее определенных единиц (1) к наименее определенным единицам (15)

²¹ Отметим также, что рассматриваемые нами конструкции схожи с объективированным оборотом [Всеволодова, Котвицкая, 1999], где позицию подлежащего (как и в страдательном обороте (конверсиве)) занимает имя объекта, но в отличие от конверсива позицию сказуемого здесь занимает фазисный или бытийный глагол. Ср.: *Стройотряд построил в селе новый клуб Стройотрядом (был) построен в селе новый клуб* → *Благодаря стройотряду в селе появился новый клуб* (объективированный оборот); → *Силами стройотряда в селе построен новый клуб*. В последнем предложении, как и в объективированном обороте, отношения «пациент» — «процесс» отрываются от агенса, предстают как самостоятельные.

Трансформационная (интерпретационная) парадигма (на примере предложения с ПЕ *усердием* кого)

Трансформации со значением	Страдательный оборот	Действительный оборот
исходная	1. В Никольском храме при игумене Иоанникии на четырех местных иконах <i>усердием</i> крестьянина Иоанна Добрякова были сооружены серебряные ризы по 20 фунтов серебра каждая [НКРЯ];	2. –
субъектное	3. ...на четырех местных иконах крестьянином Иоанном Добряковым были сооружены серебряные ризы...;	4. ...на четырех местных иконах крестьянин Иоанн Добряков соорудил серебряные ризы...;
каузатор (причинное)	5. ...на четырех местных иконах благодаря крестьянину Иоанну Добрякову были сооружены серебряные ризы...;	6. ...на четырех местных иконах благодаря крестьянину Иоанну Добрякову соорудили серебряные ризы...;
посредник (характеризационное значение)	7. ...на четырех местных иконах с помощью крестьянина Иоанна Добрякова были сооружены серебряные ризы...;	8. ...на четырех местных иконах с помощью крестьянина Иоанна Добрякова соорудили серебряные ризы...;

свернутой и основной пропозиции совпадают. Тем не менее материал показывает, что такой «изоморфизм» субъектов далеко не обязателен. Ср.: *Проснулись хозяева только на пять минут второго тайма, в течение которых стараниями Дмитрия Лоськова успели забить два мяча и не реализовать пенальти* [НКРЯ], где субъекты основной пропозиции (*хозяева*) и свернутой (*Дмитрий Лоськов*) не совпадают. Однако трансформационная парадигма остается прежней:

- *Дмитрий Лоськов успел забить (будучи в числе хозяев) два мяча* (эксплицитировано субъектное значение);
- **Благодаря** *Дмитрию Лоськову хозяева успели забить два мяча* (причинное значение);
- **С помощью** *Дмитрия Лоськова хозяева успели забить два мяча* (характеризационное значение).

Отметим, что в этом примере невозможна трансформация в страдательные конструкции, что обусловлено отсутствием пассивной формы у глагола *успеть*. Ср.: *Проснулись хозяева только на пять минут второго тайма, в течение которых стараниями Дмитрия Лоськова/благодаря Дмитрию Лоськову/с помощью Дмитрия Лось-*

кова/Дмитрием Лоськовым было забито два мяча. На наш взгляд, можно говорить о том, что **ПЕ, выступающие в свернутых пропозициях, субъект которых не совпадает с субъектом основной пропозиции, имеют более высокую степень предложности**, чем в пассивных конструкциях при совпадении субъектов. Другими словами, в данном предложении ПЕ *стараниями кого* может быть отнесена к потенциальным предложениям, т. е. к приядерной зоне ФГП предложения.

Проведенный нами анализ функционирования единиц этой группы показал, что парадигма может быть как полной, так и ущербной. Выявление условий дополнительной дистрибуции, запрещающих или разрешающих все трансформации, — актуальная задача следующего этапа работы.

Как известно, наличие интерпретационной парадигмы предложения обусловлено необходимостью решения говорящим различных коммуникативных задач. «Их смысл — в разных ракурсах подачи события, в высветлении тех или иных объектов в составе общей композиции» [Всеволодова, 2000: 429]. Формализовать и объяснить смысл трансформаций позволяет понятие иерархии членов предложения [Всеволодова, Дементьева, 1997], или реляционной иерархии [Кибрик, 2005]. Говорящий может выделять, усиливать или, наоборот, «уводить из поля внимания», «затемнять», ослаблять тот или иной компонент предложения. Так, «подлежащее является мишенью повышения синтаксического статуса прочих членов предложения» [Кибрик, 2005: 121]. Иерархия коммуникативных рангов имеет следующий вид: подлежащее > субстантивное сказуемое > дополнение > глагольные, адъективные и наречные сказуемые > логические обстоятельства > определения и характеризующие обстоятельства > связки, реляторы, экспликаторы, классификаторы. Основываясь на данной иерархии, мы можем предположить, что **основная синтаксическая функция рассматриваемых ПЕ — это редуцирование, ослабление вводимого ими имени актанга**. Ср. следующую трансформацию: *На этом тревожном фоне правительство добывает Российскую армию* > *На этом тревожном фоне **трусами** правительства добывается Российская армия* [НКРЯ], где в первом предложении субъект (*правительство*) занимает самую высокую в коммуникативном плане позицию — позицию подлежащего, а во втором субъект уводится на одну из самых низких позиций — определения, т. е. полностью выводится из поля внимания слушающего. Таким образом, характеризуя нашу парадигму, можно сказать, что субъект получает возможность занять практически любую позицию:

- самую высокую коммуникативную позицию подлежащего:
На этом тревожном фоне правительство добывает Российскую армию;

- третью по значимости позицию — дополнения: *На этом тревожном фоне правительством добивается Российская армия;*
- пятую позицию — логического обстоятельства: *На этом тревожном фоне благодаря правительству (с помощью правительства) добивают Российскую армию; На этом тревожном фоне благодаря правительству (с помощью правительства) добивается Российская армия;*
- и, наконец, одну из самых низких позиций — определения: *На этом тревожном фоне трудами правительства добивается Российская армия [НКРЯ].*

Однако представляется, что определение членопредложенческого статуса в последнем примере тесно связано с решением вопроса о категориальном статусе ПЕ типа *трудами кого, усердием кого, заботами кого* и под. Если мы признаем эти единицы предложениями, то, на наш взгляд, эти синтаксемы автоматически займут позицию логического обстоятельства, повысив тем самым коммуникативный ранг вводимого актанта.

Подведем итоги.

1. Рассматриваемые единицы *заботами кого, силами кого, стараниями кого, усилиями кого, хлопотами кого, трудами кого, молитвами кого, усердием кого, тщанием кого, иждивением кого, попечением кого, попечительством кого, чаянием кого, помощью кого, благодатию кого* системно употребляются в качестве предлогов. Используя операциональные критерии определения степени грамматикализации, нам удалось создать «шкалу определенности» для ПЕ изучаемой группы. Представляется, что построение таких шкал может быть очень актуально для лексикографической практики.

2. Большинство из этих единиц имеют морфосинтаксическую парадигму по числу. Исключением являются ПЕ *хлопотами кого, помощью кого* (не имеют соотносительных форм другого числа), а также *силами кого, усилиями кого* (в ед. ч. передают другое значение) и *попечительством кого* (во мн. ч. — другое значение).

3. Предложения с данными ПЕ имеют семичленную трансформационную парадигму. При этом, как показал наш материал, ПЕ имеют разную степень грамматикализации в различных конструкциях. Так, в страдательных конструкциях они менее предложены, чем в действительных, особенно, при несовпадении субъектов основной и свернутой пропозиций. Основная синтаксическая функция этих единиц — снижение, «затемнение» имен вводимых ими актантов.

Список литературы

- Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М., 2009.
 БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.

- Виноградова Е.Н.* О классификаторах в структуре предложных единиц // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методич. статей / Ред. кол.: Л.П. Клубукова и др. Вып. 5. М., 2009.
- Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л.* Категория числа в предложной системе русского языка // «Русский язык и литература во времени и пространстве» // XII Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Т. 1 / Под ред. Л.А. Вербицкой, Лю Лимины, Е.Е. Юркова. Шанхай, 2011.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
- Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
- Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
- Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реальному употреблению. Реестр русских предложных единиц. А — В РЯДАХ (кого-чего) (объективная грамматика). Книга 2. (в печати) (а).
- Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реальному употреблению. Реестр русских предложных единиц. В РЯДУ (кого-чего) — ВЫШИНЫ (сколько) (объективная грамматика). Книга 3. (в печати) (б).
- Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.
- Всеволодова М.В., Клубуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основным функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
- Всеволодова М.В., Котвицкая Э.С.* О подлежащем и категории причинности в русском языке (К вопросу о русском языковом сознании в концепции А. Вежбицкой) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 5.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реальному употреблению. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1. М.: URSS, 2013.
- Галактионова И.В.* Предлог: препозиция и постпозиция // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. М., 2007.
- Гецова О.Г.* Предлоги как объект диалектной лексикографии // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Вологда, 1983.
- Гочев Гочо Денев.* Некоторые наблюдения над предложными сочетаемостными фразами в болгарском и русском языках // Славянските предлози. Велико Търново, 2007.

- Ермакова О.П.* Предлоги или существительные? // Семантика. Функционирование: Сб. науч. тр. Киров, 1999.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Иомдин Л.Л.* Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. М., 2000.
- Канюшкевич М.І.* Беларускія прыназоўкі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна, 2008–2010.
- Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2005.
- Кравченко О.Н.* Лексикографическая интерпретация сопоставительных предлогов *кроме, помимо, наряду с*. Этап портретирования: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000.
- Крейдлин Г.Е.* Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 1994. № 5.
- Лепнев М.Г.* Русские производные предлоги: особенности семантического и синтаксического функционирования: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Логинова И.М.* Предпосылки для фонетического описания русских предлогов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6.
- Ляхур Чеслав.* Перспективы лексикографического описания предложной системы славянских языков (на материале польского языка) // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Вип. 13 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк, 2005.
- МАС — Словарь русского языка. Т. 1–4. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык. М., 2010.
- Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3.
- Пруссакова Е.М.* Система производных предлогов современного русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2002.
- Ромм К.П.* Семантические процессы преобразования знаменательных слов в служебные: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1988.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
- Селиверстова О.Н.* Имеют ли предлоги только грамматическое значение? // Вопросы филологии. 1999. №3.
- Селиверстова О.Н.* Значения предлогов и некоторые общие проблемы семантики // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001.
- Сергеева Г.Н.* Лексикализованные предложно-падежные словоформы в служебной функции (основная проблематика) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2004.
- Солоницкий А.В.* Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток, 2003.
- СОШ — *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Тихомирова Т. С.* Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Українські прийменники: Синхронія і діахронія: пробний зошит / За ред. проф. А. П. Загнітка. Донецьк, 2003.

Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск, 1983.

Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.

Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск, 2001.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.

Сведения об авторе: *Виноградова Екатерина Николаевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ekaterinavin@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.Л. Лифшиц

ПОДПОРУЧИК ВАСИЛИЙ ГРИНКОВ, ПЕРЕВОДЧИК¹

Светлой памяти В.М. Живова

Статья посвящена неизвестному ранее переводчику середины XVIII в. Василию Гринкову. Его перевод сочинения Лодовико Гвиччардини, выполненный с немецкого в 1745 г., не получил широкой известности, однако обстоятельства появления этого перевода и реконструкция среды, в которой он появляется, чрезвычайно важны для понимания механизмов рецепции европейской культуры в России.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, императрица Елизавета Петровна, переводная литература, гвардейские офицеры, рукописные сборники, Лодовико Гвиччардини.

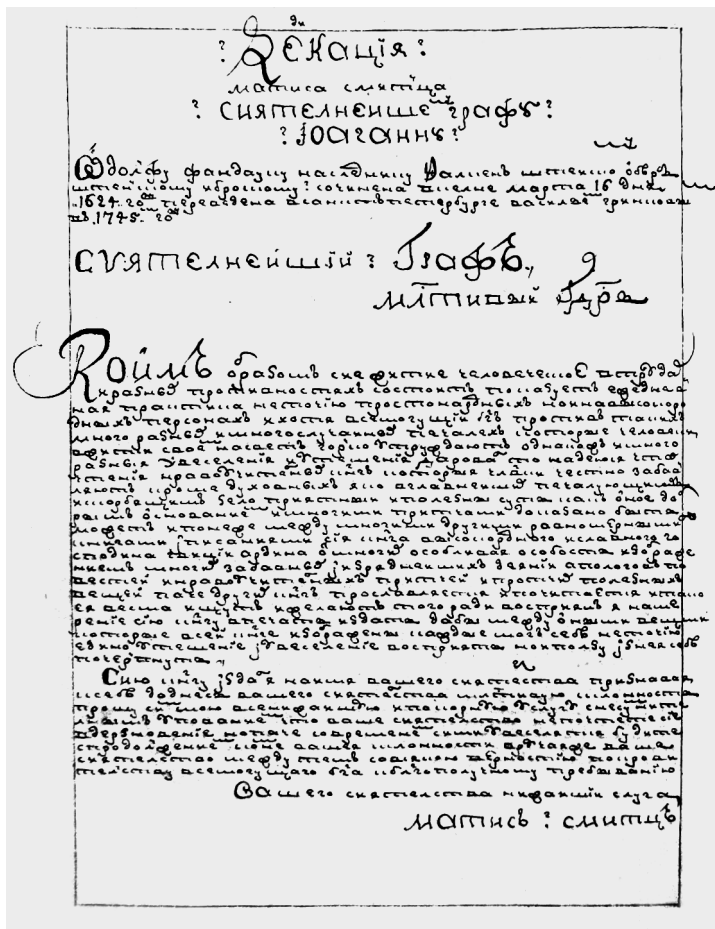
The article is devoted to a previously unknown translator, Vassily Grinkov (the middle of the XVIII century). His translation, made from German in 1745, of Lodovico Guicciardini's compilation, is not widely known, but the circumstances of its appearance and the reconstruction of the environment in which it appears are extremely important to understand the mechanisms of European culture reception in Russia.

Key words: the Age of the Enlightenment, Empress Elizabeth, translated literature, officers of the Guards, manuscript miscellanea, Lodovico Guicciardini.

В собрании Научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова хранится небольшая (15,9×20,2 см) рукописная книга², дата написания которой в ней обозначена трижды. На *форзацном листе 2а (л. 1)* читается владельческая запись: «Книшка прапорщика Семена Кублицкого, 1757 году». После одной из частей книги, на л. 43об., дата («1757 году») повторена. На обороте последнего листа сказано: «Совершена октября

¹ Автор выражает признательность участникам семинара Лаборатории лингвосомиотических исследований «Высшей школы экономики» и сотрудникам Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета, чьи вопросы, замечания и советы в немалой степени способствовали появлению этого текста.

² Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ, шифр: 1Ru 756.

6 дня 1757 году в Санктпетербурге». Бумажные водяные знаки на листах книги не противоречат такой датировке³.

Семен Кублицкий⁴ — не только владелец рукописи, но и тот человек, кто взял на себя труд ее переписки, поскольку тождество почерка, которым сделана владельческая запись, и основного почерка книги несомненны.

³ Бумага голландского производства имеет водяные знаки «[ProPatria] ProPatria / GR под короной» и «[ProPatria] ProPatria / C&I Honig» и датируется 40–60-ми гг. XVIII в.; см.: Клепиков С.А. Филигранные и штамповые знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 955, 1044.

⁴ Кублицкие — литовский дворянский род, восходящий к XVI в.; внесен в I и VI части родословных книг Виленской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний.

Кодекс содержит всего 58 листов, плотно исписанных мельчайшим (высота самых крупных букв в строке не превышает 1 мм), но при этом ясно читающимся почерком, и представляет собой сборник уникального состава. Большую ее часть занимает перевод романа французской писательницы первой половины XVIII в. Ле Живр де Ришбур «Селим и Дамасина»⁵. При этом перевод данного сочинения, выполненный Иваном Акимовым (1724-1805)⁶, был напечатан только в 1761 г.⁷, а текст, содержащийся в рукописи, принадлежит анонимному переводчику и никогда не печатался, хотя по качеству, пожалуй, не уступит труду переводчика известного⁸.

Затем следуют две статьи, переписанные из журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Первая — «Экстракт письма из Лондона о бразильских ямах в коих находятся алмазы»⁹, вторая — озаглавленный «Скаска» текст¹⁰, который, как удалось выяснить, представляет собой произведение немецкого сатирика Готтлиба Вильгельма Рабенера (Gottlieb Wilhelm Rabener; 1714–1771), переведенное, скорее всего, известным в 1750-х годов литератором, а позднее директором Императорских театров Иваном Перфильевичем Елагиным (1725–1794)¹¹.

Последний текст, который мы находим в рукописи, озаглавлен «Забавные часы», но опознать автора этого сочинения удалось тоже только с некоторым усилием, поскольку вовсе не сразу стало ясно,

⁵ M-me Le Givre de Richebourg (1710–1780). Les Aventures de Zéline et de Damasine, histoire africaine. Partie 1–2. Paris: Chez de Maudouyt [1735]. В тот же год вышли еще два тиража романа: La Haye: P. Gosse и Amsterdam: Aux dépençe de la Compagnie.

⁶ В статье И.Ф. Мартынова, посвященной Ивану Ивановичу Акимову в Словаре русских писателей XVIII в. (Вып. 1. Л., 1988. С. 24), говорится о рукописных списках перевода этого романа, но не указан ни один из них.

⁷ [Ле Живр де Ришбур]. Селим и Дамасина африканская повесть; переведена с французского / [И.И. Акимовым]. СПб.: [Типография Академии наук], 1761; см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1963–1967 (далее — СК XVIII). № 3563.

⁸ Кстати, два списка, отмеченные в известном обзоре А.Н. Пыпина, содержат вовсе не перевод Ивана Акимова, как предполагал академик, а тот же текст, что и в рукописи Московского университета, и датируются один апрелем 1756, а второй — 1759 г. (см.: Пытин А.Н. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок и пр., в особенности из первой половины XVIII века (Изд. ОЛДП). М., 1888. С. 26).

⁹ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Типография Академии наук, 1755. Декабрь. С. 563–565.

¹⁰ Там же. 1756. Генварь. С. 66–69.

¹¹ См.: Лифшиц А.Л. Забытый перевод сатиры Г.В. Рабенера в рукописи из собрания Научной библиотеки Московского университета // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. [Сб.]. М., 2013. С. 48–58.

кто скрывается под именем «высокородного и славного господина Гвицци ардина» (л. 45об.) или, как это имя записано в другом месте, «господина Людвига и вици Ардина» (л. 46).

Вообще каллиграфический труд прапорщика Семена Кублицкого отличается одной особенностью, которая, как кажется, свидетельствует об обстоятельствах появления рукописи на свет. Ее переписчик явно не вчитывался в то, что он копирует, вероятно, оставляя это удовольствие на потом. В тексте время от времени встречаются ошибки внутреннего диктанта, лишаящие отдельные фразы смысла. Так, например, уже в самом начале романа о «Селиме и Дамасине» он пишет о морских разбойниках Арадине и Горухе Барберусе:

«Сии два брата родились в Милитине от родителей простых и подлых ничего не доставало им от рождения то изобильно награждено было от природы...».

Очевидно, что отрицательное местоимение «ничего» стоит на месте союза с относительным местоимением «но чего». Примеры можно было бы умножить без труда.

По всей видимости, прапорщик Семен Кублицкий торопился, а учитывая дату рукописи, можно даже предположить, что торопился он на театр боевых действий Семилетней войны, которые разворачивались в это время в Пруссии.

Как бы то ни было, выяснить, кого имел в виду Семен Кублицкий, удалось. Автором четвертого сочинения в рукописи, переписанной прапорщиком, был итальянец Лодовико Гвиччардини (Lodovico Guicciardini, 1521–1589), племянник знаменитого Франческо Гвиччардини, значительную часть жизни проведший за пределами Аппенинского полуострова и знаменитый прежде всего своим описанием Нидерландов и Бельгии¹². В нашей рукописи была переписана часть его компиляции «Часы отдохновения» (L'Nore di Recreatione), озаглавленной в русском переводе «Забавные часы». Собрание анекдотов и притч, частично известных еще с античных времен, было довольно популярным в Европе, неоднократно печаталось и в оригинале — по-итальянски, и в переводе на французский и немецкий языки.

В рукописи Семена Кублицкого были переписаны только 155 коротких историй, т. е. примерно третья часть от общего количества

¹² Commentarii di Lodovico Guicciardini delle cose piu memorabili segvite in Europa specialmente in questi Paesi Bassi, dalla pace di Cambrai: del M. D. XXIX. insino à tutto l'anno M. D. LX. libri tre. — Anversa: G. Siluio, 1565; Omnium Belgii, sive inferioris Germaniae, regionum descriptio: / Ludovico Guicciardino, nobili Florentino, Authore; recens ex idiomate Italico, ad exemplar tertium ac postremum ab ipso Authore recognitum, magnaue passim accessione locupletatum, in Latinum sermonem conversa... — Arnhemii: ex officina Iohannis Ianszonii, 1616.

фрагментов (анекдотов, факций и т. п.), каждому из которых автором была предпослана «мораль», разъясняющая смысл истории.

О русском переводе сочинения, который никогда не был напечатан¹³, есть сведения в довольно редком издании, вышедшем в свет на украинском языке¹⁴. Собственно, Елене Митрофановне Масловой были известны три рукописи, лишь одна из которых содержала перевод книги Гвиччардини¹⁵, а две другие — пересказы или переложения такого перевода¹⁶.

Но нас будет интересовать только кодекс, содержащий именно перевод «Забавных часов». Эта рукопись впервые была описана — и исследовательница ссылается на этот труд — Н.И. Петровым во втором выпуске его описания рукописей Церковно-археологического музея, существовавшего при Киевской Духовной академии¹⁷.

Историк характеризует рукопись как написанную на 119 листах «южнорусским письмом», в «четверку». Е.М. Маслова дополняет сведения описания указаниями размера рукописи (15,5 x 20,5 см) и уточняет ее датировку. По мнению исследовательницы, рукопись была написана в 1750–1760-х годов. Совершенно необычным оказывается переплет рукописи, на верхней крышке которой вытиснено распятие¹⁸. Впрочем, необычность переплета объясняется владельческой записью, сделанной на задней доске переплета украинской скорописью конца XVIII в. и воспроизведенной как Н.И. Петровым, так и Е.М. Масловой: «От книг Герасима, монаха свята Афонския Афанасиевския великия Лавры Горы».

Н.И. Петров предположил, что текст был переведен с польского, усмотрев в языке перевода полонизмы, но, вероятно, более основываясь на представлении о традиционном пути рецепции

¹³ Разумеется, и сам Лодовико Гвиччардини известен в России куда меньше своего знаменитого дяди Франческо.

¹⁴ *Маслова О.М.* Життя і літературна спадщина Лодовіка Гвіччардіні. Київ, 1929. Третья глава исследования называется «“L’Hore di recreatione” в російсько-українському перекладі XVIII віку» (с. 85–134). Сведения из этой работы были повторены в хрестоматии: *Байки в українській літературі XVII–XVIII ст. / Підг. тексту В.І. Кречотня.* Киев, 1963. С. 190–192.

¹⁵ При этом, как и в рукописи их Научной библиотеки МГУ, текст неполон: он обрывается на 365 фрагменте. См.: *Маслова О.М.* Указ соч. С. 103.

¹⁶ Одна из этих рукописей, находившаяся в частной коллекции, — сборник 1760-х годов, который включает среди прочего пять листов, так и озаглавленных «Виметки з забавних часов Лудовика Гвицциардина» (*Маслова О.М.* Указ. соч. С. 105). Уже из названия видно украинское происхождение рукописи. Вторая рукопись — также сборник, который датируется временем не ранее 1789 г.

¹⁷ *Петров Н.И.* Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. 2. Киев, 1877. С. 396–398 (шифр рукописи, указанный Н.И. Петровым: Муз.рук. j. III. 31.2).

¹⁸ *Маслова О.М.* Указ. соч. С. 102–103.

западноевропейских художественных текстов русской низовой культурой. Е.М. Маслова называет перевод фактом как русской, так и украинской литератур. Первой — по языку, на который был осуществлен перевод, второй — по происхождению переводчика¹⁹. В качестве доказательств украинского происхождения переводчика приводятся примеры смещения И и Ы, Ъ и И и т.п., которые, на наш взгляд, не могут быть признаны серьезным аргументом, поскольку вовсе не понятно, как можно определить по отдельно взятым графико-орфографическим признакам, принадлежат ли они языку перевода или языку переписчика²⁰.

В рукописи из Киевской духовной академии, описанной Н.И. Петровым и Е.М. Масловой, текст озаглавлен «*Забавные часы Людовика Гвицциардина, мещанина и шляхтича флорентийскаго, напечатаны в Колонии 1624 году*». Иными словами, указан печатный источник русского перевода, оставшийся неизвестным нашим предшественникам. Кроме того, и в этой рукописи, и в рукописи из Научной библиотеки МГУ тексту «Забавных часов» предшествует перевод посвящения, которым издатель сопроводил свою продукцию.

Из предисловия следует, что книга, с которой был осуществлен перевод, увидела свет 16 марта 1624 г. в Кельне, а ее издатель, названный в нашей рукописи «Матис Смитц», — это известный кельнский печатник Matthäus Schmitz, который действительно издал в 1624 г. немецкий перевод сочинения Лодовико Гвиччардини²¹ и посвятил свое издание Иоганну Адольфу фон Дауну, графу Фалькенштейну (Johann Adolf von Daun, Graf von Falkenstein; 1585–1653). Немецкому переводу итальянского текста мы, разумеется, обязаны и превращением Лодовико в Людвига.

Вообще-то уже сведения об использовании для перевода редкого кельнского издания, вероятно, должны свидетельствовать о тождестве переводов, содержащихся в московской и киевской рукописях.

Это тождество подтверждается фрагментом текста, приведенным Е.М. Масловой, который, хотя и имеет отличия от текста рукописи Московского университета, не дает оснований подозревать существование какого-то иного перевода. Различия в списках — естественное следствие разной тщательности воспроизведения протографа.

¹⁹ Там же. С. 85.

²⁰ В качестве еще одного аргумента в пользу украинского происхождения переводчика Е.М. Маслова называет украинское происхождение известных ей рукописей (см.: Маслова О.М. Указ. соч. С. 117). Очевидно, это наблюдение является важным для истории чтения в Российской империи, но едва ли может быть принято за доказательство.

²¹ *Erquickstunden H. Ludwigs Guicciardini, Bürgers vnd Edelmanns von Florentz/ [et]c ... / Durch Caspar Ens verteußt. Cölln: Smitz, 1624.*

<p>«Киевская» рукопись²²</p> <p>Некий человек, потеряв теленка, творил богу Юпитеру обещание: ежели объявит ему хищника, то хочет ему ягненка в жертву принести.</p> <p>И как он стал того теленка искать, нашел недолго после того на льва в лесу, которы того теленка пожирает, от того он весьма ужаснулся и, подняв руки свои к небу, возопил:</p> <p>«О, Юпитер! прежде обещал я тебе ягненка, буди объявишь мне татя теленка моего, ныне же я, оного нашед, обещаю тебе быка, ежели мене от когтей лвовых избавишь»</p>	<p>«Московская» рукопись (л. 46)</p> <p>Некий пастух потерял теленка, творил богу Юпитеру обещание: ежели объявит ему хищника, то принести в жертву ягненка.</p> <p>И как он стал того теленка искать, нашел в лесу на льва, которой того теленка пожирает, отчего он весьма ужаснулся и, подняв руки свои к небу, возопил:</p> <p>«О, Юпитер! прежде обещал я тебе, буде объявишь мне татя моего теленка, ныне же я, оного нашед, обещаю тебе быка, ежели меня от кохтей лвовых избавишь»</p>
---	---

Указание Н.И. Петровым на «значительное число польских выражений»²³ свидетельствует, скорее, о недостаточной гибкости русского языка переводчика, который не вовсе смог преодолеть синтаксис немецкого оригинала. На что, по-видимому, и обратил внимание исследователь. Временами действительно бросается в глаза синтаксическая непростота текста, большое количество архаичных союзов. Переводчик употребляет церковнославянские союзы *аще, егда, понеже*; местоимение *аз*; наречие *доднесь*; свойственные церковнославянскому языку окончания существительных: *в печалех* (л. 45об.), и т. п.

Но в немалом числе случаев, особенно, если текст не искажен копиистом, он бывает даже не лишен изящества. Так, например, переведен известный образец античного остроумия (текст по списку Кублицкого (л. 46) воспроизводится с упрощением графики и расставленными знаками препинания):

Храбрые и дружелюбные слова камандующих творят воюющим смелость.

Некий салдат, пришед в великом страхе к Леониду, и сказал: «Господин капитан»²⁴, неприятель к нам блиско подходит». На что отвечал ему Леонид: «И мы к ним блиско подошли, не устрашайся». Другий воин сказал ему же: «Неприятельская сила так сильна, что от множества стрел их сонца не видно». На что отвечал ему: «Изрядная ли та баталия будет, когда мы под тению битися будем?»».

Однако копия «Забавных часов» из собрания Библиотеки Московского университета замечательна тем, что, в отличие от иных из-

²² Маслова О.М. Указ. соч. С. 111.

²³ См.: Петров. Указ. соч. С. 397.

²⁴ Соответствует “саритано” итальянского оригинала.

вестных списков, содержит еще и имя переводчика. Текст на л. 45об. начинается следующим образом:

«Дедикация Матиса Смитца Сиятельному графу Иоганну Одольффу Фандауку (так!) наследнику Фалкенштейнскому, Оберштейнскому и Броскому. Сочинена в Келне марта 16 дня 1624 году, переведена в Санкт-Петербурге Василием Гринковым в 1745-м году».

Очевидно, что поисковых данных явно недостаточно для того, чтобы обнаружить переводчика, который не засвидетельствован «Словарем русских писателей XVIII века», отсутствует в именных указателях к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати» и не попадает нигде, где вообще мог бы попасться заинтересованному исследователю переводчик художественной прозы, трудившийся в середине XVIII в. Более или менее очевидно, что человек, переведивший с немецкого, но не найденный среди гражданских чиновников, с большой долей вероятности должен быть военным.

Но, казалось бы, что за необходимость разыскивать человека, который по какой-то причине перевел показавшееся ему интересным произведение? Нет нужды доказывать, что во времена Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны время от времени кто-то из многочисленных гвардейских или армейских офицеров брался переводить с европейских языков какой-нибудь нескучный текст, не ожидая, что перевод будет напечатан²⁵.

Но случай Василия Гринкова²⁶, несомненно, отличен от иных «самодеятельных» переводов хотя бы потому, что, как мы видим, его перевод явно существовал не в единственном списке. При этом хранящаяся в библиотеке Московского университета копия отстоит от времени перевода на 12 лет. Замечательно также и само время осуществления Гринковым перевода. Если не считать романа Поля Тальмана (Paul Tallemant le Jeune; 1642–1712), переведенного В.К. Третьяковским²⁷, то за редким исключением известные нам переводы художественной прозы датируются уже 1750-ми гг. или даже царствованием Екатерины II. Хотя бы уже по этой причине Василий Гринков должен быть сочтен фигурой, заслуживающей внимания.

²⁵ См., например: *Лифшиц А.Л.* История азиатской княжны Яйвены, королевы Мексической // Про книги: Журнал библиофила. 2007. № 2. С. 11–17; *он же.* Рукописный роман XVIII в. в собрании Демьяна Бедного // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2012. С. 340–344.

²⁶ Предпочитаем вариант написания фамилии *Гринков* как представленный в подавляющем большинстве просмотренных нами документов, осознавая при этом, что для орфографической практики XVIII в. пропуск *ь* на стыке морфем вполне обычен, а суффикс *-к* является смягчающим.

²⁷ *Езда в остров любви* / Переведена с французского на русский. Чрез студента Василия Третьяковского; и приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. [СПб.: Типография Академии наук], 1730 (СК XVIII, № 7130).

В Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА), который располагается в Москве во дворце Меншикова в Лефортово, в именной картотеке, впрочем, отражающей материалы XVIII в. весьма фрагментарно, удалось обнаружить некоего Василия Гринкова, служившего в 1750 г. Обращение непосредственно к указанному документу подтвердило существование секунд-майора Воронежского пехотного (мушкетерского) полка, который находился в этом чине с 1 января 1748 г., а в 1750-м, вероятно, вследствие болезни «отпущен для рекреации в дом и из полку выключен»²⁸. Но в интересующем нас 1745 г. Василий Гринков не числится в Воронежском пехотном полку²⁹, что, скорее всего, означает его поступление в полк на вакантное секунд-майорское место между 1745 и 1748 гг. Свидетельств об этом в небольшом фонде «старого» (XVIII в.) Воронежского пехотного полка не сохранилось. Заметим, что сохранность полковых архивов XVIII в. вообще оставляет желать лучшего, особенно же если полк был расформирован еще до царствования Павла I. Следовательно, остается совершенно неясным, в каком из множества полков русской армии мог находиться наш герой в 1745 г.

Оговоримся при этом, разумеется, что отождествление секунд-майора с переводчиком в данном случае может носить исключительно гипотетический характер.

Еще раз Василий Гринков был найден при помощи указателя к «Санктпетербургским ведомостям»³⁰. В одном из выпусков газеты, напечатанном летом 1742 г., говорилось о производстве в подпоручики 25 апреля, «в высочайший день коронавания» императрицы Елизаветы, среди прочих лиц прапорщика Василия Гринкова³¹. Но и здесь приходится признать, что произведенный в подпоручики прапорщик Василий Гринков может быть всего лишь тезкой секунд-майора и к тому же вовсе не обязательно знал хоть слово по-немецки. Однако, предположение, что обнаруженные подпоручик и секунд-майор являются одним лицом, стоило проверить.

Заметим, что стать секунд-майором из подпоручика за шесть лет в отсутствие выдающихся свершений офицер мог обычно только в том случае, если он переходил из гвардии в армию.

²⁸ РГВИА, ф. 489, оп. 1, ед. хр. 7010 («Список генералитету и штаб-офицерам 1750-го году»), л. 54.

²⁹ Василий Гринков не значится в списках Воронежского пехотного полка за 1745 г. (РГВИА, ф. 490, оп. 1, ед. хр. 274: «Список именной Воронежского пехотного полку о штап-, обер- и ундер-афицерах сочиненной по инспекторской инструкции крис-камисара Грушевского 1745 году ноября 4 дня»).

³⁰ Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века: Указатели к содержанию. 1741–1745. Л., 1991. С. 184.

³¹ Санктпетербургские ведомости. 1742. № 50. С. 6.

В интересующее нас время в русской армии было четыре лейб-гвардейских полка: Преображенский, Семеновский, Измайловский и Конный.

И действительно: в сохранившихся документах Преображенского полка нами был найден подпоручик 14-й роты Василий Гринков, поступивший на службу в гвардию в 1724 г., получивший обер-офицерский чин (т. е. ставший прапорщиком) в 1741 г., а в подпоручики произведенный 25 апреля 1742 г.³², что в точности совпало со сведениями «Санктпетербургских ведомостей».

По документам фонда Преображенского полка удалось восстановить практически весь послужной список Василия Гринкова.

Скажем сразу, что большинство просмотренных нами документы называют годом вступления Гринкова в службу не 1724, а 1728, так что можно полагать, что встречающееся иногда указание иного года является следствием ошибки³³.

Василий Гринков происходил из «шляхетства» и, как указывают «Списки офицеров и нижних чинов из дворян» за 1733 г., в этом году солдат 3-й роты «Василий Гренков» являлся единоличным владельцем 76 крепостных в Переславль-Залесском и 24 — в Белозерском уездах³⁴. Род дворян Гринковых известен³⁵; очевидно, один из представителей этого рода, записанный как Гринков, или Гренков, был помещиком соседнего с Переславским Углицкого уезда в 1592 г.³⁶

Итак, дворянин Гринков начинает службу в 1728 г. «салдатом». «Именной список всех чинов полка» от 1737 г. указывает, что Гринков поступает на службу в гвардию 2 марта 1728 г.³⁷ Возраст Гринкова не указан, но напротив предыдущего имени в столбце стоит цифра 26. Вполне вероятно, что писарь сэкономил усилия, подразумевая, что и Василию Гринкову исполнилось столько же лет. Это вполне правдоподобно, поскольку означает, что наш герой был 1711 или 1712 г. рождения и вступил в службу в 17 лет — вполне подходящий возраст, чтобы перестать быть недорослем.

³² РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 314 («Списки по старшинству» за 1744 год), л. 14об.

³³ Надо сказать, что встречающиеся расхождения в датах, насколько можно судить, более или менее естественная особенность ведения полковой канцелярии. Так, в списках, составленных 25 апреля 1747 г., присвоение Василию Гринкову звания подпоручика датировано 25 апреля 1741 г. (РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 346, л. 8об.-9), указано наличие у него 153 крепостных, а сроком начала службы вновь указан 1724 г. В аналогичных списках за 1743 г. Василий Гринков обозначен как подпоручик «от бомбардиров», который числится в гвардии с 1728 г. и имеет 189 душ крепостных (РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 302, л. 8об.-9).

³⁴ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 184, л. 9об.

³⁵ *Савелов Л.М.* Родословные записи. Вып. 2. М., 1908. С. 275.

³⁶ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII вв. Т. 1. 1997. С. 161–162. Сердечно благодарю А.В. Лаврентьева, обратившего внимание на эти сведения.

³⁷ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 197, л. 8.

Из составленного в 1737 г. «Послужного списка полка», узнаем, что 1 ноября 1736 г. Василий Гринков произведен в капралы той же 3-й роты Лейб-гвардии Преображенского полка³⁸. В «Ведомости» личного состава полка на 21 апреля 1738 г.³⁹ капрал Василий Гринков показан как находящийся «в походе». Другой документ уточняет, что это был за поход: наш герой находился «во вторых шанцах» при осаде и штурме Очакова летом 1737 г. и был «прикомандирован на ординарцы»⁴⁰.

С 23 апреля 1739 г. Василий Гринков числится уже каптенармусом 8-й роты Преображенского полка⁴¹. Именной список всех чинов полка, составленный 5 марта того же 1740 г., называет более раннюю дату вступления Василия Гринкова в должность каптенармуса: 16 генваря 1739 г.⁴² В этом документе указано также количество душ, которыми он владеет: теперь их 189. Имя Василия Гринкова и имена двух соседей по списку выделены фигурной скобкой, рядом с которой на внешнем поле листа стоит помета: «Были в походе».

В 1741 г. Василий Гринков награжден золотой медалью, выпущенной по случаю погребения императрицы Анны Иоановны, в котором он принимает участие⁴³; в том же году получает первый «классный» чин и становится прапорщиком, а спустя совсем недолгое время, 25 апреля 1742 г., он уже произведен в подпоручики.

В чине подпоручика 14-й роты Лейб-гвардии Преображенского полка он пребывает и в 1745 г., когда, как сказано в рукописи из библиотеки Московского университета, был осуществлен перевод сочинения Лодовико Гвиччардини.

На 1 января 1747 г. подпоручик Василий Гринков числится среди тех, кто находится «в отпуску в домех на разные сроки»⁴⁴. То же подтверждает уже цитированный документ от 25 апреля 1747 г., в котором подпоручик 14-й роты Василий Гринков значится как находящийся «в отпуску»⁴⁵.

В списке унтер-, обер- и штаб-офицеров Преображенского полка, составленном 27 марта 1748 г., как и в позднейших⁴⁶, Василий Гринков не значится. Среди документов Преображенского полка его имя последний раз находим в «Списках лейб-гвардии полков обер-офицерам,

³⁸ Там же, ед. хр. 206, л. 14.

³⁹ Там же, ед. хр. 205 («Списки желающих в отпуск, командировочных находящихся в отлучках...»), л. 34об.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 220 («Список командированных в турецкий поход... 1737–1739 гг.»), л. 39об.

⁴¹ Там же, ед. хр. 238 (Послужной список офицеров полка, 1740 г.), л. 15об.

⁴² Там же, ед. хр. 244, л. 36.

⁴³ Там же, ед. хр. 262 (Списки... бывших на погребении...), л. 5.

⁴⁴ Там же, ед. хр. 304, л. 136об.

⁴⁵ Там же, ед. хр. 346, л. 8об.–9.

⁴⁶ Там же, ед. хр. 369 (Списки по старшинству..., 1749 г.).

желающим выпуск в армейские полки» от 1 января 1748 г.⁴⁷, где он назван рядом с двумя подпоручиками Преображенского полка.

Напомним, что именно с 1 января 1748 г. в Воронежском полку числится секунд-майор Василий Гринков. Стремительное превращение из подпоручиков в секунд-майоры, т. е. уже в штаб-офицеры, сразу через три чина, не является чем-то необычным, что, кстати, и засвидетельствовано документально: точно так же в секунд-майоры был произведен один из тех подпоручиков, которые упоминались вместе с Гринковым, — Франц Альбрехт⁴⁸.

Но отождествление подпоручика и секунд-майора ни коим образом не снимает вопроса о том, этот ли Василий Гринков был переводчиком.

Для решения проблемы совсем небесполезен оказывается владелец рукописи из собрания Научной библиотеки МГУ. Его имя, по счастью, тоже нашлось в именной картотеке РГВИА. В ней значится подпоручик Азовского драгунского полка Семен Кублицкий, произведенный в этот чин 25 апреля 1761 г.⁴⁹, а в начале следующего 1762-го находившийся в «Танбове для покупки в армию казенных лошадей»⁵⁰ в команде генерал-майора Лачинова⁵¹.

Поскольку фамилия «Кублицкий» заведомо гораздо более редкая, чем фамилия нашего переводчика, то можно пренебречь поисками иного Семена Кублицкого, который был бы в обер-офицерском чине в конце 1750-х или начале 1760-х гг.

Из цитируемого документа узнаем, что Семен Кублицкий «грамотен, писать умеет» (хотя переписанная им рукопись — и так лучшее тому свидетельство), и «сверх того арифметика некоторую часть знает». И как резюме помета: «К повышению чина достоин». Документ раскрывает некоторые подробности послужного списка Семена Кублицкого. Так, сказано, что предыдущий чин прапорщика, в котором он в сентябре-октябре месяцах 1757 г.⁵² переписывает

⁴⁷ Там же, ед. хр. 335 (Именные указы и повеления за подписью разных персон, 1746–1748 гг.), л. 94.

⁴⁸ Там же. Л. 98 (Промемория от 3 января 1748 г.).

⁴⁹ РГВИА, ф. 490, оп. 3, ед. хр. 201 («Список, учиненный 762 году за генварскую треть... о полевых драгунских полков офицеров»), л. 50об.–51.

⁵⁰ Забавно, что полковник Азовского драгунского полка Яков Макшеев в это же время находился под следствием из-за покупки для армии «негодных казенных лошадей» (РГВИА, ф. 490, оп. 3, ед. хр. 201, л. 34).

⁵¹ Скорее всего, речь идет об Александре Петровиче Лачинове (? — 1784), который возглавлял комиссию по закупке лошадей (см.: РГВИА, ф. 145, оп. 1), а с 1764 г. занимал посты Воронежского, а затем Оренбургского губернатора.

⁵² Не вполне понятно, почему прапорщик Кублицкий оказался в Петербурге, в то время как его Азовский драгунский полк принимал участие в боевых действиях в Пруссии. Впрочем, надо полагать, что, переписав рукопись, Семен Кублицкий присоединился к полку.

рукопись из Научной библиотеки Московского университета, он получил 1 июля того же года, перейдя в армию из гвардии-капралов. А чин капрала он получил 22 сентября 1755 г., находясь «в службе» с 25 марта 1752-го.

Учитывая, что в 1755 г. в России было, как уже было сказано ранее, только четыре гвардейских полка, можно было счесть перспективы поиска воодушевляющими. Наши поиски были обращены прежде всего на Преображенский полк, поскольку в этом случае исключалось бы совсем уж произвольное попадание в руки прапорщика Кублицкого перевода подпоручика Гринкова. А обнаружение Кублицкого именно в Преображенском полку косвенно подтверждало бы отождествление известного нам Василия Гринкова с переводчиком произведения Гвиччардини.

Гвардии-капрал Семен «Кульбицкий» — так записана была фамилия в исследованных нами документах — отыскался в 6-й мушкетерской роте Лейб-гвардии Преображенского полка. Кублицкий был показан среди тех пятидесяти капралов, кто в мае-июне 1757 г. был «выпущен» в армию. Приказ о его переводе состоялся 16 мая⁵³.

Кроме уже известного нам года поступления на военную службу (1752), документ содержит уточненную дату производства в чин капрала: не 22, а 20 сентября 1755 г. Здесь же сказано, что он является владельцем 100 крепостных душ. В списке офицеров Преображенского полка, составленном годом ранее⁵⁴, говорится, что капрал 6-й роты Семен Кублицкий находится на «племянничьем» окладе⁵⁵ и является владельцем 45 душ. Вторая ревизия проводилась в 1744-1745 гг., а значит, разница в количестве крепостных, которыми владел Семен Кублицкий, может быть объяснена, например, получением наследства, а не разницей в счете.

После изданного императором Петром Федоровичем 18 февраля 1762 г. «Манифеста о вольности дворянства» подпоручик Семен Кублицкий, вероятно, выходит в отставку. В 1766 г. документы показывают его рязанским помещиком, владельцем 147 душ в Пронском

⁵³ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 465 («О выпуске унтер-офицеров и солдат из дворян в армию офицерами»), лл. 11 и 34; о количестве перешедших из гвардии в армию в капралов Преображенского полка сказано на л. 2 этого же документа.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 439 (Список штаб-, обер- и унтер-офицеров, 1756 г.), л. 34об.–35. То же показано в «Списке по старшинству...» за 1755 г. (РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 433).

⁵⁵ В гвардейских полках делились на тех, кто получал «старый» оклад и тех, кто был на более скудном, так называемом племянничьем, окладе (см., например: ПСЗ-1. Т. XI. С. 96, № 8082). Капрал 6-й роты Преображенского полка Семен Кублицкий состоял на «племянничьем» окладе, что составляло 16 руб. и 74 и ½ коп. в год, включая сюда хлебное довольствие и соль (РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 431, табель личного состава).

уезде, хозяином нескольких деревень и отцом многочисленного семейства⁵⁶.

Для наших рассуждений важно, что Семен Кублицкий начинает службу в Преображенском полку спустя четыре года после того, как полк покидает Василий Гринков⁵⁷. Перевод сочинения Гвиччардини он переписывает еще пятью годами позже, находясь в Петербурге в составе армейского полка. Это может означать только одно: по крайней мере, среди офицеров, или, лучше сказать, дворян Преображенского полка существовала традиция рукописных книг, которые, возможно, переписывались и в других полках. Правдоподобным выглядит предположение, что Семен Кублицкий мог попросить книгу у своих бывших сослуживцев по Преображенскому полку, чтобы торопливо скопировать ее перед походом⁵⁸.

Остается вопрос о том, где Василий Гринков мог приобрести свои познания в немецком, достаточные для перевода не самого простого, к тому же, вероятно, уже несколько архаичного по языку текста, который, напомним, был напечатан в 1624 г., т. е. за 120 лет до того, как Гринков взялся его переводить.

Если наши расчеты верны и Василий Гринков в 17 лет из дворянских недорослей поступил на службу, то едва ли он получал формальное образование в каком-либо учебном заведении, а значит, его образование было домашним — наподобие описанного в «Капитанской дочке». Вполне вероятно, конечно, что при определенных условиях этого могло оказаться вполне достаточно.

Между тем среди бумаг полковой канцелярии Преображенского полка обнаружился очень небольшой, но крайне интересный комплекс документов⁵⁹, который, если и не имеет непосредственного

⁵⁶ В адрес-календарях имя Семена Кублицкого не засвидетельствовано (см.: Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / Сост. В.П. Степанов. СПб., 2003). Но отставной подпоручик Семен Афанасьевич Кублицкий (1736–?) известен; известны также его дети: Иван, Павел, Екатерина, Александра, Марфа, Варвара, Надежда и Егор, которые родились с 1768 по 1787 г. См.: <http://forum.molgen.org/index.php?topic=33.2085> и <http://history-ryazan.ru/node/10840> (обращение: 25.10.2012).

⁵⁷ Заметим, что они принадлежат к разным поколениям. Буквально, Кублицкий годится Гринкову в сыновья.

⁵⁸ Когда послужной список Семена Кублицкого был установлен, обнаружилось подтверждение точности наших разысканий. Как оказалось, руке Семена Кублицкого принадлежат три рукописи, хранящиеся в Российской государственной библиотеке в собрании В.М. Ундольского (№ 664, 912 и 925). В одной из них, написанной в 1754 г., он подписался как солдат Преображенского полка, а в другой — в соответствии с продвижением по службе — как капрал: «Писана рукою лейб гвардии Преображенского полку капрала Семена Кублицкого 1755 году» (см.: *Викторов А.Е.* Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского. Библиографический очерк. М., 1870. С. 33, 51; *Пытин*. Указ. соч. С. 17, 21).

⁵⁹ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 311 (Именные указы за 1744–1745 гг.), л. 116–118.

отношения к Василию Гринкову, то дополняет наши представления о жизни гвардейских унтер- и обер-офицеров в 1740-х гг.

Это приказ от 28 апреля 1745 г., «кантракт» и сопровождающие этот договор «кондиции», датированные 1 мая того же года. Из документов следует, что по приказу подполковника Преображенского полка великого князя Петра Федоровича был нанят

«шленской нации иноземец Крестьян Готтлиб Гулдиер (так!) ... реченого полку ундер-офицеров, салдат и других чинов, сколко охотно желающих быть имеет, обучать немецкому и французскому языком».

За это Христиан Готтлиб Гулднер⁶⁰ должен был получать 200 рублей в год — немалые деньги⁶¹, — а сверх того ему предоставлялось жилье, отапливаемое за счет полка, и по три сальных свечи в день. В «кондициях» указано было также, что Христиану Гульднеру вменялось докладывать дежурному майору, если ученики не проявляют должного прилежания.

О том, что за успехами учеников следили, свидетельствует приказ по Преображенскому полку от 28 января следующего, 1746-го, года. В нем читаем:

«...господам офицерам ...обретающимся для обучения в полковой школе инженерной науки, тако ж французского и немецкого языков ундер-офицером, капралом, гранодером и салдатом накрепко подтвредить, чтоб обучались со всякою прилежностью, которые за их прилежное обучение произведены будут рангами. А ежели которые за ленностию обучатца прилежно не будут, таковые никогда рангами произведены не будут»⁶².

Весьма вероятно, что уроженец Силезии был не первым «иноземцем», нанятым обучать иностранным языкам преображенских гвардейцев. Очевидно также, что и другие гвардейские полки не пренебрегали возможностью нанять учителей. А это означает, что даже если мы предположим, что Василий Гринков блестяще выучил немецкий язык, еще будучи недорослем, то важно понимать, что в Преображенском полку он оказывался в окружении людей, заинтересованных в постижении европейской цивилизации (пусть порой их настойчиво подталкивало к этому полковое начальство).

⁶⁰ Есть его подпись под контрактом, из которой видно, что писарь искажил имя силезского немца, коим, очевидно, был нанятый учитель, и его зовут именно так: Christian Gottlieb Guldner.

⁶¹ Для сравнения скажем, что переводчику Академии наук Василию Ивановичу Лебедеву в 1742 г. было определено жалованье «по сту по пятидесять рублей» в год (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 3, оп. 1, кн. 2332, л. 36).

⁶² РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 335, л. 3.

Перевод Василия Гринкова появляется тогда, когда очередным изданием выходит сборник «Апоффегмата» Беняша Будного⁶³ и, очевидно, когда существует потребность в подобном необременительном и одновременно познавательном чтении, знакомившем читателя с background'ом европейской цивилизации.

С 1750-х гг. число самостоятельных переводов художественных текстов заметно возрастает. В начале 1750-х гг. осуществлен перевод романа Г.А. фон Циглер-Клиппгаузена «Азиатская Баниза»⁶⁴. В 1753 г. переведен роман «Приключения азиатской княжны Яйвены, королевы Мексической» и он же под названием «История о принцессе Явене, королеве Мексиканской» — в 1757⁶⁵. В 1758 г. переведено «Приключение Зекзекбека Индостанца»⁶⁶. Список далеко не окончательный. Но «Забавные часы» Лодовико Гвиччардини — одни из первых.

Чуть позже и, как всегда, с некоторым запозданием потребность в подобном чтении стали восполнять сходные по содержанию с «Забавными часами» книги, вышедшие из типографий в первые годы уже следующего царствования⁶⁷. Как раз тогда типографская продукция стала активно вытеснять рукописную традицию переводной литературы на периферию культурной жизни образованного сословия.

Список литературы

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII вв. Т. 1. М., 1997.

Апоффегмата: То есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки,

⁶³ Апоффегмата: То есть кратких витиеватых и нравоучительных речей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних философов / Переведены с польского на славенский язык. — Против 1-го издания 3-м тиснением напечатано. СПб.: [Типография Академии наук], 1745.

⁶⁴ *Lifšic A.L. Die Asiatische Banise in russischer Sprache: Zur Suche nach dem Übersetzer // Die europäische Banise: Rezeption und Übersetzung eines barocken Bestsellers / hrsg. von Dieter Martin und Karin Vorderstemann. Berlin: De Gruyter, 2013. S. 399–420.*

⁶⁵ См.: *Лифшиц А.Л.* Рукописный роман XVIII в. в собрании Демьяна Бедного // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2012. С. 340–344.

⁶⁶ *Пытин.* Указ. соч. С. 26.

⁶⁷ Например: Товарищ разумной и замысловатой или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древняго и нынешняго веков / Переведенной с французского и умноженной из разных латинских к сей же материи принадлежащих писателей как для пользы, так и для увеселения общества. Петром Семеновым. Ч. 1–2. СПб.: [Типография Сухопутного кадетского корпуса], 1764 (СК XVIII, № 6408) или [*Ланге, Иоганн Петер*]. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии: Переведено с латинского языка. [М.]: Печатано при Императорском Московском университете, 1769 (СК XVIII, № 3450).

- пословицы и разговоры различных древних философов / Переведены с польского на славенский язык. Против 1-го издания 3-м тиснением напечатано. СПб: [Типография Академии наук], 1745.
- Байки в українській літературі XVII-XVIII ст.* / Підг. тексту В.І. Кречотня. Київ, 1963.
- Викторов А.Е.* Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского. Библиографич. очерк. М., 1870.
- Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века: Указатели к содержанию. 1741–1745. Л., 1991.
- Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Типография Академии наук, 1755–1756.
- Езда в остров любви / Переведена с французского на руской. Чрез студента Василья Тредиаковского; и приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. [СПб.: Типография Академии наук], 1730.
- Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.
- Ланге И.П.* Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии: Переведено с латинского языка. [М.]: Печатано при Императорском Московском университете, 1769.
- Ле Живр де Ришбур.* Селим и Дамасина африканская повесть; переведена с французского / [И.И. Акимовым]. СПб.: [Типография Академии наук], 1761.
- Лифшиц А.Л.* Забытый перевод сатиры Г.В. Рабенера в рукописи из собрания Научной библиотеки Московского университета // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. [Сб.]. М., 2013.
- Лифшиц А.Л.* История азиатской княжны Яйвены, королевы Мексической // Про книги: Журнал библиофила. 2007. № 2.
- Лифшиц А.Л.* Рукописный роман XVIII в. в собрании Демьяна Бедного // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2012.
- Мартынов И.Ф.* Акимов, Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. Л., 1988.
- Маслова О.М.* Життя і літературна спадщина Лодовіка Гвіччіярдіні. Київ, 1929.
- Петров Н.И.* Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. 2. Киев, 1877.
- Пытин А.Н.* Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок и пр., в особенности из первой половины XVIII века (Изд. ОЛДП). М., 1888.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1963–1967.
- Савелов Л.М.* Родословные записи. Вып. 2. М., 1908.
- Товарищ разумной и замысловатой, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений

- знатных мужей древняго и нынешняго веков / Переведенной с французскаго и умноженной из разных латинских к сей же материи принадлежащих писателей как для пользы, так и для увеселения общества. Петром Семеновым. Ч. 1–2. СПб.: [Типография Сухопутного кадетского корпуса], 1764.
- Guicciardini L.* Comentarîi di Lodovico Gvicciardini delle cose piv memorabili segvite in Evropa specialmente in qvesti Paesi Bassi, dalla pace di Cambrai: del M. D. XXIX. insino à tutto l'anno M. D. LX. libri tre. Anversa: G. Siluio, 1565.
- Guicciardini L.* Omnivm Belgii, sive inferioris Germaniae, regionvm descriptio: / Ludovico Guicciardino, nobili Florentino, Authore; recèns ex idiomate Italico, ad exemplar tertium ac postremum ab ipso Authore recognitum, magnaue passim accessione locupletatum, in Latinum sermonem conversa... Arnhemii: ex officina Iohannis Iansonii, 1616.
- Guicciardini L.* *Erquickstunden H.* Ludwigs Guicciardini, Bürgers vnd Edelmanns von Florentz [et] c ... / Durch Caspar Ens verteutsch. Cölln: Smitz, 1624.
- Le Givre de Richebourg.* Les Aventures de Zélime et de Damasine, histoire africaine. Partie 1–2. Paris: Chez de Maudouyt [1735].
- Lifšic A.L.* “Die Asiatische Banise” in russischer Sprache: Zur Suche nach dem Übersetzer // Die europäische Banise: Rezeption und Übersetzung eines barocken Bestsellers / hrsg. von Dieter Martin und Karin Vorderstemann. Berlin: De Gruyter, 2013.

Сведения об авторе: *Лифшиц Александр Львович*, канд. филол. наук, заведующий сектором рукописей Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент факультета филологии НИУ ВШЭ. E-mail: alifshits@hse.ru

Е.В. Федорова

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ДРЕВНЕЙШЕГО ПЕРЕВОДА ТОЛКОВОГО ЕВАНГЕЛИЯ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО

В статье рассматриваются лексические особенности первого перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского. По употреблению некоторых малораспространенных лексем этот памятник сближается с определенной группой текстов с толкованиями, а также с некоторыми другими источниками, сочетающими одновременно лексические русизмы и болгаризмы. Появление южнославянизмов в Толковом Евангелии обусловлено переводческим решением разграничения греческих лексем и различных смысловых оттенков одной греческой лексемы.

Ключевые слова: Толковое Евангелие, редакции, лексические особенности.

Lexical peculiarities of the first translation of The Explanation of the Gospels by Theophylact of Bulgaria are considered in the article. In its use of some less widespread lexemes, this document is close to a certain group of texts with interpretations, as well as with some other sources combining lexical russianisms and bulgarianisms. The appearance of South Slavic terms in The Explanation of the Gospels is caused by the translator's decision to distinguish between Greek lexemes and various shades of meaning of one particular Greek lexeme.

Key words: The Explanation of the Gospels, redactions, lexical peculiarities.

Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского (далее — ТЕ) представляет собой евангельский текст в сопровождении богословского комментария, в основу которого были положены толкования Иоанна Златоуста. Эти катены на Четвероевангелие были составлены в конце XI — начале XII в. архиепископом Феофилактом Болгарским. Славянский перевод был выполнен до 1117 г., на что указывает, по наблюдению Г.А. Воскресенского, присутствие в Мстиславовом Евангелии пояснительного прибавления в Мф. 5:22 *нже бо речеть братоу своемуу рака. рака бо речеться сурьскы опльванъ*, взятого из толкования Феофилакта Болгарского на соответствующий евангельский стих [Воскресенский, 1896: 279].

Вопрос о происхождении перевода ТЕ исследователи затрагивали еще в конце XIX в., однако данная проблема изучена недостаточно. Профессор И.Е. Евсеев в 1916 г. выступил с докладом, в котором

настаивал на болгарском происхождении перевода, а участвовавший в обсуждении доклада академик А.И. Соболевский возразил, что, по его мнению, было два отдельных перевода ТЕ, один из которых «стоит как будто в связи с русской письменностью» [Богословские труды, 1975: 225].

К изучению Толкового Евангелия исследователи вернулись лишь в конце XX в. В частности, было установлено существование второго перевода ТЕ. Так, М.Б. Бабицкая говорит о существовании второго, болгарского, перевода Евангелия от Иоанна середины XIV в. [Бабицкая, 1996: 631], Т.В. Пентковская о втором болгарском переводе Евангелия от Матфея XIV в. [Пентковская, 2011: 381], а А.А. Алексеев — о ТЕ от Луки и ТЕ от Матфея со следами сербского происхождения [Алексеев, 1999: 179, 190]. Однако текст Евангелия от Марка в ТЕ, вероятно, второй раз переведен не был. Об этом свидетельствует тот факт, что в рассмотренные нами рукописи, содержащие поздний перевод ТЕ от Матфея (ТСЛ 108, РНБ, К-Б 16/141, РНБ, Погод. 171), включен древний перевод ТЕ от Марка, подвергнутый более поздней правке по афонской редакции Евангелия (ТЕ-1b). Вопрос о происхождении первого перевода ТЕ, представленного только русскими списками, остается открытым.

Евангельский текст с толкованиями в славянской традиции выделяют в особую редакцию — так называемый толковый текст, созданный на базе древнего текста со следами преславского влияния [Евангелие от Иоанна, 1998: 12]. В настоящей статье рассматриваются такие лексические особенности первого перевода ТЕ, которые, с одной стороны, являются характерными признаками данной редакции евангельского текста, с другой — могут свидетельствовать о принадлежности к той или иной книжной традиции.

Изучение рукописей показывает, что варианты чтения списков образуют две редакции древнейшего перевода ТЕ: ТЕ-1a — собственно первичный перевод, выполненный до 1117 г., и ТЕ-1b — текст, подвергшийся правке по афонской редакции.

По своим языковым характеристикам списки ТЕ-1a представляют собой особый тип текста, созданного на базе поздней разновидности древней редакции со следами преславского влияния. Чертой древнего текста, например, является не до конца устраненная передача *тѣс* как *ѣтерѣ*. В ТЕ употребляется как охридская, так и преславская лексика, однако преславизмы преобладают. Так, в ТЕ-1a (на материале ТЕ от Марка и Луки) находим многочисленные употребления преславских лексем *пѣрво* вместо *амннь*, *панць* вместо *мѣвѣа*, преоб-

ладание лексем пѣчѣль, послѣхъ, пастѣхъ, лѣвън, пещѣра, багрѣннца, пѣтъкъ (а также их производных) и некоторых других над древними, кирилло-мефодиевскими, лексемами; кроме того, в списках sporadически появляются послелог дѣла и союз акы. Примечательно, что бóльшая часть преславских лексем, характерных для ТЕ, совпадает с древнерусским узусом. Данные словарей говорят о том, что лексемы лѣвън, пѣчѣль, послѣхъ характерны для древнерусских летописей и берестяных грамот [Срз, I: 14; II: 69–70, 923, 1238–1239; ДНД: 710, 736, 777, 784].

В списках ТЕ-1b обнаруживается большое число лексических замен в соответствии с языковыми предпочтениями, выработанными в XIV в. на Афоне, однако, по всей видимости, без привлечения греческого оригинала. В результате проведенной редактуры были устранены наиболее выделяющиеся локальные черты: ТЕ-1b содержит в основном общецерковнославянскую лексику, в выборе из двух лексических дублетов тяготеет к консервативной западноболгарской традиции (например, в выборе лексем прапроудѣ, плацѣннца), синонимическое варьирование в этой редакции сведено к минимуму.

Употребление ряда преславизмов объединяет текст ТЕ с Чудовским Новым Заветом (далее — ЧНЗ): в чудовской редакции преславизмы также достаточно частотны, однако там, где на месте преславской лексемы может быть употреблен грецизм, в ЧНЗ используется грецизм. В ТЕ-1a в выборе между грецизмом и преславизмом предпочтение отдается преславизму, калькирующему структуру греческой лексемы (например, старѣншна съборѣ вместо архиснагогъ).

Однако лексические предпочтения ТЕ-1a не во всем сходны с преславскими текстами.

Отличия ТЕ-1a от преславских текстов

Так, ТЕ предвосхищает некоторые черты правленных редакций:

1. Сходство с правленными редакциями проявляется в разграничении синонимичных греческих лексем ὁ ὄχλος ‘народ’ и τὸ πλῆθος ‘толпа’: греческое τὸ πλῆθος переводится как множество, а не народъ, как в кирилло-мефодиевских текстах.

2. Новшеством также явилась попытка разграничить синонимические местоименные лексемы, что нашло выражение в употреблении (хотя и недостаточно последовательном) ѣтеръ в соответствии с греческим ἕτερος. Примечательным является поморфемный перевод составного местоимения ὅστις как нже кто. Последние два принципа являются отличительной особенностью не только ТЕ, но

и Толкового Апостола, а также чудовской редакции, которая довела их до логического завершения, устранив непоследовательность, отраженную в ТЕ-1а [Пентковская и др., 2011: 32–34]. Кроме того, А.А. Пичхадзе отмечает, что перевод греческой лексемы *ἕτερος* как *ѣтеръ* «является общей особенностью памятников подгруппы ХГА и толковых переводов. Оно отмечено в Хронике Георгия Амартола, Повести о Варлааме и Иоасафе, Христианской топографии Козьмы Индикоплова, Толковом Евангелии, Песни песней с Толкованиями и Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова» [Пичхадзе, 2011: 95].

Однако так как славянский перевод ТЕ достаточно ранний, он не во всем схож с правлеными редакциями, которые будут возникать позднее и демонстрировать некоторую зависимость от толкового типа текста:

1. Не калькируются приставочные образования, характерные для правленых редакций. Так, в ТЕ не представлен буквальный перевод лексем с приставкой *συν-*, характерный для чудовской редакции [Пентковская, 2009: 12] (например, *συνεζωστῆσαν* с *ннмь* (ТСЛ 109, л. 247 об.) вместо *свъзлежацинмь*); имеются только кирилло-мефодиевские лексемы с приставкой *съ-*: *сънмь*, *събнратн* или, например, преславизм *съборнице*. Отсутствует также в ТЕ характерная для чудовской редакции калька *сърѣботьникъ* в соответствии с греческим *ὁ σύνδουλος*, вместо которой представлен традиционный перевод: *Мк. 13:21–26* (толк.): *ТСЛ 109 клеверѣты* (л. 304).

2. Характерной чертой ряда новых переводов конца XIII–XIV вв. является постановка *рдн* в препозицию для сохранения порядка слов греческого оригинала [Пентковская, 2009: 12], в ТЕ послелог *рдн* стоит в постпозиции.

Грецизмы

Отдельного внимания заслуживают лексические грецизмы.

1. В ТЕ-1а представлено минимальное количество древних грецизмов: *ἀερѣ*, *апостолъ*, *геона*, *скнпетрѣ*, *спнра*, *скорѣпнна*, *преторѣ*, *мврѣ*, *ароматъ*, *клеверѣтъ*; предпочтение отдается славянским соответствиям: *καταπέτασμα*: *завѣса*; *πορφύρα*: *вагрница* (ТЕ-1а) — *прѣпрѣда* (ТЕ-1b); *πήρα*: *мѣхъ* (ТЕ-1а) — *пнра* (ТЕ-1b)]. Чтения ТЕ-1b совпадают с чтениями афонской редакции.

2. Некоторые грецизмы, характерные для древних текстов, отсутствуют в ТЕ-1а: на их месте стоят лексемы, соответствующие восточноболгарскому узусу. Напр., *στυλῶνница* вместо *алавастрѣ*, нет лексемы *олѣн/елен*, характерной для кирилло-мефодиевских переводов.

Вместо грецизма используется вариант *масло*, что отчасти совпадает со словоупотреблением преславских текстов, где греческой лексеме τὸ ἔλαιον соответствует словосочетание *масло дрѣвѣноє*. В позднейшей редакции данные грецизмы восстанавливаются.

3. Вторичные грецизмы

Кроме того, в ТЕ-1а имеются грецизмы, которые не отмечены в древних текстах. Это такие лексемы, как *оуксоусь*, *сннапынын*, *днскось*, *керемнда*. Здесь стоит отметить «древнерусский» грецизм *оуксоусь*, который отмечается словарями в русских по происхождению памятниках [Срз, III: 1193; Фасмер, IV: 157]; в ТЕ-1b он правится на кирилло-мефодиевскую лексему *оцѣтъ*.

4. Вторичные грецизмы, содержащиеся только в ТЕ-1b

ὁ ἀλέκτωρ: *коуръ* — *алекторъ*

Древние, преславские и тексты чудовской редакции используют кирилло-мефодиевскую лексему *коуръ*. Афонские тексты употребляют как новый грецизм *алекторъ*, так и его славянское соответствие *петѣъ* [Воскресенский, 1894: 356–357]. И если в ТЕ-1а употребляется древняя лексема *коуръ*, то ТЕ-1b ориентируется на нормы афонской редакции. Наличие в ТЕ-1а вторичных грецизмов, которые не употреблялись в древнейших переводах, сближает этот текст с новыми переводами, которые начнут появляться в XIII–XIV вв.

Русизмы

С русской средой древнейший перевод ТЕ связывает наличие некоторых регионализмов. И здесь примечателен тот факт, что для всех переводов, содержащих лексические русизмы, характерно наличие преславской лексики [Пичхадзе, 2011: 425], которая, как уже говорилось выше, составляет значительный пласт в ТЕ.

На материале ТЕ от Матфея наличие в ТЕ специфически восточнославянских элементов отмечал А.А. Алексеев, к которым он причислял лексемы *бѣла* ('денежная единица'), *рѣзь* 'ростовщичий процент', *тѣлѣжынъин* *поуть*, *матнца* 'магнит', *огородьннкъ*, *огородъ*, *рѣмество*, *грамота*. Список русизмов дополнила А.А. Пичхадзе, назвав для ТЕ от Луки лексемы *шылакъ*, *върѣчнѣ* 'дать обязательство, обещать', *въчуннкъ* 'смутьян', *прасолъ* в ТЕ от Матфея и лексему *слоуды* в ТЕ от Марка [Пичхадзе, 2008: 26].

Со своей стороны мы можем добавить в ТЕ от Марка:

1. *цѣпь* 'ущерб (о луне)' — гапакс ТЕ.

Данные этимологического словаря М. Фасмера свидетельствуют о том, что данная лексема является восточнославянским элементом. В ТЕ данная лексема отмечена в толковании, причем второй раз регионализм глоссируется [Пентковская и др., 2011: 45].

2. К лексико-семантическому русизму можно отнести глагол *мльвнтн*, развивший на восточнославянской почве специфическое значение: в старославянском языке он имеет значение ‘шуметь, волноваться, беспокоиться’ и как глагол речи в старославянских памятниках не засвидетельствован, однако в оригинальных древнерусских произведениях и в переводах, выполненных на Руси, *мльвнтн* означает ‘говорить’; такое же распределение значений фиксируется и в современных южнославянских и северославянских языках [Пичхадзе, 1998: 477]. В ТЕ-1а употребление глагола *мльвнтн* в качестве глагола речи отражено в толкованиях. Так, в толковании на Мк. 1:34 читаем следующее:

Мк. 1:32-34 (толк.) Οὐκ ἠφίει δὲ τὰ δαίμονια λαλεῖν ‘не позволял бесам говорить’:

ТСЛ 109 не вставлялше же бѣсомъ молвнтн (л. 219 об.)

В употреблении некоторых других регионализмов (*вечыннкъ*, *рѣмьство*) с ТЕ-1а совпадает первый перевод Толкового Апостола [Пентковская и др., 2011: 36]. В позднейшей редакции первого перевода ТЕ региональные языковые черты устраняются.

Примечательно, что сопоставление языковых и специфических переводческих особенностей первого перевода и его позднейшей редакции выявляет особенности, присущие не только ТЕ-1а, но и определенному кругу переводных памятников [см.: Алексеев, 1999; Пичхадзе, 2008].

Во-первых, по наличию некоторых специфических восточнославянских черт в ТЕ исследователи объединяют его с группой славянских переводов эротапокритических произведений: толковый перевод Песни Песней, Толковый Екклесиаст, первый перевод Толкового Апостола. А.А. Алексеев отмечает, что для данной группы текстов с толкованиями характерно употребление аориста *вѣща* при введении цитат и наличие лексических русизмов [Алексеев, 1999: 179]. Кроме того, ТЕ-1а и ТА-1 характеризуются наличием общих грецизмов и буквальным переводом составных относительных местоимений [Пентковская и др., 2011: 32, 49].

Во-вторых, в исследовании А.А. Пичхадзе, посвященном переводным памятникам, содержащим восточнославянские лексические элементы, ТЕ называется в числе переводных памятников, содержащих одновременно восточнославянизмы и специфические южнославянизмы. В ТЕ от Луки наличествуют южнославянские лексемы, мало освоенные церковнославянским языком русского извода: *кѣчнтнса*, *оплазньство* ‘дерзость, хвастовство’, *порѣкатн* ‘порицать’, *прѣзорьство* ‘гордость, высокомерие’, выражение *въ рѣснотѣу* ‘поистине’, которые

отмечаются преимущественно в болгарских памятниках, а также в переводах, сочетающих восточнославянизмы и болгаризмы (Пандекты Никона Черногорца, Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова, Житие Феодора Студита, Студийский устав) [Пичхадзе, 2008: 25].

Наше исследование показывает, что если обратиться к греческому тексту, то складывается следующая картина распределения рассматриваемых лексем. В ТЕ от Луки и в ТЕ от Иоанна сочетание въ рѣсноѹ соответствует греческому *κυρίως* ‘справедливо’. В ТЕ от Марка встречаются только следующие лексемы: греческое *ὄντως* ‘действительно, подлинно’ переводится как во истинноу, а греческие лексемы с корнем *-ἀληθ-* передаются славянским корнем *-нстнн-*. Греческая лексема *κυρίως* в ТЕ от Марка отсутствует. Можно предположить, что в ТЕ имеет место распределение синонимов: сочетание въ рѣсноѹ соответствует греческому *κυρίως*, а *ὄντως* и *-ἀληθ-* закреплено за *-нстнн-*.

Кроме того, наблюдается закономерность соответствия греческого корня *-τιφ-* южнославянскому *-кѣѣ-*, а глагол *ἐπαίρω* ‘возвышаться, выситься; внушать гордость, гордиться, кичиться’ передается славянским *възвѣснѣти* и *възноснѣти*.

Что касается болгаризма *оплазньство*, отмечаемого А.А. Пичхадзе в ТЕ от Луки, то данная лексема переводит в ТЕЛ греческое *αὐθάδεια* ‘самоуверенность, самодовольство’ и *θρασύτης* ‘безмерная смелость; дерзость, наглость’. В позднейшей редакции ТЕ от Луки (рукопись ТСЛ 111) мы находим замену на *дрѣзость*. В ТЕ от Марка нет данных греческих лексем, при этом славянской лексемой *дрѣзньнѣти* и в ТЕ-1а, и в ТЕ-1b, передаются различные греческие глаголы со значением ‘отважиться, дерзнуть’:

θαρσέω ‘быть смелым, отваживаться, дерзнуть’: *δερζνѣть днѣвоуль прнстоупнѣти н* (ТСЛ 109, л. 216 об.) [‘дьявол отважился приступить к Нему’];

τοῦ μᾶ τόλμαν ἐπαίειτῆν: *н дерζаѣть дерѣзостню похваленоу* (л. 326) [‘Блаженный Иосиф, еще служа Закону, признал Христа Богом, почему и дерзнул на похвальный подвиг’].

Отсюда можно опять предположить, что в ТЕ имеет место распределения лексем по значениям: *αὐθαδει-* — *оплазн-* ‘хвастовство’, остальные греческие лексемы со значением ‘отважиться’ — *дрѣз-*.

Лексемой *дрѣзость* в ТЕ от Луки передаются греческие лексемы *ὕπεροψία* ‘презрение, высокомерие, надменность’ и *ἀλαλαζωνεία*. В ТЕ от Марка данная славянская лексема встречается дважды в пределах одного предложения, и ей соответствует греческое *υπερηφανία* ‘высокомерие, презрительность’, но примечательно то, что эта же

самая лексема содержится во многих евангельских текстах древней редакции, а также в преславской и чудовской редакциях [Воскресенский, 1894: 222–223]:

Мк. 7:22 κλοπαί, πλεονεξία, πονηρία, δόλος, ἀσέλγεια, ὀφθαλμὸς πονηρός, βλασφημία, ὑπερηφανία, ἀφροσύνη:

Галич. прѣзорѣ, Мст. презорѣство, Чуд. презорство, Конст. гордыни;

ТЕ-1a: татбы н лнхонманна , лѣкавьство безоумнѣ (пропуск) (ТСЛ 109, л. 254 об.); ТЕ-1b грѣдость (ТСЛ 108, л. 292). И именно в толковании на данный евангельский стих содержится южнославянизм:

Мк. 7:14–23 (толк.) διὸ ἐπισυνάπτει τὴν ὑπερηφανίαν. ὑπερηφανία γάρ ἐστιν ὡσαυεὶ καταφρόνησις Θεοῦ:

ТЕ-1a нмже совокоуплать є презорѣствоу. презорѣство бо єсть. како небреженне ѡ бѣѣ (ТСЛ 109, л. 254 об.); в ТЕ-1b подобное чтение повторяется: нже н съвокѣплѣє є презорѣствѣ. презорство бо є ѣ небреженне ѡ бѣѣ (ТСЛ 108, л. 292 об.).

В греческом тексте ТЕ от Марка лексемы с корнем ὑπερηφαν- встречаются еще семь раз, но в переводе им уже соответствует славянский корень грѣд.-

Таким образом, древнейший перевод ТЕ в значительной степени опирается на преславские нормы, но при этом содержит также южнославянизмы, не свойственные восточноболгарской книжности. Присутствие значительного пласта преславских лексем в ТЕ-1a может быть обусловлено тем, что некоторые лексические предпочтения, отличающие словоупотребление преславских памятников, характерны как для восточноболгарского, так и для древнерусского узуса. Кроме того, в более поздних древних текстах также присутствует преславская лексика.

По употреблению некоторых малораспространенных лексем (как русизмов, так и болгаризмов), а также некоторых переводческих решений, ТЕ сближается с определенным кругом памятников — это первый перевод ТА, Толкования на Песнь песней и Беседы на Шестоднев Севериана Гавальского, толкования Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова, Хроника Георгия Амартола, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Христианская топография Козьмы Индикоплова, Пандекты Никона Черногорца. Однако если в части данных памятников употребление южнославянизмов является частотным и может охватывать перевод всех греческих лексем с соответствующим значением, то относительно ТЕ складывается такое впечатление, что появление южнославянизмов обусловлено переводческим решением разграничения греческих лексем и различных смысловых оттенков одной греческой лексемы.

Список литературы

- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Бабицкая М.Б.* Источники Изборника XIII века (Cod. St. Petersburg, GPB, Q.n.1.18). Byzantinoslavica. Т. 56. 1995.
- Богословские труды. XIV сб. М., 1975.
- Воскресенский Г.А.* Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. М., 1894.
- Воскресенский Г.А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв. М., 1896.
- Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Издание подготовили А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова, Е.Л. Алексеева, Е.И. Ванеева, А.М. Пентковский, В.А. Ромодановская, Т.В. Ткачева. СПб., 1998.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Пентковская Т.В.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета: Монография. М., 2009.
- Пентковская Т.В., Индыченко А.А., Федорова Е.В.* К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями // Лингвистическое источниковедение. М., 2011.
- Пентковская Т.В.* Тырновский перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского в русской традиции (на материале Евангелия от Матфея) // Тырновска книжовна школа. Т. 9. Тырново и идеята за християнския универсализъм XII–XV век. Девети Международен симпозиум, Велико Тырново, 15–17 октомври 2009 г. Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий». Велико Тырново, 2011.
- Пичхадзе А.А.* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998.
- Пичхадзе А.А.* К группировке древнейших списков с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике // Труды отдела древнерусской литературы. Т. LIX. 2008.
- Пичхадзе А.А.* Языковые особенности переводных памятников письменности XI–XIII вв., содержащих восточнославянские лексические элементы: Монография. М., 2011.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.

Сведения об авторе: *Федорова Екатерина Викторовна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: e_todorov@mail.ru

Е.С. Зинченко

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В БАННЕРНОМ СООБЩЕНИИ

В статье анализируется баннер как инновационный тип электронного текста. Констатируется, что специфика баннера определяется двумя основными факторами: минимизированный объем; ярко выраженная персуазивная направленность. Для реализации коммуникативной установки в баннере используется широкий арсенал вербальных и невербальных средств, что создает особый поликодовый контекст.

Ключевые слова: интернет-текст, интернет-баннер, креолизованный текст, мультимедийность, интерактивность, гипертекст, персуазивность.

The article analyzes the banner as an innovative type of electronic text. The paper states that the specificity of the banner is defined by two main factors: a minimized volume and a distinct persuasive orientation. The banner uses a wide arsenal of verbal and nonverbal tools to realize a communicative purpose. As a result a peculiar polycoded context is created.

Key words: internet-text, banner, creolized text, multimedia, interactivity, hypertext, persuasion.

Интернет оказывает существенное воздействие на коммуникацию, в частности, он продуцирует особые «речевые жанры». Так, одна из коммуникативных особенностей некоторых интернет-жанров (рекламных, новостных и т. д.) состоит в том, что они двухступенчаты. Первым компонентом текстовых сообщений такого рода является баннер — своеобразный текстовый «анонс», через активацию которого вызывается основной текст, размещенный на соответствующем сайте (и это второй компонент рекламного сообщения). Баннер, являющийся неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации, представляет собой минимизированный текст, в формировании коммуникативного содержания которого органично соединяются вербальные, паравербальные (типографические) и невербальные (графические) средства. С точки зрения текстовой типологии баннеры следует рассматривать как рекламные сообщения, но их главная задача не ограничивается выполнением рекламной функции в ее традиционном виде. В результате восприятия баннерного сообщения адресат должен совершить прямое и незамедлительное действие — «клик» мышью и соответствующий гипертекстовый переход. Такая цель интернет-баннера позволяет говорить о его специфической персуазивной направленности.

Известно, что персуазивность в широком смысле подразумевает осознанное коммуникативное воздействие адресанта сообщения на его адресата. Термин не является однозначным и имеет в отечественной лингвистике, как минимум, две трактовки. С одной стороны, под персуазивностью понимается «оценка говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности/недостоверности» [Белошапкина, 1989: 683]. С этой точки зрения персуазивность представляет собой квалификативную модусную категорию предложения, характеризующую информацию, представленную в высказывании, с позиции говорящего и выражаемую как эксплицитно, так и имплицитно. Этой позиции придерживаются В.А. Белошапкина и Т.В. Шмелева. Другая трактовка, представленная в работах Н.А. Безменовой, Е.А. Гончаровой, О.С. Иссерс, рассматривает персуазивность как «воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или несовершению им каких-либо действий» [Чернявская, 2006: 25] Мы придерживаемся второй точки зрения и с этой позиции анализируем баннерное сообщение.

Персуазивность интернет-баннера имеет комплексный, интегральный характер. Она реализуется не только при помощи вербальных средств — приемов риторической аргументации, использования определенных лексических средств и т. д., — но и за счет графики, а также шрифтовых и цветовых решений. Это связано с особенностями баннера как типа текста: его текстовое пространство минимизировано, но при этом он должен привлечь внимание реципиента и подтолкнуть его к конкретному действию — к активации ссылки. Для осуществления этой коммуникативной установки баннеры используют весь арсенал средств представления информации, как в ее традиционном печатном, так и в электронном виде. Эти средства, объединенные в едином функциональном текстовом пространстве, принадлежат различным семиотическим системам, что позволяет рассматривать баннер как поликодовый, или креолизованный текст.

Так называемая креолизованность текста — чрезвычайно актуальное явление для современной интернет-коммуникации, поэтому уточним значение самого термина. Креолизованными принято называть тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990: 180]. Семиотическая и коммуникативная значимость подобных текстов не исчерпывается вербализованным сообщением. Картинка и текст, объединяясь и совмещаясь в нашем сознании, создают своеобразный единый поликодовый образ, уже не членимый на отдельные составные части.

Учитывая принципиальную креолизованность баннерного сообщения, можно утверждать, что восприятие его смысла невозможно

без интерпретации паравербальных (шрифтовых, типографических и пр.) и невербальных (графических) компонентов. В кодировании смыслов также участвует общая цветовая гамма, иногда (правда, достаточно редко) баннеры используют звук.

Необходимо отметить, что традиционная печатная коммуникация также знает поликодовые креолизованные тексты; к их числу можно отнести книжные обложки, открытки, этикетки, плакаты и пр. Актуальность данного явления возрастает в постиндустриальном обществе: наряду с интертекстуальностью, поликодовость становится одной из опознаваемых черт постмодернизма. Характеризуя современную коммуникацию, Ю.М. Лотман неоднократно указывал на то, что в процесс «приращения смысла» письменного текста активно вовлекаются средства различных семиотических систем, в результате чего вырабатывается особая знаковость (действует «генератор» новых «языков», по выражению Ю.М. Лотмана). Так, для хранения и транслирования некоторых типов информации (к примеру, алгебраической или логической) необходимы особые знаковые системы (новые «языки»), которые были бы специально приспособлены для данного типа коммуникации. По мнению Ю.М. Лотмана, «создание иерархии языков является более компактным способом хранения информации, чем увеличение до бесконечности сообщений на одном <языке>» [Лотман, 1970: 9].

Баннер как тип электронного сообщения оказывается подобным «текстовым генератором», возникающим в результате взаимодействия различных семиотических систем. В баннерном сообщении неделимое сочетание текста и картинки стилистически оправдано и необходимо: словесно-зрительное представление информации воплощает целостную коммуникативную установку. Таким образом, баннер представляет собой специфический креолизованный текст, характеризующийся, помимо собственно информативности, высокой степенью персуазивности.

Для реализации своей персуазивной направленности баннер использует, с одной стороны, тактики рекламного сообщения, а с другой — электронного гипертекста, для которого обязательна читательская активность. Учитывая персуазивную направленность и поликодовость баннера, его можно рассматривать как практически идеальное воплощение таких категорий электронного текста, как интерактивность и мультимедийность. Под мультимедийностью электронного текста обычно понимается использование самого широкого спектра форматов представления информации (графика, фото, видео, анимация, звук). «Попадая в сетевое информационное пространство, звук, статические и движущиеся изображения становятся составной частью общей гипертекстовой системы. Их воспроизведение осуществляется путем активизации соответствующего

источника ссылки, что полностью зависит от спонтанного выбора человека, воспринимающего информацию» [Дедова, 2008: 87]. Но помимо этого, проявлениями мультимедийности также следует считать «графическую неоднородность текста» [Дедова, 2008], расширение его параграфемных возможностей. *Интерактивность* предполагает активную реакцию читателя, осуществление им определенных действий, что создает некое подобие диалога: любой читательский «клик» можно рассматривать как его ответную реплику.

Итак, в осуществлении персуазивной функции баннерного сообщения задействованы средства различных семиотических систем. Однако проведенный нами анализ демонстрирует, что текстовый компонент в большинстве случаев является смысловой доминантой. Другие средства находятся в непосредственной зависимости от вербального компонента и вступают с ним в семантические корреляции. Это поддерживается многовековыми традициями доэлектронной печатной коммуникации: «иногда интересные заголовки могут появляться и без иллюстрации, но нет ни одного случая, когда успешная иллюстрация заменила бы заголовок: для того, чтобы он получился эффективным, нужны эффективные слова» [Музыкант, 2007: 121]. Анализ вербального компонента баннеров показывает, что здесь могут быть использованы различные стилистические приемы и языковые средства.

1. Фонетические средства

Основными фонетическими средствами, используемыми в баннерных слоганах, являются звуковые повторы и рифма. Звуковая игра, эвфония, рифма помогают преодолеть вынужденный лаконизм баннерного слогана и в какой-то степени компенсировать примитивность его содержания (например, слоган баннера, предлагающего игры для бесплатного скачивания: «*За покупки в Интернетe мы подарим игры эти*»). Графический ряд баннера (персонажи предоставляемых игр) в общем семантическом контексте сообщения выполняет роль антецедента анафорического местоименного средства ‘эти’, актуализированного рифмой.

2. Лексические средства

2.1. *Аттрактивные слова* (они же «ключевые слова» [Лившиц, 1999; Чернявская, 2006]). Имеются в виду слова и выражения, которые, обладая положительной рациональной или эмоциональной оценочностью, создают благоприятный имидж рекламируемого объекта и активно участвуют в реализации персуазивной направленности сообщения. Например, в баннерной надписи «*Эксклюзивные клубные футболки*» в качестве основного средства аттракции использована лексема *эксклюзивный*, семантика которой распространяется не толь-

ко на предлагаемый товар, но потенциально и на его потребителя. В баннерах, персуазивное воздействие которых осуществляется в основном за счет вербализованного текста, графика, как правило, ориентирована на денотаты лексем, выполняющих аттрактивную функцию: визуальный компонент воспроизводит соответствующие образы (в данном случае, естественно, это изображение футболики).

2.2. *Идиомы.* Баннеры, как и рекламные слоганы в целом, тяготеют к использованию идиом и прецедентных текстов. Апелляция к коннотативному фону фразеологизмов, цитатных реплик и пр. позволяет расширить смысловое пространство баннера, сделать его более запоминающимся, тем самым увеличивая его персуазивный потенциал. Например, баннер, рекламирующий онлайн-игру на тему поисков сокровищ Римской империи, имеет слоган «*Пришел, увидел... и скачал!*». Подмена последней глагольной лексемы (*победил* → *скачал*) также имеет смысловые коннотации: доступность и быстрота скачивания игры; победа в ней. В этом баннере основную смыслопорождающую функцию выполняет вербализованный текст, поэтому графический ряд выстраивается по принципу иллюстрации.

3. Морфологические средства

Мы рассматриваем персуазивность как побудительность (в широком смысле), а ядром грамматической категории побудительности являются императив и инфинитив в функции императива.

3.1. *Императив* как простейший и кратчайший способ выражения побуждения. Императив является важнейшим выразителем персуазивности, так как побуждает к немедленному, безотлагательному действию — «узнай» (сейчас), «купи» (сейчас), «воспользуйся» (сейчас).

В баннере социальной сети, посвященной кулинарии, использованы глаголы в индикативе и императиве, расположенные в порядке градации. Таким образом, текст баннера «*Мы открылись. Добавь рецепт. Получи приз!*» — связная последовательность предика-

тивных единиц, отражающих определенную событийность. Императив «*Получи приз!*», выражающий результирующую кульминацию событий, маркирован восклицательным знаком, что создает эффект гарантированности обещанного приза. Графический компонент баннера — тарелка, на которой в качестве «еды» помещен логотип сайта, — соотнесен с тематической направленностью сайта.

3.2. *Инфинитив в функции императива* также является способом реализации побуждения. Как правило, в баннерных сообщениях инфинитив в функции императива не употребляется самостоятельно, обычно он дополняет другое императивное побуждение, выраженное соответствующими глагольными формами. Инфинитив часто помещен в пределах графического элемента, имитирующего интерактивные кнопки интерфейсов компьютерных программ. В качестве примера приведем вертикальный баннер, где реплики «*Пройдите наш тест*», «*Узнайте Ваш IQ*», «*Получите именной сертификат!*» отражают этапы предполагаемых пользовательских действий. Расположенная внизу «кнопка» «*Узнать*» на самом деле не является интерактивным элементом, поскольку источник гипертекстовой ссылки

— все баннерное пространство в целом. Графический образ — герой комедийного сериала «Мистер Бин» в исполнении Р. Аткинсона — вносит в контекст ироническую модальность.

4. Синтаксические средства

4.1. *Семантическая пресуппозиция*. Пресуппозиция считается одной из наиболее активных речевых тактик косвенного внушения. Использование этого приема позволяет строить предложения, смещая фокус внимания адресата с необходимых утверждений на детали. Это значит, что необходимые утверждения начинают подразумеваться как нечто само собой разумеющееся. В результате эти утверждения подсознательно воспринимаются адресатом как данность, не подлежащая сомнению. Например, в баннерной реплике «*Узнай, кем ты был в прошлой жизни!*» содержится имплицитная информация, что прошлая жизнь действительно имела место.

4.2. *Вопросительные конструкции*. Характерной особенностью баннерных реплик, использующих вопросительные конструкции, является то, что они исключают необходимость ответа, и это фактически делает их утверждением (например, «*Устал работать?*» и т.д.). Подобные риторические вопросы, используемые в баннерных сообщениях, обладают высоким персуазивным потенциалом.

4.3. *Восклицательные конструкции.* Для баннерных сообщений характерно использование восклицательного знака. Он может употребляться как в конце реплики, чаще всего при употреблении императива — «*Стань звездным стилистом!*» (побудительная функция), так и в середине парцелированной конструкции («*НЕ ТЯНИ!* с получением кредита»). В последнем случае парцелляция является одним из средств создания игрового полисемантического контекста (каламбура).

5. Языковая игра

Элементы языковой игры активно используются в баннерных сообщениях. Это объясняется тем, что языковая игра как явление, разрушающее тривиальность слогана, служит средством аттракции, привлекая внимание адресата. Основой многих баннеров является каламбур как один из видов языковой игры.

Под каламбуром мы понимаем шутку, основанную «на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, либо псевдо-синонимов, либо псевдо-антонимов» [Санников, 1995: 57]. Сложность, нетрадиционность каламбура в баннерном сообщении обусловлена поликодовой структурой баннера, т. е. тем, что, кроме вербального информационного компонента, имеет место и графический, образный ряд, который активно участвует в каламбуре: графические образы в пределах полисемантического контекста актуализируют один из потенциальных смыслов прочтения. Если прочтение, кодируемое графикой, вступает в противоречие с референциально объективным, то это приводит к созданию комического эффекта, что является одним из средств персуазивного воздействия. Следует отметить, что в построении баннеров используются каламбуры различных семантических типов («соседи», «маска», «семья» по [Санников, 2002]). Рассмотрим это на конкретных примерах:

1) «**Соседи**». В каламбурах данного типа обычно наблюдается простое суммирование значений обыгрываемых слов, здесь нет богатого добавочного смысла. В качестве примера приведем баннер с текстом «*На кредитах мы собаку съели*». «*Собаку съест*» может

быть интерпретировано как свободное словосочетание со значением ‘употребить в пищу’ (поддерживается графически, благодаря изображенному хот-дого; изображение актуализирует англоязычную метафору: *hotdog* (англ.) — «горячая собака») и как фразеологизм ‘иметь большой опыт’ (это прочтение не проиллюстрировано). Референциальная соотнесенность со сферой банковских услуг реализована за счет словосочетания *на кредитах*.

2) **«Маска».** Для каламбуров этого типа характерно столкновение обыгрываемых значений — первоначальное понимание внезапно заменяется другим, которое скрыто за ним, как за «маской». Баннеры, где реализованы каламбуры этого типа, могут быть анимированными, то есть состоять из нескольких сменяющих друг друга «кадров». Например, в баннере, первый «кадр» которого имеет слоган *«Купи своей мышке коврик»*, обыгрываются два значения «мышь/мышка»: 1) животное; 2) компьютерный манипулятор. Графические образы поддерживают лишь первое значение лексемы (мышь, сыр), но оба значения возможны в полисемантическом контексте надписи (ср.

коврик для мышки, англ. *mouse pad*). Вторая часть рекламной надписи («*Мышиные коврики на заказ*») также участвует в каламбуре: формально семантическая неоднозначность усиливается за счет употребления лексемы *мышинный*, которая не соотносится с референциально обоснованным значением *мышь* (‘компьютерный манипулятор’).

3) **«семья».** Этот тип каламбура совмещает признаки двух рассмотренных выше групп. Как и в каламбуре-«маске», обыгрываемые значения сталкиваются друг с другом, однако в этом случае ни одно из значений не является доминирующим, второе значение не отменяет первое. К примеру, баннер с заголовком *«Копни глубже»*. Копящийся

КОПНИ ГЛУБЖЕ

www.krudor.com

экскаватор на картинке реализует значение ‘рыть’ и отсылает непосредственно к рекламируемому УКРРУДПРОМу. Но кроме этого потенциального понимания в баннере реализовано и другое: ‘вникни серьезнее, узнай больше’. Первое значение не отрицает второе, понимание баннера зависит только от адресата. Графический ряд баннера — копающий экскаватор, яма — соотносим как с первым, так и со вторым прочтением.

Семантическая соотнесенность вербального компонента баннеров и их графико-иллюстративного ряда отражена в таблице:

Текст баннерной надписи	Значения		Семантический тип каламбура	Смысловая направленность невербального компонента
	Референциально обоснованное (Р)	Алогичное (А)		
На кредитах мы <u>собаку съели!</u>	‘имеем большой опыт’	‘употребили в пищу собак’	«соседи»	А
Login и password приятно <u>вылетели из головы!</u>	‘забылись’	‘улетели’	«соседи»	А
Не жди, что работа <u>свалится на голову</u>	‘неожиданно появится’	‘упадет на голову’	«соседи»	А
Купи своей <u>мышке коврик!</u>	‘рабочая поверхность для манипулятора типа «мышь»’	а) <u>мышь</u> — ‘небольшой грызун семейства мышиных’; б) <u>коврик</u> — ‘небольшой ковер’	«маска»	А
<u>Охота</u> на солнце!	‘желание пребывать на солнце’	‘выслеживание, ловля и отстрел’ (солнца)	«маска»	А
AURORA. <u>Мягкий</u> взгляд на жизнь	‘кроткий, уступчивый’	‘приятно податливый при прикосновении’	«семья»	Р/А
<u>Копни</u> глубже	‘рой глубже’	‘вникни глубже’	«семья»	Р/А
Nissan X-Trail. Готов к неожиданным <u>поворотам</u>	‘сущ. от повернуть, поворачивать’	‘резкое изменение’	«семья»	Р/А

Как видно из таблицы, использование графических изображений в баннерах активно участвует в языковой игре. Изобразительный ряд напрямую зависит от семантического типа каламбура. В типах «соседи» и «маска» изображение однозначно соотнесено с алогичным, референциально ошибочным пониманием слогана, а в типе «семья»,

где наблюдается «мерцание» смыслов, изображение содержит детали, принадлежащие одновременно двум референциальным зонам. И в том и в другом случае поликодовый контекст создает комический эффект, делает баннер более интригующим и привлекательным, в результате чего возрастает вероятность пользовательского «клика». Поскольку данный «клик» — важнейшее условие коммуникативной успешности баннерного сообщения, следует отметить еще одну графическую тактику, обеспечивающую его персуазивность, — имитацию кнопок браузеров, сопровождаемых соответствующей надписью (инфинитив в функции повелительного наклонения). Использование в баннерах подобных графических образов, ставших неотъемлемой реалией компьютерной коммуникации, является средством провоцирования интерактивности. Как мы уже отмечали, этого всего лишь элемент графического дизайна, поскольку полем источника ссылки остается весь баннер в целом.

Будучи минимизированным креолизированным текстом, обладающим ярко выраженной персуазивной направленностью, баннер не может не использовать так называемые паравербальные средства. К ним мы относим весьма широкий круг письменных знаков: кавычки, дефис, тире, символы типа #, \$, % и т. д. в употреблении, не предусмотренном кодифицированной системой. Сюда же следует отнести такие средства, как зачеркивание, изменение толщины, размера, наклона букв, варьирование типа и цвета шрифта, многократное повторение («растягивание») или же, напротив, пропуск графем. Данные средства, выражающие различные коннотации и активно участвующие в создании общего смысла высказывания, объединяет то, что они так или иначе связаны с вербальным компонентом баннера. Очертание, цвет, насыщенность, размер шрифта — все это активно коррелирует со смыслом надписи и обладает высокой экспрессивностью, а следовательно, и потенциалом персуазивного воздействия. Кроме того, шрифтовая неоднородность выполняет функцию, аналогичную интонации устной речи. За счет этого могут осуществляться фразовые выделительные акценты, актуальное членение, эмфаза, модальность и т. д.

Итак, в формировании смысла баннера и реализации его коммуникативных интенций (создание позитивного рекламного образа; стимулирование пользовательской интерактивности) задействован весь арсенал доступных средств. Баннерная стилистика максимально

сближает вербализованный и невербальные компоненты, делая условными их границы: надпись и окружающие ее графические образы должны подтолкнуть адресата к осуществлению гипертекстового перехода. Воплощая в себе мультимедийность и интерактивность как текстовые категории, баннер отражает общие тенденции формирования интернет-стилистики.

Список литературы

- Белошаткова В.А.* Современный русский язык. М., 1989.
- Дедова О.В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008.
- Лившиц Т.Н.* Реклама в прагмалингвистическом аспекте. Таганрог, 1999.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Музыкант В.Л.* Реклама в действии: история, аудитория, приемы: Учебное пособие. М., 2007.
- Санников В.З.* Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., исправл. и доп. М., 2002.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
- Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблема речевого воздействия: Учебное пособие. М., 2006.

Сведения об авторе: *Зинченко Екатерина Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elena86469@yandex.ru

П.А. Рылик

ГОВОРЫ ГРЕЧЕСКОГО ОСТРОВА КАРПАТОС КАК ЧАСТЬ ГОВОРОВ АРХИПЕЛАГА ДОДЕКАНЕЗЫ

В статье рассматриваются говоры греческого острова Карпатос как часть говоров архипелага Додеканезы. Отмечаются общие диалектные черты, характерные для всех островов архипелага, а также локальные особенности языка острова. Приводятся примеры из записей полевого исследования на Карпатосе и представлены диалектные карты, составленные автором.

Ключевые слова: новогреческий язык, греческая диалектология, новогреческие говоры, говоры архипелага Додеканезы.

The paper addresses the question of spoken subdialects used on the Greek Island of Karpathos and analyzes them as a part of the subdialects of Dodecanese Islands, specifying some common features and small differences between the islands as exemplified by fieldwork material. Dialect maps compiled by the author are displayed in the paper.

Key words: modern Greek language, Greek dialectology, modern Greek subdialects, subdialects of the Dodecanese islands.

Традиционно в греческой диалектологии говоры о. Карпатос относятся к говорам архипелага Додеканезы [Κωντοσόπουλος, 2001: 42], наряду с островами Родос, Каstellоризо, Карпатос, Касос, Халки, Тилос, Нисирос, Сими, Калимнос, Астипалеа, Кос и Лерос. В языке архипелага отмечается ряд общих диалектных особенностей, но существуют и некоторые локальные различия. На крупных островах, таких как Родос и особенно Карпатос, наблюдается диалектная вариативность даже между деревнями.

В языке архипелага Додеканезы есть общие черты с кипрским и критским диалектами, а также с говорами близлежащих островов, таких как Икария, Хиос, некоторых из островов архипелага Киклад. На основании сходств и локальных особенностей языка соседствующих островов среди греческих диалектологов нет общего мнения по вопросу классификации говоров архипелага Додеканезы. Х. Панделидис вместе с говорами архипелага Додеканезы исследует говор Икарии и кипрский диалект, поскольку в них можно найти множество общих характерных черт [Παντελίδου, 1929]. Б. Ньютон объединяет в одну группу диалект Кипра, говоры Хиоса и архипелага Додеканезы и называет их юго-восточными диалектами [Newton, 1972]. К. Дитрих расширяет область своего исследования, рассматривая все острова Южного Эгейского моря, а это, помимо островов архипелага Додеканезы, 19 Кикладских островов [Dietrich, 1908].

Диалектологи классифицируют также и острова внутри архипелага. Например, при исследовании диалектной дифференциации греческого языка П. Траджилл составил классификацию диалектов и разделил говоры архипелага Додеканезы на две разные группы: юго-восточные, к которым исследователь относит говоры Родоса, Карпатоса, Коса, Кастелоризо, Лероса (а также говор Патмоса и Кипрский диалект), и восточные, к которым относятся говоры островов Сими, Тилос, Нисирос, Калимнос, Астипалеа (а также говоры Икарии, Хиоса и некоторые говоры Малоазийского побережья) [Trudgill, 2003]. К юго-восточной группе относит говоры Карпатоса и М. Триандафиллидис [Τριανταφυλλίδης, 1995: 259–267], а Г. Хатзидакис называет их южными [Χατζιδάκις, 1905–1907: 250–251].

Опубликованные ранее исследования языка острова Карпатос основаны на материале, собранном в конце XIX — начале XX в. Для того чтобы зафиксировать нынешнее состояние говоров, в 2011 г. нами было проведено полевое исследование диалектной речи на о. Карпатос. Примеры, взятые из материалов записи речи информантов, составляют основной объект нашего анализа.

Отличительной чертой говоров архипелага Додеканезы в целом является слабая артикуляция согласных, что делает речь жителя архипелага Додеканезы трудной для понимания обычного грека.

Особенностями слабой артикуляции на островах архипелага Додеканезы, по мнению Н. Кондосопулоса, являются следующие [Κοντοσόπουλος, 2001: 41–46]:

1. «Поглощение» более «сильным» гласным звуком менее «слабого», т. е. звук [i] или [j] может поглощаться более «сильным» [a], реже [o]: *αηδόνι* ‘соловей’ — *αδόνι* /að’oni¹/, *νεράιδα* ‘нереида’ — *ανεράδα* /aner’aða/ Карпатос; *καημός* ‘печаль’ — *καμός* /kaim’os/ Карпатос, Нисирос, *Μάϊς* ‘май’ — *Μας* /m’as/ Астипалеа, Калимнос, Лерос, Кос, Сими. На Карпатосе отдельные примеры данного фонетического диалектизма можно встретить до сих пор: *γάιδαρος* ‘осел’ > *γάαρος* /ɣ’aaros/, *μακριά* ‘далеко’ > *μακρά* /makr’a/, *μουλάρια* ‘мулы’ > *μουλάρα* /mul’ara/ (Менетес); *ανδρειωμένος* ‘доблестный’ > *ανδρωμένος* /androm’enos/ (Отос, нар. песни).

2. Выпадение фрикативных *β*, *γ*, *δ* в интервокальном положении или в начале слова: *πηγάδι* ‘колодец’ > *πηάδι* /pi’aði/, *σίδηρο* ‘железо’ > *σίερο* /s’iero/, *πρόβατο* ‘овца’ > *πρόατο* /pr’oato/ (на Карпатосе *προύατο* /pr’uato/), *δίχως* ‘без’ > *ΐχως* /’ihos/, *γεμάτος* ‘полный’ > *εμάτος* /em’atos/, *βαρέλι* ‘бочка’ — *αρέλι* /ar’eli/, на большинстве архипелага Додеканезы. Данная особенность достаточно прочно укоренилась в говорах Карпатоса и часто встречается в речи информантов: *δουλεύαμε* ‘рабо-

¹ В данной статье для передачи произношения слов и словосочетаний автор, следуя греческой традиции, использует фонематическую транскрипцию, для передачи отдельных звуков или их сочетаний — фонетическую транскрипцию.

тали' > *'ουλεύγαμε* /ul'evgame/, βράδυ 'вечер' > *βράυ* /vr'ai/, τρώγαμε 'мы ели' > *τρώαμε* /tr'oame/, βάλαμε 'положили' > *'άλαμε* /'alame/, φύγανε 'ушли' > *φύασι* /f'iasi/, παιδί 'ребенок' > *παί* /pe'i/ (Μενетес); λάδι 'оливковое масло' > *λάι* /l'ai/, μεγάλοι 'старые люди' > *μεάλοι* /me'ali/, κουβαλούσαν 'тащили' > *κουαλούσαν* /kual'usan/, δεν είδες 'ты не видел' > *'εν είεε* /en'ies/ (Οτος); δυνατό 'сильное' > *'υνατό* /'inat'o/, να μαγειρέσω 'приготовить' > *να μαειρέσω* /mair'epso/ (Οлимпос).

3. Сочетания согласных ρθ, ργ, βγ произносятся как [rt], [rk], [fk] (на Карп. [rg], [vg], см. карту 1): *ήρθα* 'пришел' > *ήρτα* /'irta/, *πύργος*

Обозначения:

- а). Варианты произношения сочетаний βγ, βδ, γδ, ργ, ρδ:
 ○ - [vɣ], [vð], [ɣð], [rɣ] и [rð].
 ● - [vg], [vd], [ɣd], [rg] и [rd].
- б). Варианты произношения сочетаний θρ, φλ, φρ, χλ, χν, χρ:
 △ - [θr], [fl], [fr], [χl], [χn] и [χr].
 ▲ - [ðr], [vl], [vr], [ɣl], [ɣn] и [ɣr].
- в). Варианты произношения геминаты λλ:
 □ - [ll].
 ■ - [ld].
- г). Варианты произношения ζ:
 ◇ - [dz].
 ◆ - [tz].

Карта 1

‘башня’ > *πύργος* /p’irkos/ (Карп. *πύργος* /p’irgos/), *αυγά* ‘яйца’ > *αβκά* /afk’a/ (Карп. *αβγά* /avg’a/), на большинстве архипелага Додеканезы. На о. Карпатос, как [rk], также прозносится сочетание согласных *ρχ*: *αρχή* ‘начало’ > *αρκή* /ark’i/. Примерами данного явления из полевого материала являются следующие: *ήρθε* ‘пришел’ > *ήρτε* /’irte/, *έρχομαι* ‘приходить’ > *έρκομαι* /’erkome/, *ζευγάρια* ‘пары’ > *τζευγάρια* /tzevg’arja/, *βγάζει* ‘вынимает’ > *βγάλλει* /vg’ali/ (Менетес); *έρχεται* ‘приходит’ > *έρκεται* /’erkete/ (Олимпос).

4. Конечный [n] (-v) сохраняется в номинативных и глагольных формах и ассимилируется с начальными согласными следующих за ним слов из той же ритмической группы: *χαρτί* ‘бумага’ > *χαρτίv* /χарт’ин/; *μια φορά* ‘один раз’ (вин. п.) > *μιαβ βολάν* /mjav vol’an/, *τον λαό* ‘народ’ (вин. п.) > *τολ λαό* /tol la’o/ на всех островах архипелага Додеканезы, как пишет Н. Кондосопулос. На о. Карпатос также встречается данное языковое явление, а факт полной ассимиляции конечного [n] с последующим звуком наблюдается достаточно часто при исследовании диалектного материала с острова: *τον βασιλικό* ‘базилик’ (вин. п.) > *τοβ βασιλικό* /tov vasilik’o/, *να την διορθώσω* ‘исправить ее’ > *να τηδ διορθώσω* /na thδ diort’oso/. На Карпатосе предшествующий [n] ассимилируется и с последующими взрывными [k], [p], [t]: *τον κήπο* ‘сад’ (вин. п.) > *ток κήπο* /tok k’ipo/, *σαν του πω* ‘когда я ему скажу’ > *σατ του πω* /sat tu p’o/. Конечный [n] ассимилируется и со звуком [s], но поскольку двойной [ss] на острове диссимилируется в [ts], звук [n] переходит в [t]: *την σούπα* ‘суп’ (вин. п.) > *τηт σούππα* /tit s’uppa/, *σας έφερε* ‘вас привозил’ > *ήφερνέτ σας* /’ifern’et sas/. Примеры полной ассимиляции конечного [n] со следующим за ним согласным можно найти и в полевого материала с острова: *ήταν χαλκιάς* ‘он был кузнецом’ > *ήδοχ χαρτσιάς* /’idox χартс’j’as/ (Менетес); *πώς να την λησμονήσω* ‘как мне ее забыть’ > *πών να τηλ λησμονήσω* /pon na til lizmon’iso/, *αν θέλεις* ‘если хочешь’ > *αθ θέλεις* /aθ θ’elis/, *αν κουβαλώ* ‘если я буду носить’ > *ак ковалού* /ak kual’u/ (Отос, нар. песни).

5. Полугласный [j] принимает разные формы согласных в зависимости от глухости-звонкости предшествующего ему согласного и локальной специфики островов Додеканезы. Так, например, на о. Калимнос [j] переходит в [s], [z], [ts]: *ποιός* ‘кто’ > *πσός* /ps’os/, *χέρια* ‘руки’ > *σέρζα* /s’erza/, *ήλιος* ‘солнце’ > *ήлтσος* /’iltso/, *παιχνίδια* ‘игры’ > *пайχνίτσα* /peχn’itsa/. А на о. Карпатос [j] в северной и южной зонах переходит в [z] в сочетании с [v]: *βιάζομαι* ‘спешить’ > *βζάτζομαι* /vz’atzome/, в [nj] в сочетании с [m]: *μυιάζω* ‘быть похожим’ > *μvοιάτζω* /mn’jatzo/, в [m] в сочетании со звуками [p] и [mb]: *πιάνω* ‘ловить’ > *μτάνvνω* /mts’anno/, *κάμπια* ‘гусеница’ > *κάμτσα* /k’amtsa/. Но даже на самом острове форма, которую принимает звук [j], раз-

Обозначения:

1. Варианты произношения β и δ в сочетании с [j]:
 - - [vj] (β) и [γj] (δ).
 - - [vzj] (β) и [δγj]/[gj] (δ).
 - ◉ - [vγj] (β) и [δγj] (δ).
2. Варианты произношения ζ , θ , $\lambda\lambda$ и π в сочетании с [j]:
 - △ - [dzj] (ζ), [θj] (θ), [llj] ($\lambda\lambda$) и [pj] (π).
 - ▲ - [zγj] (ζ), [θhj] (θ), [ltz] ($\lambda\lambda$) и [mts] (π).
3. Варианты произношения ρ , σ и φ в сочетании с [j]:
 - - [rj] (ρ), [sj] (σ) и [fj] (φ).
 - - [rzj] (ρ), [lj] (σ) и [f□] (φ).
 - ◼ - [rγj] (ρ), [skj] (σ) и [fh] (φ).
4. Варианты произношения τ в сочетании с [j]:
 - ◇ - [kj].
 - ◆ - [δj] и [δγj].
 - ◊ - [δγj] и [gj].

Карта 2

личается в зависимости от диалектной зоны (см. карту 2). Некоторые изменения согласных в сочетании с [j] сохранились до сих пор: *χωράφια* ‘поля’ > *χωράφτσια* /χор’aftsjɑ/, *μουλάρια* ‘мулы’ > *μουλάργια* /mul’argja/, *παιδιά* ‘дети’ > *παργιά* /peɣj’a/, *να διαβάσουν* ‘прочитать’ > *να γιαβάσουν* /na ɣjɑv’asun/, *αγορασιές* ‘покупки’ > *αγοραχιές* /ɑɣoraɣj’es/ (Менетес); *φωτιά* ‘очаг’ > *φωκιά* /fok’ja/ (Олимпос).

Помимо указанных выше примеров слабой артикуляции, следует обратить внимание еще на одно явление, которое, наоборот,

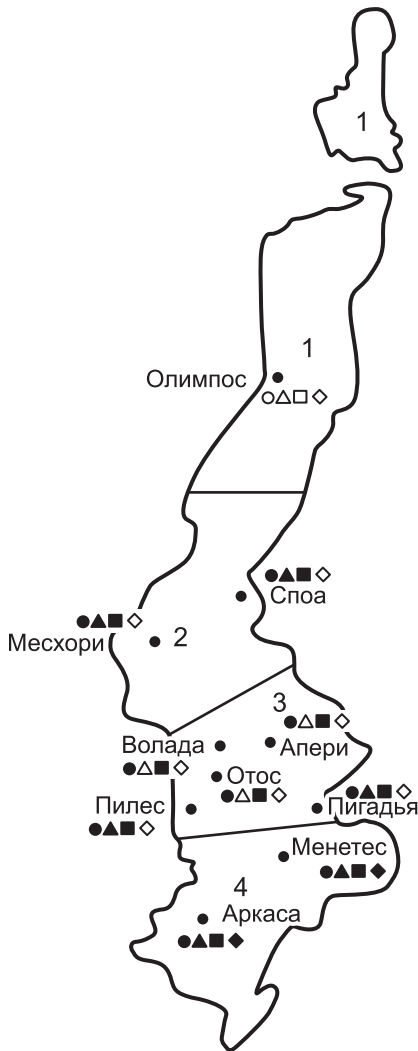
связано с напряжением мышц речевого аппарата. Это геминаты², долгие согласные, известные нам и по кипрскому диалекту. Но если на большинстве островов архипелага Додеканезы двойные [κ, π, τ] произносятся как обычные согласные звуки, за которыми следует густое придыхание (что-то вроде [h]) [Κοντοσόλουλος, 2001: 43], то на Карпатосе они произносятся как долгие. Двойные λ, μ, ν, σ, δ, β, χ, θ, φ на большинстве островов произносятся, как долгие: *ανάθεμα* ‘анафема’ > *ανάθημα* /an’aθθema/, *μπαίνω* ‘входить’ > *μβαίνω* /mb’ɛnno/, *θάλασσα* ‘море’ > *θάλασσα* /θ’alassa/, *κουκούλα* ‘капюшон’ > *κουκούλλα* /kukk’ulla/. Тогда как на Карпатосе произношение геминат [ll] и [ss] несколько отличается. В некоторых деревнях острова двойной [ll] диссимилируется в [ld] (см. карту 1): *άλλος* ‘другой’ > *άλδος* /’aldos/, *παληκάρι* ‘парень’ > *παλδηκάρι* /paldik’ari/, *πουλί* ‘птица’ > *пουλди* /puld’i/. Данное фонетическое явление также встречается в нескольких деревнях северного Родоса, на некоторых Кикладских островах и немного в ином варианте ([ll] диссимилируется в [lt]: *σκύλος* ‘собака’ — *στούλτος* /sts’iltos/) на острове Астипалеа. Двойной [ss] диссимилируется [ts] и на островах Астипалеа, Касос, отчасти на Патмосе и Хиосе: *γλώσσα* ‘язык’ > *γλώτσα* /ɣl’otsa/, *θάλασσα* ‘море’ > *θάλατσα* /θ’alatsa/. Геминаты можно услышать и сейчас на Карпатосе, но гораздо реже. Например, в деревне Менетес — только сонорные [ll] и [mm]: *βάλλαμε* ‘мы ставили’ > *βάλλαμε* /v’allame/, *προκομμένοι* ‘хозяйственные’ > *προκομμένοι* /prokomm’eni/. Такая же ситуация и в деревне Отос: *πολλές* ‘многие’ > *πολλές* /poll’es/. В деревне Олимпос двойной звук [ll] слышится более отчетливо: *Αρχοντούλα* ‘Архондула’ (жен. имя) > *Αρχοντούλλα* /arχond’ul-la/.

Другими важными чертами говоров архипелага Додеканезы являются:

1. Явление цитакизма, когда κ перед звуками [e], [i] и [j] произносится, как [tɕ], отмечено на острове Кос, в северной части Родоса, на островах Карпатос (кроме деревни Олимпос, см. карту 3), Калимнос, Тилос и Нисирос: *εκείνος* ‘тот’ > *ετσεινος* /etc’inos/, *δίκαια* ‘справедливо’ > *δίτσα* /ð’itca/. Цитакизм, когда звук [k] в той же самой позиции переходит в [tʃ], наблюдается на Патмосе. На Карпатосе примеры проявления цитакизма можно услышать до сих пор: *και* ‘и’ > *τσαι* /tɕ’e/, *καιρός* ‘время’ > *τσαιρός* /tɕer’os/, *χαλκιάς* ‘кузнец’ > *χαρτσιας* /χartɕ’as/ (Менетес); *εκείνος* ‘тот’ > *ετσεινος* /etc’inos/, *κι* ‘и’ > *τσι* /tɕ’i/ (Отос).

2. Звук [χ] перед [e] и [i] палатализуется в [s] в столице о. Кос, на о. Калимнос, в Мандраки на о. Нисирос (*χέρι* ‘рука’ > *σέρι* /s’eri/). На большинстве островов Эгейского моря и в нескольких деревнях

² Геминаты в анализируемых диалектах бывают как первичными (*πίττα* ‘пирог’ > *πίττα* /p’itta/), так и вторичными, когда удваивается одиночный на письме согласный (*απίδα* ‘груша’ > *αππία* /app’ia/).

Обозначения:

а). Варианты произношения *κ* перед [e] и [i]:

○ - [k], как в общегреческом языке.

● - [tɕ], цитакизм.

б). Варианты произношения *σκ* перед [e] и [i]:

△ - [sk], как в общегреческом языке.

▲ - [ʃ].

в). Варианты произношения *γγ* перед [e] и [i]:

□ - [ng], как в общегреческом языке.

■ - [ndz].

г). Варианты произношения *χ* перед [e] и [i]:

◇ - [χ], как в общегреческом языке.

◆ - [ʃ].

Карта 3

на Карпатосе [χ] произносится как [ʃ], как на Крите: *χαίρετώ* ‘приветствовать’ > *χ’αιρετώ* /ʃerɛt’o/, *χείλη* ‘губы’ > *χ’είλη* /ʃ’ili/. В материале полевого исследования на Карпатосе встречается следующий пример: *το χειμώνα* ‘зимой’ > *το χ’ειμώνα* /to ʃim’ona/ (Менетес).

Самыми яркими морфологическими особенностями говоров архипелага Додеканезы являются следующие:

1. Глагольные окончания *-ούσι(v)* και *-άσι(v)* 3-го лица мн. ч. настоящих и соответственно прошедших времен (как на Кипре, Крите, в Мани), например: *ράβουν* ‘шьют’ > *ράβουσι* /r’avɥusi/, *έκλεψαν* ‘украли’

> *κλέψασσι* /kl'epsasi/. В собранном нами полевом материале данная особенность также встречается: *λέγουν* 'говорят' > *λέουσιν* /l'eusun/, *δούλευαν* 'работали' > *ουλεύασι* /ul'evgasi/, *φύγαγε* 'ушли' > *φύασι* /f'iasii/ (Μενετες), *γυρίζουν* 'возвращаются' > *γυρίζουσι* /γiir'izusi/ (Οτος).

2. Глаголы, аористная форма которых имеет окончание *-ψα*, т. е. глаголы на *-έω* и *-βω* произносятся как *-έκω* (*-βκω*) или *-έγω* (*-βγω*), как на Кипре. На Карпатосе данное явление широко распространено. Там окончания *-έω* и *-βω* принимают форму *-έγω* и *-βγω*: *κόβω* 'резать' > *κόβγω* /k'ovgo/, *κρύβω* 'прятать' > *κρούβγω* /kr'uvgo/. Сюда можно отнести и глагол *αρχίζω* 'начинать' > *αρκέγω* /ark'evgo/ (*ήρκεψα*). В материале полевого исследования мы нашли такие примеры, как: *δουλεύαμε* 'работали' > *ουλεύαμε* /ul'evgame/, *μαείρευε* 'готовил' > *μαείρευγεν* /ma'irevgen/, *τρίβαμε* 'мы терли' > *τρίβγαμε* /tr'ivgame/ (Μενετες).

3. Глагольное приращение (аугмент) как слоговое (*ε-*), так и количественное (*η-*) широко употребляется на архипелаге Додеканезы в ударном и безударном слогах. При этом на большинстве островов обычно встречается приращение *η-*, а не *ε-*: *πήρα* 'взял' > *ηπήρα*³ /ip'ira/. На Карпатосе приращение *η-* принимают двусложные глаголы, начальный звук которых согласный: *κάνω* 'делать' (*έκανα*) > *ήκανα* /'ikana/, *βάζω* 'ставить' (*έβαλα*) > *ή(β)αλα* /'iala/, а также глаголы *έμαθα* 'узнал' > *ήμαθα* /'imatha/, *έπαθα* 'претерпел' > *ήπαθα* /'ipatha/. В современной речи информантов с острова: *έκλωθα* 'прял' > *ήκλωθα* /'iklotha/, *έπλεκε* 'вязал' > *ήπλεε* /'iplee/. При этом один и тот же информант может одновременно употреблять одну и ту же глагольную форму как с приращением *η-*, так и с *ε-*: *έβαλε* 'положил' > *ήαλε* /'iale/ и *έαλε* /'eale/ (Μενετες); *έπαιρνε* 'брал' > *ήπηρνε* /'ipirne/ и *έπαιρνε* (Οτος). Следует упомянуть, что во всех вышеперечисленных глаголах в формах множественного числа приращение *η-* меняется на *ε-*, когда на приращение не падает ударение (в современной грамматике новогреческого языка в таких случаях приращение отсутствует): *μάθαμε* 'узнали' > *εμάθαμε* /em'athame/, *κάνατε* 'вы сделали' > *εκάματε* /ek'amate/.

Приращение *ε-* на большинстве островов архипелага Додеканезы встречается крайне редко, например: *εγαπούσα*, а не *αγαπούσα* 'любил', ср. с *εγάπουνα* /eγ'aruna/ на Крите. На Карпатосе, в отличие от других островов, приращение *ε-* употребляется гораздо чаще (под ударением и без), чем *η-*, в глаголах с основой, начинающейся на согласный: *δούλεψα* 'поработал' > *ε(δ)ούλεψα* /e'ulepsa/, *μίλησα* 'заговорил' > *εμίλησα* /em'ilisa/. В сегодняшней речи: *παντρεύτηκε* 'женился' > *επαντρεύτη* /

³ В данном случае, скорее всего, наблюдается явление гиперкоррекции, когда по аналогии с *άκουσα* 'услышал' > *ήκουσα* /'ikusa/ количественное приращение *η-* принимает функцию слогового приращения (см. также: *θωρούσα* 'видел' > *ηθάρουν* /iθ'orun/, *έφερναν* 'приносили' > *ηφέρνανε* /if'ernane/).

erandr'efli/ (Μενετες); *περάσαμε* 'мы проехали' > *επεράσαμε* /epɛr'asame/ (Οτος). Причем слоговое приращение на Карпатосе может употребляться и в глаголах, начинающихся на гласный: *αγάπησα* 'полюбил' > *ε(γ)άπησα* /e'arisa/, *οσμίστηκα* 'понюхал' > *εσμίστηκα* /ezm'istika/, а также: *ορφάνεψα* 'осиротел' > *εορφάνεψα* /eorf'anepsa/, *όκνεψα* 'поленился' > *εόκνεψα* /e'oknepsa/. Подобные примеры встречаются и в полевых записях: *αριμέγαμε* 'мы доили' > *εριμέγαμε* /erm'eame/, *αλωνίζαμε* 'мы молотили' > *ελωνεβάμε* /alon'evame/ > *ελωνεύγαμε* /elon'evgame/ (Μενετες). В то же время глаголы, начинающиеся на гласный, получают и количественное приращение η-: *έλλιζα* 'надеялся' > *ήριπιζα* /'irpiza/, *ερχόταν* 'приходил' > *ήρκετο* /'irketo/.

Итак, на фоне основных особенностей говоров архипелага Додеканезы на о. Карпатос выделяются как общие черты, единые для всех островов архипелага (поглощение [j/i], выпадение [v/γ/δ], палатализация заднеязычных, геминаты, употребление аугмента η- и т. д.), так и специфические черты⁴, т. е. локальные особенности говоров острова (локальные изменения [j], диссимилиация геминат [ll] и [ss], своеобразное употребление аугмента ε- и т. д.). Варианты особенностей говоров Карпатоса в зависимости от зоны острова можно увидеть на диалектных картах 1–3.

Как видно из примеров полевых записей, все рассмотренные диалектизмы встречаются и в современной речи информантов, хотя и не в той мере, что в зафиксированных текстах начала XX в., а это безусловно связано с усилившимся за последнее время влиянием литературной нормы греческого языка.

Список литературы

- Dietrich K.* Sprache und Volksüberlieferungen der südlichen Sporaden im vergleich mit denen der übrigen Inseln des Ägäischen Meeres. Wien, 1908.
- Newton B.* The Generative Interpretation of Dialect. A study of modern Greek Phonology. Cambridge, 1972.
- Trudgill P.* Modern Greek dialects. A preliminary Classification // Journal of Greek linguistics. 2003. 4.
- Κοντοσόπουλος Ν.Γ.* Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα, 2001.
- Παντελίδου Χ.* Φωνητική των Νεοελληνικών Ιδιωμάτων Κύπρου, Δωδεκανήσου και Ικαρίας. Αθήναι, 1929.
- Τριανταφυλλίδης Μ.* Άπαντα, τ. 3. Νεοελληνική Γραμματική — Ιστορική Εισαγωγή. Θεσσαλονίκη, 1995.
- Χατζιδάκις Γ.* Μεσαιωνικά και Νέα Ελληνικά, 1–2. Αθήνα, 1905–1907.

Сведения об авторе: Рылик Полина Александровна, аспирант кафедры византийской и новогреческой филологии ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: polina-ellas@mail.ru

⁴ Следует заметить, что на о. Карпатос существует и множество особенностей, характерных только для этого острова, которые не являются вариациями диалектизмов архипелага Додеканезы и не отмечены в статье.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Боратынск и й Е.А. Полное собрание сочинений и писем. Том 3. Часть 1: «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. *Juvenilia*. Коллективное. *Dubia*. Редакторы тома А.С. Бодрова и Н.Н. Мазур. Подготовка текстов и текстологический комментарий А.С. Бодровой при участии А.С. Зарецкого, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова. Сопроводительная статья А.С. Бодровой. Изд. Языки славянских культур. М., 2012. — 608 с.; илл.

Третий том «Полного собрания сочинений и писем Е.А. Боратынского» завершает публикацию лирических произведений поэта, содержит все стихотворения, написанные им с 1835 г. до смерти с подробным текстологическим комментарием (реальный и историко-литературный комментарий составит вторую часть тома). Помимо всех редакций и вариантов стихотворений, очень хорошим сюрпризом прежде всего для исследователей творчества Боратынского, но и для просто любителей его поэзии является включение в Приложение к тому репринтного воспроизведения книги «Сумерки», а также фотокопий рукописных источников: цензурной тетради сборника «Сумерки», всех известных автографов публикуемых текстов, а также нескольких наиболее авторитетных их списков. Кроме того, в дополнение к тому публикуется роспись содержания имеющих важнейшее источниковедческое значение альбомов и тетрадей Н.Л. Боратынской. Все стихотворения (как и в предыдущих томах) печатаются с сохранением орфографии источника. В соответствии с изначально принятыми принципами печатается полный текст всех редакций (как и в предыдущих томах, все редакции печатаются в едином «блоке» под одним номером, начиная с последней, затем тексты ранних редакций в порядке их создания).

После первого знакомства с этим изданием у рецензента, как кажется, неизбежно возникает желание ограничиться собственно текстом, подобным написанному выше, т. е. кратким описанием содержания и принципов издания, присовокупив к нему искренние похвалы и высшие оценки. В самом деле: профессионализм составителей тома не вызывает ни малейшего сомнения, споры о необходимости или ненужности печатания «дореформенных» текстов по старой орфографии отчасти, кажется, ушли в прошлое, отчасти просто не

имеют смысла в данном случае, в случае издания, рассчитанного заведомо на специалистов, исследователей или очень квалифицированных читателей, интересующихся самим творческим процессом и не считающих за большой труд чтение текста «в оригинале». Принцип, при котором каждая редакция представлена полным текстом, а не списком «разночтений», приводимым в разделе «Другие редакции и варианты», также не может вызывать сомнений в научном издании: помимо прочего, это очень удобно для исследователя. Решение частично отказаться от хронологического принципа расположения стихотворений и сохранить композицию сборника «Сумерки» можно только приветствовать.

Тем не менее некоторые решения, принятые в издании, могут вызвать возражения. Мы сразу признаем невозможность обсудить все составляющие этого издания и рассмотрим некоторые принципиальные вопросы на примере важнейшей книги Баратынского, центральной в его позднем творчестве и в этом томе его сочинений, — «Сумерки» (1842). Главной проблемой публикации последнего сборника Баратынского является выбор источника основного текста. К этому вопросу обращается автор сопроводительной статьи «Поздняя лирика Баратынского: источники, история публикации, проблемы текстологии» А.С. Бодрова. Недостатки предыдущих изданий ей видятся в следующем. Традиционно в соответствии с принципом последней авторской воли в качестве основного источника выступал печатный текст, «однако в ряде случаев чтение «Сумерек» отвергалось в пользу вариантов цензурной тетради» (с. 447). Иначе говоря, та правка, которая была внесена поэтом в печатный вариант, исправлялась по цензурной тетради, поскольку предполагалась обусловленной цензурным вмешательством. В своей статье Алина Бодрова абсолютно неопровержимо доказывает, что цензурная тетрадь не является источником для последующего набора. Данная рукопись, с пометками цензора Флерова, была «отозвана» Баратынским и существенно переработана (при этой переработке пометы, сделанные первым цензором, очень слабо отразились на печатном тексте сборника: многие сделанные им замечания попросту не учтены). Затем в цензуру была подана другая рукопись (не сохранившаяся), с которой (вероятно, с учетом цензорской правки, сделанной уже цензором Снегиревым, также неизвестной) и был напечатан сборник. Таким образом, разночтения печатного текста «Сумерек» по сравнению с цензурной тетрадью не могут ни в каком случае однозначно быть определены как вызванные вмешательством цензуры, но, вполне вероятно, являются и плодом творческой переработки требовательного к своим стихам

Баратынского. Если же следовать требованию Томашевского избегать контаминации (*Томашевский Б.В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. Л., 1928. С. 170), то в ситуации, когда невозможно определить, какая точно правка была сделана по требованию цензуры, а какая по воле самого автора, очевидно, правильным решением будет строгое разграничение и двух источников, и двух редакций. Что и делается в издании: как основная принимается печатная редакция, которая и печатается без всяких исправлений, текст цензурной тетради печатается как ранняя самостоятельная редакция.

В соответствии со строго проведенным принципом из состава «Сумерек» исключено (и вынесено в раздел «Стихотворения 1835–1844 годов, не вошедшие в книгу “Сумерки” или написанные после ее выхода») стихотворение «Мою звезду я знаю, знаю...» (1839), присутствовавшее в цензурной тетради, не имеющее там никаких цензурных помет, однако исключенное в печатном тексте. В этом отношении, впрочем, составители следуют уже сложившейся практике.

Читателей, привыкших к определенному виду текстов Баратынского, может шокировать текст «Недоноска» в том виде, как он опубликован в этом томе. В данном издании стихотворение имеет общий номер 197 и печатается в трех самостоятельных редакциях. Под номером 197.1 печатается редакция «Сумерек», под номером 197.2 — редакция (опять же без изменений) первой публикации (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Апрель. Кн. 1. С. 526–528), под номером 197.3 — редакция цензурной тетради. Оставляя за недостатком места остальные детали этого текста, обратим внимание на различия в последней строфе, едва ли не самой знаменитой в этом произведении. Для экономии места представим их в таблице (пользуясь, да простят нас составители, современной орфографией):

Основной текст («Сумерки»)	Ранняя редакция (Московский наблюдатель)	Промежуточная редакция (цензурная рукопись)
<p>Мир я вижу как во мгле; Арф небесных отголосок</p> <p>Слабо слышу... На земле Оживил я недоносок. Отбыл он без бытия: Роковая скоротечность! В тягость роскошь мне твоя, В тягость твой простор, о вечность!</p>	<p>Мир я вижу как во мгле; Арф небесных отголосок</p> <p>Слабо слышу. На земле Оживил я недоносок. Отбыл он без бытия: Роковая скоротечность!</p>	<p>Мир я вижу как во мгле; Арф небесных отголосок</p> <p>Слабо слышу... На земле Оживлял я недоносок. Отбыл он без бытия, Роковая скоротечность! В тягость роскошь мне твоя, О бессмысленная вечность!</p>

Таким образом, для внимательного читателя в последнем издании отсутствует тот вариант, который мы привыкли считать собственно текстом последней строфы стихотворения Баратынского:

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу...
На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия;
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

Иначе говоря, в рецензируемом издании нет такой редакции, где одновременно четвертая строка последней строфы «Недоноска» звучала бы «Оживил я недоносок», а последняя: «О бессмысленная вечность!». В такой редакции стихотворение опубликовано, например, в издании 1936 г.¹ и в дальнейшем перепечатывалось практически везде. С точки зрения составителей новейшего издания, привычный для нас текст является недопустимой контаминацией (с. 40), так как содержит правку редакции «Сумерек» по цензурной тетради.

Возможно, что нами движет желание сохранить привычный текст, который кажется нам наиболее «удачным», однако именно в этом случае хотелось бы высказать сомнения в правильности эдиционного решения. Несмотря на то что тезис о невозможности различить цензурную и индивидуальную творческую правку Баратынского в целом нам представляется бесспорным, не является ли в случае последней строки доказанным и само наличие цензурного вмешательства, и обусловленность правки цензурными причинами? Как указывает сама А. Бодрова, в цензурной рукописи стихотворение завершалось строкой «О бессмысленная вечность!». Флеров подчеркнул слово «бессмысленная», и Баратынский сверху написал «В тягость твой простор, о вечность». Очевидно, это означает, что эта правка сделана в этот момент и в этом источнике по цензурным причинам. Это признается косвенно и составителями, поскольку они в текст «промежуточной» редакции включили именно зачеркнутый вариант, а не написанный сверху рукой самого Баратынского. И это совершенно правильное, на наш взгляд, решение: несмотря на то, что правка Флерова не имела решающего практического значения (поскольку в результате в цензуру была представлена другая рукопись, а эта отозвана), она в любом случае показала поэту вероятную реакцию цензуры. Нет ли здесь противоречия с тем, что в основном тексте использована

¹ *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1–2 / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Купреяновой, И. Медведевой; вступ. ст. Д. Мирского. Л., 1936.

именно эта правка Баратынского? Она сохранена в соответствии с принятым принципом не контаминировать редакции, не вносить никакой правки в печатный текст. Однако в результате получается, что Баратынский исправил строку по цензурным причинам, а сохранил ее по «творческим». Как мы полагаем, такая логика в данном случае неверна, и должен быть восстановлен доцензурный вариант. Другое дело четвертая строка строфы. Как раз в этом случае замена «оживлял» на «оживил» цензурными причинами вызвана быть не может и потому должна печататься в редакции «Сумерек».

По всем этим причинам привычный вариант, отвергаемый составителями как контаминативный, представляется нам правильным и в наибольшей степени соответствующим авторской воле. Мы осмеливаемся сказать и то, что всерьез считаем текст «Недоноска» в издании 1936 г. наиболее «удачным». М. Гофман считал вариант «оживил» опечаткой (и в своем издании напечатал в результате в качестве основного текста цензурную редакцию последней строфы²), нам же представляется, что скорее вариант «оживлял» является ошибкой переписчика, поскольку «длительное прошедшее» время (имперфект) кажется несовместимым с самим понятием недоноска («отбыл он без бытия»). Слова «О бессмысленная вечность!» теснее связаны с содержанием стихотворения, лаконично делают из него вывод: вечность действительно не имеет никакого смысла для души недоноска. Исправленная строка громоздка, вводит не имеющий большого смысла повтор: «в тягость – в тягость», содержит неуклюжее соединение слов «вечность» и «простор» и просто не углубляет мысль стихотворения. Вечность в тягость несмотря на то, что она просторна или вопреки этому?

Мы, конечно, не можем настаивать на нашем «эстетическом» предпочтении «контаминированного» варианта и не предлагаем текстологам и публикаторам в научных изданиях исходить из их вкусов. Мы говорим о другом.

Принцип недопустимости контаминации, отдельности редакций, сформулированный Томашевским, конечно, неотменим, должен быть основой любого научного издания. Однако, как всякий принцип, он является «не догмой, а руководством к действию», не должен вступать в противоречие с принципом, требующим отражения последней авторской воли, избавления текста от элементов, связанных с цензурным вмешательством. В конечном счете, он не должен противоречить логике. Как нам кажется, главной особенностью (мы не хотим, несмотря на все сказанное, назвать это недостатком) этого издания является чрезвычайно жесткое следование указанному

² *Баратынский Е.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. I. С. 291.

принципу. Во многом такой жесткости и бескомпромиссности издание обязано своими огромными достоинствами, делающими его не только лучшим изданием Баратынского, но, несомненно, одним из лучших научных изданий русской классики вообще. Однако в такой последовательности, как показывает пример «Недоноска», есть и своя опасность: в угоду принципам можно потерять текст, отказаться от лучшего его варианта.

В заключение мы хотели бы сказать, что, по нашему твердому убеждению, то обстоятельство, что принципы издания вызывают полемику, является стороной положительной, придающей работе особую ценность. Обдумывая свои возражения, мы имели дело исключительно с самой книгой, которая содержит настолько исчерпывающий материал, представляющий все известные редакции и варианты текстов Баратынского его позднего периода (давая возможность увидеть их в прекрасной фотокопии или в репринте), что создает прекрасную почву для аргументов о текстологии Баратынского не только для самих составителей, но и для их потенциальных оппонентов. Блестящая же ученость, профессионализм трудившихся над томом, автора сопроводительной статьи провоцируют даже неспециалиста по творчеству Баратынского с ними «сразиться», найти спорные моменты в этом, выглядящем идеальным, издании.

М.С. Макеев

Сведения об авторе: *Макеев Михаил Сергеевич*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: makeev_ms@mail.ru

**Г ю н т е р Х а н с . По обе стороны утопии:
Контексты творчества А. Платонова. М.:
Новое литературное обозрение, 2012. — 216 с.**

Автор книги Ханс Гюнтер познакомился с творчеством Платонова в начале 1980-х и с тех пор не только опубликовал десятки исследований (в том числе переведенных на русский язык), но и выступил организатором большой конференции по творчеству Платонова в Мюнхене. Книга «По обе стороны утопии» стала итогом его многолетней работы, научного общения с русскими исследователями (благодарность за замечания и поправки к своим работам он не раз выражал Н. Корниенко и другим) и, безусловно, является значительным событием в платоноведении. Книга охватывает почти все периоды творчества писателя, и предметом исследования в ней становится далеко не только утопия. Тем не менее автор книги не ставит перед собой задачи выстроить свои исследования в систему. Статьи разных лет, из которых большей частью состоит книга, — это разносторонние попытки понять предпосылки и закономерности творчества великого писателя: исследование утопической традиции, советской мифологии, русских реалий начала XX в. и других возможных и реальных контекстов творчества Платонова. Однако благодаря такому подходу исследователю удается то, чего так недостает современному платоноведению, в котором до сих пор сильна неопределенность относительно роли писателя в русской и особенно мировой литературе. Гюнтер же обозначает для Платонова четкое место в мировой традиции утопии и ее русской ветви, идущей, по мнению ученого, от Достоевского; вписывает его в контекст советской литературы; указывает на преемственность по отношению к таким мыслителям, как Чаадаев, Н. Федоров и многие другие.

Исследователь начинает исследование с проблемы, вызывающей наибольшую неопределенность, — жанрового определения вершинных произведений Платонова «Чевенгур» и «Котлован», «отличающихся амбивалентностью оценок и расплывчатостью в плане идеологических классификаций» (с. 179). «Небывалый жанр утопии-антиутопии» (с. 5) подталкивает исследователя создать собственную классификацию утопии. Он выделяет пространственные и временные виды утопических легенд. К последней группе относятся хилиастические представления средневековых западноевропейских сект, связанные с ожиданием конца света. Гюнтер проводит параллель между средневековым Мюнстером и, например, Чевенгуром, в котором наступления коммунизма ждут как «светопредставления». Эта

мысль, которую автор критической статьи о книге Гюнтера Л. Карасев¹ представляет как визитную карточку ученого, кажется наименее убедительной. Такого мнения придерживаются и другие исследователи. Например, О. Корниенко считает знакомство Платонова с работами Луначарского и Каутского, из которых он мог узнать об анабаптистах, недостаточным основанием для сближения платоновских «чудаков» и средневековых сектантов². Действительно, у Платонова «чужого влияния, западной подопрелки <...> нет: даже Карл Маркс и Роза Люксембург в “Чевенгуре” полностью вовлечены в духовный мир русского народа» (с. 22), — отмечает Гюнтер. Поэтому чем ближе исследователь к русскому материалу, тем убедительнее звучат его идеи.

В русскую традицию Гюнтер вписывает Платонова, сопоставляя его с Ф. Достоевским. Эта параллель также могла бы показаться недостаточно близкой, если бы Гюнтер не обозначил и глубокое несходство между утопиями двух писателей. Оно заключается в том, что революция понимается как плод отвлеченной интеллектуальной деятельности в «Легенде о Великом инквизиторе», взята «из головы», и как стихийная потребность русского народа, т. е. «из живота», у Платонова. Достоевский поэтому ближе к традиции интеллектуальной утопии Томаса Мора; «у Платонова эти идеи предстают в форме верований простого народа» (с. 12) и ближе традиции хилиазма, средневековых еретических учений, «апокалиптике русского сектантства и старообрядчества» (с. 22). Специфика платоновской утопии проясняется Гюнтером и в соотнесении с другим русским мыслителем — Н. Федоровым. О преемственности Платонова и автора «Философии общего дела» писали многие. Однако Гюнтер находит глубинный нерв учения: «Федоровская мысль странным образом сочетает культурные механизмы утопического мышления и памяти прошлого, которые в принципе исключают друг друга — ведь утопия определяется как радикальный разрыв с прошлым во имя идеального общества будущего» (с. 31). У Федорова «утопический проект, обычно сопровождаемый вытеснением прошлого, возникает именно в целях сохранения памяти» (с. 32), и именно это соединение несоединимого перенял Платонов в отличие от других, поверхностных, по мнению Гюнтера, идейных «учеников» русского старца, например авангардистов.

Помимо соединения архаической (культ предков) и модернистской (наука как средство воздать долг живых перед умершими) утопий в духе Федорова, Гюнтер называет также и другие особенности утопии Платонова. Как произведениям XX в. — роману и утопическим повестям Платонова свойственна процессуальность:

¹ Карасев Л.В. Рец. на кн.: Х. Гюнтер. По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 179.

² См.: Корниенко О.А. Мифопоэтическая парадигма русской прозы 30-х годов XX века. Киев, 2006. С. 132.

«Платоновская утопия находится в стадии становления и одновременно распада» (с. 9), из-за чего кажется, что Платонов все время пишет «неудавшиеся» утопии, по словам Д. Бетеа (D. Bethea) (с. 9). «Проза Платонова двигается по обе стороны от утопии — на грани между надеждой и разочарованием, конструкцией и распадом, порядком и хаосом» (с. 11), — поясняет Х. Гюнтер название своей книги. Также утопии Платонова характерна авторефлексивность. Идеи никогда не являются догмой, а всегда отчасти противоречивы: «Если вектор утопии устремлен вперед, в будущее, то природно-космический слой отсылает к вечному устройству мира» (там же), и темой многих произведений Платонова является именно «испытание утопии в свете космических ценностей» (с. 12). Поэтому Гюнтер называет произведения писателя метаутопией, так как рефлексия обязательно сопутствует действию и иногда важнее действия. В целом же жанр произведений Платонова определяется исследователем как уникальный, так как «каркас жанра утопии постоянно адаптируется к новым ситуациям» (с. 10), вбирая черты «строительного романа» (К. Кларк), метаромана и других жанров XX в.

Если первая часть книги посвящена проблемам жанра, то во второй части Гюнтер останавливается на постоянных у Платонова темах и мотивах — таких, как мотив жертвы, безотцовщины, детскости, юродства. Ученый пытается рассмотреть их также в широком контексте. Например, жертвенность — неизменную черту платоновских «чудаков» — он представляет как «отпечаток пролетарской культуры» и влиятельного в пролетарской среде голгофского христианства («пролетарская риторика жертвенности» нередко окрашена «в квазирелигиозные тона» (с. 65)). Гюнтер не просто исследует происхождение того или другого мотива, он касается только ключевых для писателя тем. Так, динамика мотива жертвенности у Платонова соотносима, по Гюнтеру, с русской историей: «Основной вектор развития проблематики жертвы у Платонова — сдвиг от пафоса декларации самопожертвования в сторону жертвы враждебного общества — отражает и весь ход русской истории первых десятилетий XX века» (там же).

Помимо мотива жертвы, Гюнтер анализирует излюбленный тип героев Платонова — «нищих духом», предполагая «по меньшей мере три аспекта «духовной нищеты» — детскость, невежество и юродство» (с. 105). Каждый аспект содержит глубокий смысл. Так, детскость «репрезентирует дорациональный образ жизни» (с. 105), незащищенность, а связанный с нею мотив сиротства вообще «является как бы экзистенциалом платоновского мира» (с. 109). Невежество «дураков» из народа выступает у Платонова контрастом по отношению к мировоззрению «умных», грамотных людей и нередко служит «зеркалом, в котором отражаются осколки высокой культуры», выступает «мерилом культуры “ума”» (с. 110). Кстати, отмечает Гюнтер,

подобное понимание «духовной нищеты» ведет к исконно-русской традиции юродства. За мотивом юродства Гюнтер также признает особое значение в творчестве Платонова. Ведь «культура невежества показана изнутри как “свой” мир, элементы культуры письма и науки изображаются как вкрапления из “чужого” мира» (там же). Таким образом, можно говорить о «духовной нищете» не только героев, но и автора: «Детскость, невежество и юродивость» необходимо «рассматривать в качестве сознательной литературной конструкции» (с. 119). Тем самым Гюнтер предостерегает от поверхностного восприятия Платонова: «юродивая» точка зрения предполагает «перевернутый» взгляд на мир, «мир изображается “снизу”, с точки зрения не авторитетной и не подлежащей повседневной рациональности логики» (там же). Речь идет «именно о реконструкции примитива, а не стилизаций и идеализаций, причем совсем не “фольклористически”» (с. 120), что предполагает и особое прочтение такого текста.

Одну главу второй части книги Гюнтер посвящает приему аллегории. Хотя в платоноведении известно достаточно работ об аллегоризме имени героини Москвы Честновой или названия «Котлован», никто не уделял внимания аллегорическим структурам как характерному приему Платонова. Гюнтер же подчеркивает, что именно благодаря ему рядовые явления обретают соотнесенность с философским замыслом писателя. «Природно-космические мотивы — как элементы “онтологического” плана — постоянно участвуют в интерпретации социальных событий» (с. 84). В этой части книги Гюнтер затрагивает и многие другие мотивы, возникающие как следствие утопического мышления героев и ведущие к разрушению человека, в том числе его «последнего убежища» — тела.

Эту мысль Гюнтер развивает в третьей части книги под названием «Телесность», предметом которой становится антропология Платонова. Ученый анализирует мотивы голода, формы любви, смешение свойств животных и людей, «увечность» человека, архетип матери и др. Ученого большего всего интересует представление Платонова о человеке периода «после крушения утопической антропологии» (с. 169). Через изменившуюся концепцию человека он характеризует творчество Платонова периода «Мусорного ветра» и «Счастливой Москвы», «крайней точки кризисного периода» писателя (с. 65).

Преимущественно русскому контексту творчества Платонова посвящена последняя часть книги под названием «Апокалиптика». В ней Гюнтер рассматривает наиболее общие принципы, базовые идеи Платонова. Например, он находит явное сходство между сюжетной основой утопических произведений писателя и русскими старообрядческими, бегунскими и некоторыми другими народными легендами. Вероятно, именно на их основе сформировалось представление Платонова об «успокоительной жизни <...> где бы

дружба отменила все слова и всю премудрость смысла жизни»³. Также ученый анализирует такие фундаментальные категории, как понятия пространства и времени у Платонова. Апокалиптика, пишет он, ссылаясь на идеи П. Чаадаева, возникает в России как результат «необъятных пространств, которые “глощают” и “сжирают” время» (с. 186), из-за чего русская история движется скачками, «изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа» и новое мыслится «не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего» (там же). К апокалиптике ведет и социализм, увлечение которым оказалось таким сильным в России, может быть, именно потому, что он родственен религиозной апокалиптике: «Апокалиптики — как и их наследники, утописты, — принципиально мыслят в категориях “до” и “после” перелома» (с. 189). Апокалиптика, таким образом, признается Гюнтером свойством русского сознания, особенно ярко проступившим в творчестве Платонова. Сюжет главных произведений писателя «Чевенгур» и «Котлован», пишет исследователь, «построен на сходной временной структуре — восходящая линия напряженного энтузиазма и ожидания нового срывается на апогее и переходит в нисходящую, в грустное сознание неудавшегося апокалипсиса» (там же). Неудача обуславливается особенностью утопического сознания писателя: вместе с идеей утопии он «одновременно он выдвигает концепцию времени, основанную на федоровской идее памяти (там же), по своей сути «антиутопический принцип памяти» (с. 192). Этим противоречивым соединением жажды перелома и сохранения прошлого Гюнтер объясняет и глубину платоновской утопии, и секрет жанра «утопии-антиутопии», и крах утопических проектов в финале произведений Платонова. Более того, творчество писателя является для Гюнтера ключом к пониманию русской истории: «Думается, что роман “Чевенгур” в частности и творчество Платонова в целом полнее раскрывают специфику русской революции, чем многие якобы марксистские анализы, в которых марксизм подвергается насильственному выпрямлению для адаптирования его к русским условиям» (с. 202).

С последней идеей трудно не согласиться, как и со многими другими в этой книге. В то же время некоторые утверждения ученого кажутся недостаточно убедительными и требующими опровержения. Безусловно лишь то, что книга чрезвычайно насыщена по содержанию, а ее автор предлагает неординарный, глубокий подход к наиболее сложным проблемам творчества Платонова. И это ставит книгу Гюнтера в один ряд с лучшими работами в платоноведении.

А.В. Гоганова

Сведения об авторе: *Гоганова Александра Владимировна*, аспирант кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: agoganova@mail.ru

³ Платонов А.П. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 2011. С. 58.

Михаил Леонович Гаспаров. 1935–2005 / Сост. Г.Г. Грачева, Ю.Б. Орлицкий, А.Б. Устинов; авт. вступ. ст. С.И. Кормилов, Н.В. Брагинская. М.: Наука, 2012. — 239 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык. Вып. 33)

В академической серии «Материалы к биобиблиографии ученых» вышла чрезвычайно полезная и во всех отношениях замечательная книга, посвященная одному из крупнейших отечественных литературоведов Михаилу Леоновичу Гаспарову. Изданная в формате «ин-кварти» и выпущенная, по всей видимости, небольшим тиражом (он не указан в выходных данных), «эта книжка небольшая» своей содержательностью и значимостью для нашей науки поистине «томов премногих тяжелей».

Выдающийся стиховед, специалист в области классической филологии и истории, теоретик и историк литературы, исследователь русской поэзии и популяризатор античности, ученый-переводчик и публицист, М.Л. Гаспаров внес грандиозный вклад в отечественную филологию. На различных научных (в особенности стиховедческих) конференциях неоднократно доводилось слышать ставшей крылатой в литературоведческих кругах фразу о том, что Гаспаров один заменял целый научно-исследовательский институт (со временем она, возможно, будет приписываться самым разным лицам, как, к примеру, афоризм «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”»). Рецензируемая книга свидетельствует о том, что это высказывание не так уж гиперболлизировано и далеко от истины.

Издание предваряет краткая хронология жизни и деятельности М.Л. Гаспарова (с. 3–5). Она подтверждает хорошо известный и достаточно печальный факт: заслуженное признание пришло к ученому лишь в последние годы. Невооруженным глазом видно, что в «Основных датах жизни и деятельности академика М.Л. Гаспарова» львиная доля этих «дат» приходится на его последние полтора десятилетия. Высокие звания и должности, регалии и премии, членство в редколлегиях и редсоветах — все это сопровождает Гаспарова преимущественно с 1990 по 2005 г. В советское же время власти (или, как он любил говорить, «начальство») к нему особенно не благоволили. Сегодня сложно, например, представить, что одна из самых блестящих гаспаровских книг «Занимательная Греция» (автор считал, что «это самое полезное, что я создал по части античности»)¹ провалялась по редакциям почти пятнадцать лет!

¹ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 314.

В книге о М.Л. Гаспарове несомненную ценность представляют обе ее основные части: биографическая и библиографическая. Биографическая представлена сразу двумя вступительными статьями об ученом. Первая написана доктором филологических наук Сергеем Ивановичем Кормиловым, вторая — доктором исторических наук Ниной Владимировной Брагинской. Оба не только хорошо знали Михаила Леоновича на протяжении многих лет, но и были соратниками по двум его основным служебным ведомствам: стиховедческому и античному соответственно.

В последовавшие за смертью М.Л. Гаспарова годы о нем было написано, казалось бы, немало. Так, в первом номере за 2006 г. журнал «Новое литературное обозрение» напечатал целую подборку статей, воспоминаний, рецензий (принадлежали они В. Живову, А. Жолковскому, Б. Егорову, С. Завьялову, Б. Дубину, Ю. Орлицкому), опубликовал гаспаровские письма к Ю. Щеглову и М.-Л. Ботт (этот памятный 77-й номер получился мемориальным: тогда один за другим ушли из жизни С.А. Старостин, А.П. Чудаков, М.Л. Гаспаров, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский). В том же году в РГГУ выходит солидный сборник «Стих. Язык. Поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова», восемь статей которого (авторы Н. Автономова, Н. Брагинская, В. Григорьев, Е. Душечкина, Г. Кнабе, С. Кормилов, О. Ронен, Ю. Фрейдин) были посвящены самому Гаспарову. Еще через год был напечатан сборник материалов «Вечер памяти Михаила Леоновича Гаспарова» (М.: Дом-музей Марины Цветаевой). В 2008 г. издана уникальная книга гаспаровских писем «Ваш М.Г.». Список этот можно дополнить и другими, в том числе более поздними статьями (С.И. Кормилов, Ю.Б. Орлицкий, П.М. Нерлер) и воспоминаниями (В.С. Баевский) о выдающемся литературоведе.

Однако в случае с Гаспаровым немало вовсе не означает достаточно. Несмотря на целый ряд ценных и многообразных публикаций, не хватало все же большой обзорной работы, в которой были бы проанализированы приоритетные направления М.Л. Гаспарова, охарактеризован его вклад в те отрасли филологической науки, которыми он занимался в разные периоды, выявлена взаимосвязь между ними, равно как и между собственно научной и творческой составляющими его деятельности. Объемная статья С.И. Кормилова «Научное и литературное наследие Михаила Леоновича Гаспарова» (с. 6–46) существенно восполняет этот пробел. С.И. Кормилов отмечает, что «даже изучение научного и творческого наследия Михаила Леоновича Гаспарова — гигантский труд» (с. 46). И с этим невозможно не согласиться. Только описать, причем в самом первом приближении, разностороннюю деятельность Гаспарова равносильно созданию летописи того же научно-исследовательского института, а пожалуй, и нескольких. Впрочем, С.И. Кормилов пишет о Гаспарове

охотно и давно. Еще в 1975 г. он опубликовал свою рецензию на фундаментальную гаспаровскую монографию «Современный русский стих. Метрика и ритмика»², отзываясь с тех пор на все крупнейшие стиховедческие книги ученого, а после смерти Михаила Леоновича опубликовал несколько статей о нем³. Однако очерк «Научное и литературное наследие Михаила Леоновича Гаспарова» и по охвату материала, и по высокому градусу аналитичности, и, позволим себе заметить, по тонкому, порой афористичному стилю превосходит все написанное С. Кормиловым о Гаспарове до сих пор. Если, к примеру, его статья 2006 г. «Михаил Леонович Гаспаров: Масштаб и своеобразие творческой личности ученого» была посвящена в первую очередь вкладу ученого в классическую филологию и стиховедческую науку (недаром она открывалась декларацией: «Сколько ни многообразны области гуманитарных наук, в которых проявился уникальный талант М.Л. Гаспарова, представляется очевидным, что главные из них — две: античная филология и стиховедение»⁴), то в своей новой статье, не обходя вниманием две эти основные, сугубо гаспаровские отрасли, С. Кормилов намечает и анализирует новые аспекты его деятельности: Гаспаров-философ и Гаспаров-публицист, Гаспаров-переводчик и Гаспаров-художник. Так, говоря о Гаспарове-философе, автор отмечает, что письма к Н. Автономовой «демонстрируют его прекрасную осведомленность и в философии, не только античной, но и современной», а в гаспаровских работах (в том числе и научно-публицистических) «немало высказываний, от которых не отказались бы претендующие на титул философа» (с. 38). Анализируя художественные достоинства работ М.Л. Гаспарова, С.И. Кормилов справедливо указывает на то, что не только стихотворения и переводы, но даже «строго научные работы Гаспарова написаны великолепной прозой, обнаруживающей его не только исследовательскую, но и творческую натуру» (с. 39)⁵. Стиль гаспаровских работ, отмечает автор

² Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1975. № 5. С. 79–82.

³ Одна из последних статей С.И. Кормилова еще не учтена в книге. См.: *Кормилов С.И.* Стиховедческие хрестоматии В.Е. Холшевникова и М.Л. Гаспарова и проблема их комментированного переиздания // Отечественное стиховедение: 100-летние итоги и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции. 25–27 ноября 2010 г. / Под ред. С.И. Богданова, Е.В. Хворостьяновой. СПб., 2010. С. 407–420.

⁴ Стих. Язык. Поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 50.

⁵ Пожалуй, одним из первых на яркий, подчеркнuto художественный стиль гаспаровских работ указал С.С. Аверинцев. Еще в 1986 г. в одном из интервью («Не утратить вкус к подлинности») он отмечал, что Гаспаров «владеет даром исключительно сжатой, продуманной во всех направлениях, соразмерно и ясно построенной характеристики. Вот уж где словам тесно, мыслям — просторно. Применительно к его работам непригодно разделение продукции ученого на собственно научную и научно-популярную, потому что в любой его вступительной статье к изданиям серии «Библиотека античной литературы» очень высок коэффициент оригинальности мысли, а его специальные исследования по здравой толковости изложения

статьи, производит не меньшее впечатление, чем их содержание и приводит ряд примеров блестящей стилистики Гаспарова, его острых и парадоксальных высказываний, тонких, глубоких и стилистически совершенных наблюдений. Афоризмам Гаспарова «могли бы позавидовать и политики, и философы, и писатели» (с. 43). Недаром, замечает автор вступительной статьи, «в конце жизни Михаил Леонович все больше уступал своей творческой ипостаси» (там же). Итак, если в работе 2006 г. С.И. Кормилов дифференцирует в Гаспарове прежде всего античника и стиховеда, то в статье образца 2012 г. «типологические линии» становятся более широкими и глобальными: научное и литературное в творчестве ученого.

Менее объемная статья Н.В. Брагинской «Утешение» (с. 47–61) представляет собой несколько сокращенный текст, опубликованный в упомянутом сборнике «Стих. Язык. Поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова». Собственно, здесь два текста: статья, написанная в 1999 г. для словаря русских литературоведов, который так и не увидел свет, и ее эмоциональное, местами поэтическое предварение («Он был словно надсмотрщик над самим собою» или «Разве он на что-нибудь походил? Глядящий из угла, забившийся в щель от нас с вами, между прочим, инопланетянин со светящейся головой» — с. 47, 48). Любопытно, что фрагмент словарной статьи о Гаспарове-стиховеде (он набран курсивом) по стечению обстоятельств написан под чужим именем самим Гаспаровым и, по мнению Н. Брагинской, обладает особой ценностью: «... мы имеем возможность познакомиться с тем, как он сам видел свой вклад в стиховедение» (с. 51). Как и С. Кормилов, Н. Брагинская в своем очерке деятельности Гаспарова освещает соединение в нем филолога-классика и стиховеда. В занятиях античностью «Гаспаров начинает с самой близкой дистанции: приготовляя античного автора для русского читателя, он его переводит», а объем выполненных им переводов «превосходит все известные примеры индивидуального усердия и сопоставим только с выработкой коллективных переводческих машин массовой литературы» (с. 54). Стиховедение же важно для Гаспарова как «область, удобная для разработки методики точного литературоведения, опирающейся на объективные подсчеты: на статистику и теорию вероятностей» (с. 55).

Однако авторы вступительных статей (как, собственно, и авторы других других мемуарных очерков о Гаспарове) не ограничиваются перечислением его научных заслуг и интерпретацией гаспаровских идей. Не менее важен для них и человеческий облик ученого, его уникальные личностные качества. Сам пафос статьи С. Кормилова состоит в том, чтобы разрешить постулируемый им в начале

доступны, пожалуй, любому читателю, который возьмет на себя труд внимательно следить за цепью умозаключений» (см.: *Аверинцев С.С.* Попытки объясниться. Беседы о культуре. М., 1988. С. 35).

своеобразный парадокс Гаспарова: несмотря на то, что сферы его научных интересов сами по себе не могли способствовать популярности («античные литература, история и историография, философия, риторика вполне понятны лишь специалистам, стиховедением никак не может овладеть даже большинство пишущих о поэзии» — с. 6), тем не менее Гаспарова в России и в мире знали лучше, чем кого бы то ни было из современных ученых-гуманитариев. И не случайно природу этого феномена С. Кормилов объясняет не только наивысшим качеством гаспаровских работ, как содержательным, так и формальным, но и «обаянием исключительно неординарной личности Михаила Леоновича» (там же). Самым неакадемичным из академиков именуется он М.Л. Гаспарова (с. 8). А Н.В. Брагинская, отмечая «скромную» эрудицию Гаспарова, его «незнание», за которой стояла мудрость, снисходительность, самоумаление, терпение, деликатность и ранимость, приводит характерное признание самого ученого, который чувствовал себя «слогом силлабического стиха, к которому силлабо-тонические читатели предъявляют каждый свое метрическое ожидание» (с. 49).

Удивительное сочетание в Гаспарове качеств великого ученого и выдающегося человека наталкивают на мысль о том, что уже настала пора соединить обстоятельный анализ научного наследия и житейской биографии автора «Записей и выписок» в отдельную книгу. Разве не достоин Михаил Леонович исследования, подобного, например, замечательной книге Б.Ф. Егорова о Ю.М. Лотмане⁶ или же тома в серии «Жизнь замечательных людей»?

Невозможно переоценить значимость и библиографической части книги о М.Л. Гаспарове. Г.Г. Грачева, Ю.Б. Орлицкий и А.Б. Устинов проделали поистине титанический, «гигантский труд», составив сразу два хронологических указателя. Первый из них представляет собой «Литературу о жизни и трудах М.Л. Гаспарова» (с. 62–74). Он содержит более 150 работ, большинство из которых были изданы после смерти Михаила Леоновича (при жизни Гаспарова число написанного о нем составляет чуть больше сорока публикаций). Второй (и основной) указатель — это хронология работ самого ученого (с. 75–215). Последний особенно впечатляет, прежде всего своей масштабностью, что свидетельствует о научном масштабе самого Гаспарова: он насчитывает 641 позицию и включает гаспаровские труды начиная с 1958 г., в том числе и более 40 посмертных публикаций. В «Хронологический указатель трудов» включены также рецензии на работы М.Л. Гаспарова. Всего их, разбросанных в списке по разным годам, насчитывается 35, что само по себе, учитывая объем и качество продукции ученого, на удивление мало. Можно лишь поражаться, что

⁶ Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М., 1999.

неотрецензированными остались такие фундаментальные труды Гаспарова, как двухтомный «Неистовый Роланд» Л. Ариосто в его переводе свободным стихом и с комментариями (М.: Наука, 1993), трехтомник 1997 г. «О поэтах», «О стихах», «О стихе» и даже «Занимательная Греция», переиздававшаяся более десяти раз! Если в книге учтены все опубликованные рецензии, то нашему взору предстает весьма грустная и неутешительная картина: каково же состояние дел в отечественном литературоведении, если оно позволяет себе «не замечать» выхода книг, подобных гаспаровским?

Одной лишь добротной составленной летописи работ М.Л. Гаспарова и рецензий на них уже было бы достаточно, чтобы признать ценность этого тщательного библиографического учета и систематизации. Но библиографы Гаспарова поставили перед собой (и выполнили) еще более сложную задачу. В «Хронологическом указателе трудов» перечислены все многочисленные энциклопедические статьи М.Л. Гаспарова (в частности, из «Краткой литературной энциклопедии» и «Литературной энциклопедии терминов и понятий»). А по предложению Ю.Б. Орлицкого были поименованы также все переведенные Гаспаровым стихотворения. Например, «Эпиграммы греческой антологии» (М.: Терра, 1999) из серии «Памятники античной литературы» (478 позиция) с указанием гаспаровских переводов занимают шесть страниц печатного текста, а перечень переведенных им эпиграмм и стихов о фигурах красноречия в книге «Поэты «латинской антологии»» (М.: Изд-во МГУ, 2003, позиция 561) — четыре. Таким образом, библиография трудов выдающегося ученого представлена в книге не только чрезвычайно обстоятельно, но и детально.

Завершают книгу два вспомогательных указателя: именной указатель к центральному разделу «Хронологический указатель трудов» (с. 216–227) и указатель периодических и продолжающихся изданий (с. 228–233).

Очевидно и отраднo, что книга «Михаил Леонович Гаспаров. 1935–2005» является необходимым и крайне полезным библиографическим изданием, а кроме того представляет собой весомый вклад в ту отрасль литературоведческой науки, которая лишь формируется, но имеет несомненные филологические перспективы, — *гаспароведение*. Думается, вполне обоснованной будет надежда на то, что через несколько лет потребуются второе, значительно более объемное издание материалов к библиографии нашего выдающегося ученого-гуманитария.

Е.М. Васильев

Сведения об авторе: *Васильев Евгений Михайлович*, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории мировой литературы Ровенского института славяноведения Киевского славистического университета. E-mail: emvas@mail.ru

**М а т я ш С. А. Вольный ямб русской поэзии
XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.:
Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 494 с.**

Монография С.А. Матяш — долгожданное и значительное явление в современном литературоведении. Изучение вольного ямба, одного из ведущих размеров русской классической поэзии, имеет в стиховедении хотя и основательную, но требующую сегодня нового аналитического осмысления традицию. Работы Л.И. Тимофеева, М.П. Штокмара, Г.О. Винокура, Б.И. Ярхо, Б.В. Томашевского, положившие начало описанию ритмической, рифменной, композиционной структуры вольного ямба в рамках новой стиховедческой парадигмы, были написаны в 1920–1940-е годы. Во второй половине XX — начале XXI в. исследователи обращались к этой теме лишь фрагментарно и, как правило, в связи с рассмотрением метрико-строфического репертуара отдельных авторов и поэтических эпох, либо решая типологические проблемы (преимущественно это вопросы о разграничении белого вольного ямба и верлибра, вольного ямба и полиметрической композиции, вольного ямба и переходных метрических форм). Со второй половины 1980-х годов Светлана Алексеевна Матяш была и остается по сию пору наиболее авторитетным специалистом в области истории и типологии «самого свободного размера» (с. 12) силлабо-тонической системы. В этом смысле появление настоящей монографии, которой предшествовали многочисленные публикации автора и ее успешно защищенная в 1986 г. докторская диссертация, — закономерный результат почти тридцатилетних исследований, начатых под руководством профессора Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета В.Е. Холшевникова. Эта книга стала первым фундаментальным исследованием, посвященным возникновению и развитию стихотворного размера, получившего широкое распространение во многих лирических, эпических и драматических жанрах русской поэзии. Аналогичных опытов изучения эволюции структуры и семантики одного размера, его ритмико-композиционной специфики, обусловленной языковой просодией, жанровыми и стилевыми приоритетами, до сих пор не предпринималось. Но именно в такого рода основательных трудах нуждается, на наш взгляд, современное стиховедение, особенно в перспективе создания академической истории русского стиха, в

основу которой должны лечь исследования обобщающего характера, способные создать центростремительную силу для объединения многочисленных наработок многих ученых.

Монография состоит из шести глав, трех «Добавлений» (посвященных пристальному анализу конкретных эпизодов из истории вольного ямба, дополняющих основное повествование) и развернутого Приложения, являющегося по существу справочником — наиболее полным сводом статистических данных по метрико-ритмической, композиционной, строфической, синтаксической, рифменной структуре русского вольного ямба классической эпохи. Первая — теоретическая — глава «Традиционные и новые аспекты в исследовании вольного ямба» обобщает достижения стиховедческой науки в области изучения размера, дополняя их новыми методиками анализа, которые позволяют выделить типологически различные виды стиха, нашедшие воплощение в разных родах и жанрах русской поэзии. Наряду с предложенными ранее параметрами описания вольного ямба — его так называемой формулой (Тимофеев, Штокмар), т. е. частотностью используемых форм стопности (6–3, 6–5–4, 6–4 и т. п.), и «коэффициентом урегулированности», являющимся «частным от деления строк на число гомогенных групп» (с. 29) (Ярхо), — Матяш вводит и новые параметры, среди которых сочетания смежных строк, позволяющие математически корректно выявлять «коэффициент вольности», а также учет графического оформления и синтаксической структуры вольного ямба.

Эта глава служит своего рода плацдармом для аналитической характеристики истории вольного ямба в русской поэзии, которой посвящены следующие пять глав. Актуализация названных параметров позволяет автору последовательно выявить и описать специфические особенности драматического вольного ямба (глава вторая), басенного (глава третья), вольного ямба эпических (глава четвертая) и лирических (глава пятая) жанров и, наконец, вольного ямба эпиграмм (глава шестая). В каждой из этих глав дается характеристика многих модификаций вольного ямба различных жанрово-тематических групп, формирующих особые традиции в русском стихе, в их историческом становлении и развитии. Среди внешних влияний наиболее значительными видятся французское (классицистическое), формирующее контрастный тип вольноямбического стиха, и немецкое (романтическое), порождающее унифицирующий тип вольного ямба.

Наиболее впечатляющей чертой разворачивающейся перед читателем картины бытования русского вольного ямба выступает ее внутреннее качественное многообразие, богатство разновидностей

размера в их эволюции. Принцип исследовательского подхода позволяет понять природу этого многообразия и смысл его изучения. Изначально солидаризуясь с Л.И. Тимофеевым, видевшим в вольном ямбе не обычный размер, а «своеобразную стиховую конструкцию», Матяш трактует его как форму, обладающую большими возможностями курсивов, создающую тройную сегментацию текста (метрическую, синтаксическую, рифменную). Анализ дает возможность, выявляя связи между компонентами структуры и содержательными (идейно-эмоциональными) особенностями произведений, обнаруживать художественно-функциональную роль вольноямбических конструкций. Заметим, что установление семантики версификационных форм общепризнанно является наиболее трудным видом функционального анализа художественного текста.

Вслед за М.Л. Гаспаровым Матяш обращает внимание на необходимость учета для установления формально-содержательных связей не только «органических» соответствий, но и исторически возникающих ассоциаций; и наиболее естественный путь к их систематизации вполне оправданно видит в обращении прежде всего к категориям жанра и стиля. Соответственно, необходимостью становится выявление по возможности всей совокупности возникающих и развивающихся в русской поэзии жанровых и стилевых акцентов при использовании вольных ямбов в каждом из литературных родов. Материал всех глав книги формирует свой сюжет реального функционирования вольноямбических форм в условиях конкретного рода или жанра.

Так, становление русского драматического вольного ямба, впервые ознаменовавшего успех опытов Сумарокова с вольными ямбами, рассматривается на изначально актуальных для него пересечениях с традициями французского и немецкого драматического стиха. В истории русского драматического вольного ямба XVIII — первой половины XIX в. Матяш различает сумароковско-грибоедовский и лермонтовский периоды, сформировавшие полярные типы вольного стиха, ориентированного на французско-классицистическую и немецко-романтическую традиции, с попутным возникновением компромиссных форм и с проявлением собственно национальных особенностей (таков, к примеру, грибоедовский стих с формулой 6–5–4, обнаруживающий большее по сравнению с французским использование пятистопников). С формированием романтизма традиция французского контрастного вольного драматического стиха уступает новой, англо-немецкой традиции, победившей в жанре романтической драмы и оказавшей влияние на формирование русского драматиче-

ского унифицирующего типа, включающего несколько линий: белого вольного ямба с двумя его основными модификациями (5–6–4 и 5–4–6) и рифмованного вольного ямба унифицирующей структуры (дающей четыре модификации от ранних опытов Грибоедова до «Медвежьей охоты» Некрасова). Синтез же двух западноевропейских традиций, происходящий, по наблюдениям Матяш, в 1820-е годы, реализовался в компромиссном унифицирующем, опирающемся на пятистопный ямб, стихе лермонтовского «Маскарада», который успешно использовался до начала XX в.

Иным образом происходят пересечения национальной и западноевропейских традиций в басенном вольном ямбе, также не сводимом к однолинейному поступательному движению (этот материал, на фоне традиционно-родовой организации, выделен в отдельную главу ввиду особой роли, которую играл в этом жанре вольный ямб; особенно существенно, как замечает исследовательница, что он выработал здесь собственный стиховой канон). Проведенный анализ свидетельствует о мозаичном характере становления русского басенного вольного стиха, в истории которого, тем не менее, выделяются две наиболее сильные традиции: сумароковская и херасковско-дмитриевская, связанные с поляризацией басни сатирико-дидактической и повествовательно-развлекательной. Синтез этих традиций (с тяготением к сумароковскому типу) происходит в творчестве И.А. Крылова; а далее, после полувекового перерыва, эта модель возрождается у Демьяна Бедного, еще позже — у С.В. Михалкова.

Эпический вольноямбический стих (в отличие от басенного не выработавший собственного стихового канона и отличающийся внутренним многообразием) сложился как совокупность четырех сосуществующих основных модификаций, обусловленных жанровой спецификой. Это басенный стих поэмы; «легкий» повествовательный стих повестей, поэмы и сказок; ораторский вольный стих русских «поэмы Оссиана» и связанных с ними романтических поэмы; наконец, прозаизованный повествовательный стих поэмы, повестей, стихотворных рассказов. В русле эпических форм вольный ямб обнаружил протейские качества в воссоздании как образа возвышенной поэзии, так и прозы, тяготея то к ораторской лирике, то к стиху драмы с говорными интонациями. В итоге, как выясняется, вся эволюция модификаций эпического вольного ямба определяется жанрово-стилевым развитием русской поэзии.

Разнообразными оказываются и вольные ямбы лирических жанров, среди которых выделяются в первую очередь ораторские, элегии и послания. На их становление оказали влияние те же основополагаю-

щие традиции: классицистического французского контрастного стиха и немецкого унифицирующего; но влияние это было, как показано, качественно и количественно различным для каждого из жанровых типов. Ораторский вольный ямб почти полностью остался ориентированным на первую традицию, проявив характерный для него консерватизм. Элегический вольный ямб, сформировавшийся тоже как контрастный в конце XVIII — первой половине XIX в., в 1840–1860-е годы дополняется унифицирующим типом — в результате чего наблюдается равновесное сосуществование этих двух типов в одном историческом периоде. Этапы его развития во многом повторены и вольным ямбом посланий.

Наконец, вольный ямб эпиграмм, как и басенный, удостоен отдельной главы — по сходным причинам исторической устойчивости структуры. Автор сознательно стремится сделать анализ данной разновидности предельно детальным, чтобы продемонстрировать связь особенностей стиха с особенностями других формантов жанра, в том числе сюжетно-композиционных, которые эпиграмма сохраняла на протяжении своей многовековой истории. Этот замысел успешно реализуется: исследовательница прослеживает, как сложившиеся в эпиграмме типы метрической композиции и характерные для каждого из них ритмико-синтаксические рисунки формируют эпиграмматический сюжет. Показано, как в эпиграмме вырабатывались основные приемы реализации лирической темы, которые использовались близкими жанрами (инвективой, сентенцией, философской и лирической миниатюрой и пр.).

Приведенный нами по необходимости краткий, сугубо конспективный пересказ главных выводов по главам — не способный, естественно, передать всех особенностей и нюансов выделенных и тщательно проанализированных исследовательницей историко-литературных сюжетов из жизни вольного ямба — имеет целью продемонстрировать неоднородность материала и характер исследовательского подхода к нему, непредвзято-творческое умение достигать результата, исходя из его специфики и понимания роли многочисленных контекстов. Множественность влияющих факторов, учтенных в их взаимодействии, формирует в итоге впечатляющую драматургию становления и трансформации вольного ямба как существенной составляющей историко-литературного процесса.

При этом важно подчеркнуть, что исследовательский подход с применением многих методик и с установкой на детальный учет многообразия факторов и процессов истории вольного ямба не только не приводит к деструктивному размыванию самого изучаемого

феномена, но, напротив, позволяет сделать ряд существенных итоговых выводов о самой природе вольноямбического стиха. Например, большей, чем это программируется моделью русского вольного ямба, его урегулированности; наличии скрытой симметрии, своеобразного равновесия метрического строения; существовании двух полярных и трех промежуточных композиционных типов в реальных вольноямбических текстах; формировании устойчивых стиховых канонов, ритмико-синтаксических клише в одних жанрах (басня, эпиграмма) и вариативных норм для жанров более динамически развивающихся, а также составить представление о целом ряде его черт (впервые рассмотренная графика вольного ямба, по-новому расцененная роль рифмования в вольноямбических текстах, отношения с полиметрией и пр.).

Что касается диахронии рассматриваемого процесса, то С.А. Мятш, стремясь к максимально адекватной иерархизации его составляющих, существенно расширяет заявленные хронологические горизонты исследования. Она обращается к вольноямбическим текстам не только XVIII — первой половины XIX в., но и к его предыстории и к периоду дальнейшего развития исследуемого феномена. Фактически ею обследован материал функционирования вольных ямбов на протяжении также второй половины XIX в. и во многом — века XX. Так, в монографии активно фигурируют аналитические обращения к поэзии Н.А. Некрасова, В.Г. Бенедиктова, Я.П. Полонского, К.К. Павловой, К.К. Случевского, А.Н. Апухтина, В.Я. Брюсова, Демьяна Бедного, Саши Черного и др.; материалы по творчеству многих из них включены в таблицы Приложения. Это придает рельефность сделанным обобщениям, давая наглядную возможность судить о степени продуктивности той или иной вольноямбической формы и ее фактическом масштабе.

Рецензируемая монография продумана и тщательно выверена в содержательном и формальном отношении, исключительно корректна методологически. Непредвзятость к исследовательским точкам зрения и сложившимся концепциям позволяет автору, в частности, осмыслить и дать углубленную и взвешенную характеристику ряду давних научных полемик (Винокура с Тимофеевым и Штокмаром о методах изучения вольного ямба, Маймина с Томашевским об истоках стиха «Горя от ума» и др.).

Строгий критик мог бы выделить лишь отдельные относительные неточности формулировок в тексте книги. Так, утверждение автора, что «выражение “вольный стих” в “Письме о правилах русского стихотворства” Ломоносова <...> имело скорее оценочно-

метафорический, нежели терминологический смысл» (с. 25), вряд ли справедливо. В контексте «Письма...», окончательно утверждающего тонический принцип нового русского стиха, «вольными» очевидно именуется размеры с пропусками метрических ударений, т. е., например, полноударный 4-стопный ямб Ломоносов называет «правильным», а тот же размер с пропусками метрических ударений — уже «вольным». Возможно, не вполне удачно сквозное использование в монографии родового понятия «вольный стих» как синонима видового «вольный ямб» (хотя словоупотребление это оговорено и мотивировано автором). Вместе с тем может представиться излишним приведенное в сноске к Добавлению 1 (с. 344) замечание о различении П.А. Рудневым метра и размера — как в силу его давней общепринятости, так и по месту в книге (где данные термины уже использовались в этом значении на протяжении всей предшествующей части).

Об этих частных и — вне всякого сомнения — мелких недостатках можно было бы не упоминать, если бы монография Матяш была адресована исключительно специалистам, без труда ориентирующимся в предмете. Однако перед нами тот редкий случай совмещения «книги для специалистов» и «книги для учащихся», великолепно реализующий пропедевтическую установку повествования о русском вольном ямбе, который должен учесть и последнего упомянутого адресата.

В целом значение этого серьезного и глубокого труда для современной филологической науки трудно переоценить. Изучение исторической поэтики отечественной словесности, особенно активно востребованное в наши дни, с выходом монографии С.А. Матяш пополнилось еще одним фундаментальным и в высшей степени полезным исследованием.

Л.Е. Ляпина, Е.В. Хворостьянова

Сведения об авторах: *Ляпина Лариса Евгеньевна*, докт. филол. наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург). E-mail: larissa.lyapina@mail.ru; *Хворостьянова Елена Викторовна*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ekhvorost@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦЕННОСТИ В МИРЕ СЛАВЯН»

22–23 апреля 2013 г. в Библиотеке Варшавского университета прошла международная научная конференция «Ценности в мире славян» (“Wartości w świecie słowiańskim”), организованная Институтом славистики Польской академии наук, Институтом западной и южной славистики Варшавского университета и Фондом славистики. Прошедшая конференция была четвертой встречей из цикла «Конструкции и деструкции идентичности» (“Konstrukcje i destrukcje tożsamości”). О своем желании участвовать в ней заявило почти 60 ученых из Польши (из Варшавы, Кракова, Торуня, Познани, Люблина, Щецина, Вроцлава, Лодзи и Гданьска), а также исследователи из России, Беларуси и Венгрии, специалисты в области литературы, культуры, истории, философии, социологии, языкознания и антропологии.

Конференция открылась панельной дискуссией «Ценности в мире славян», участие в которой приняли выдающиеся гуманитарии: языковед, этнолингвист проф. Ежи Бартминьский, автор более 500 научных трудов, основатель и главный редактор ежегодника “Etnolingwistyka”, автор концепции и редактор словаря “Słownik stereotypów i symboli ludowych” («Словарь стереотипов и народных символов»), научный сотрудник Института славистики Польской академии наук и Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине, доктор наук Януш Добешевский, профессор Варшавского университета, философ, переводчик, автор монографии, посвященной философии Владимира Соловьева, доктор филологических наук, кандидат педагогических наук Ольга Фролова, старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат наук ксендз Гжегож Цыран, научный сотрудник Кафедры языка и религиозной коммуникации теологического факультета Университета в Щецине, доктор гуманитарных наук Гражина Шват-Гылыбова, профессор Института славистики ПАН и Варшавского университета, главный редактор журнала “Slavia Meridionalis”, историк литературы и культуры, изучающая проблемы культуры на Балканах, в частности вопросы истории идеи, истории религиозных движений, идентичности.

В ходе дискуссии проф. *Е. Бартминьский* подчеркнул значение канона ценностей для формирования идентичности группы. Обратил

внимание на возможность исследования ценностей на двух уровнях — на уровне общенациональной культуры и на уровне народной традиции, содержащей общеславянские черты. Профессор *Я. Добешевский* сосредоточился на существенных для XIX и XX вв. русских концепциях из области истории философии и культуры, в частности на теориях В. Соловьева, Н. Данилевского и К. Леонтьева. *О. Фролова* уделила внимание значению понятий *европеизм* и *европейскость* в русской картине мира. Ксендз *Г. Цыран* поделился размышлениями о роли философии диалога, а проф. *Г. Шват-Гылыбова* рассказала о значении мест памяти в процессе формирования идентичности группы.

В дальнейшем работа конференции проводилась в секциях. 22 апреля параллельно работали три секции, в рамках которых было заслушано 27 докладов, 23 апреля работали две секции, были прочитаны 24 доклада. В каждой секции выделялись тематические блоки. На литературоведческой секции выступили десять докладчиков. Тематика выступлений касалась целого спектра проблем, в частности внимание уделялось творчеству Д. Фурманова, В. Сорокина, Н. Лескова, К. Чапека, С. Цанева и П. Павличича. *Л. Луцевич* представила доклад на тему «Феномен русской исповеди», в котором рассказала о типе авторской исповеди, созданном профессиональными писателями, основное внимание уделяя «Исповеди отщепенца» А. Зиновьева. В языковедческой секции были прочитаны четыре доклада, два из которых были посвящены вопросам этимологии. *М. Якубович* в докладе “Między miłością a miłosierdziem — rozważania etymologiczno-semantyczne” («Между любовью и милосердием — этимологическо-семантические рассуждения») подробно остановилась на понятиях *любовь* и *милосердие*. *Б. Рашевская-Журек* в докладе “O wartości ‘tradycji’ w polszczyźnie na przestrzeni wieków” («О ценности “традиции” в польском языке на протяжении веков») предложила комплексный анализ значения и оценки слова *tradycja* в польском языке. Интерес вызвали доклады, посвященные вопросам философии. *Н. Кутузова* избрала предметом своего сообщения ценности белорусского общества. *А. Кулецакая* в докладе “W poszukiwaniu zaginionego świata wartości słowiańskich — Waclaw Aleksander Maciejowski” («В поисках потерянного мира славянских ценностей — Вацлав Александр Мацеевский») представила взгляды В.А. Мацеевского, выдающегося историка права XIX в. *Л. Мороз-Гжеляк* в яркой манере рассказала о системе ценностей в странах, возникших после распада Югославии, в докладе “Emblematyczne formy manifestowania wartości w świecie rojuosłowiańskim. Patriotyzm” («Эмблематические формы проявления ценностей в послеюгославском мире. Патриотизм»). *М. Дырас* в

докладе “Wartości w czasach przemian. Nowe konstrukcje tożsamości” («Ценности во время перемен. Новые конструкции идентичности») затронула вопросы иерархии ценностей в Хорватии.

Во второй день конференции заседания проходили параллельно в двух секциях, в каждой из которых выделялось несколько тематических блоков. Большой интерес аудитории вызвал блок, посвященный ценностям в семье. *И. Белиньская-Гардзель* в докладе “Wartościowanie ról rodzinnych w ustnych przekazach ludowych” («Оценка семейных ролей в народных высказываниях») подробно остановилась на названиях членов семьи. Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные системе ценностей старообрядцев (*М. Глушковский* “Najważniejsze elementy systemu wartości staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. Na podstawie wypowiedzi przedstawicieli kolejnych pokoleń” («Важнейшие элементы системы ценностей старообрядцев района Сувалки-Августов. На основе высказываний представителей следующих поколений») и *К. Снарский* “Historyczna identyfikacja narodowa staroobrzędowców źródłem współczesnej tożsamości kulturowej” («Историческая народная идентификация старообрядцев как источник их современной культурной идентичности»)).

На заключительном пленарном заседании выступили с интересными сообщениями пять докладчиков: *Я. Зенюкова* “Wartości negatywne w kazaniach kaszubskich z końca XX wieku” («Отрицательные ценности в кашубских проповедях конца XX века»), *А. Нагурко* “Religia a emocje — uniwersalne czy uwarunkowane kulturowo? (na przykładzie Slavia latina)” («Религия и эмоции — универсальное или культурно обусловленное? (на примере Slavia latina)»), *И. Кабзиньская* “Dialog jako wartość (na przykładzie Polaków i Rosjan)” («Диалог как ценность (на примере поляков и русских)»), *В. Высочаньский* “Obraz sprawiedliwości w wybranych językach słowiańskich” («Образ справедливости в избранных славянских языках»), *Р. Гжегорчикова* “Rozumienie pojęcia sprawiedliwości we współczesnej polszczyźnie i problem jego genezy” («Понимание понятия справедливости в современном польском языке и проблема его происхождения»)).

Оживленная дискуссия, которую вызвали выступления, свидетельствовала не только об актуальности и многосторонности обсуждаемой темы, но также о непосредственной связи между теорией и практикой повседневной жизни, в которой на разных ее уровнях проявляются ценности — предмет интереса прошедшей конференции.

Сведения об авторах: *Дорота Пазио-Влазловская (Dorota Pazio-Wlazłowska)*, канд. гуманитарных наук, научный сотрудник Института славистики Польской академии наук. E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

ЮБИЛЕИ

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ КАТАЕВ

12 июля 2013 г. исполнилось 75 лет В.Б. Катаеву заслуженному профессору МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженному деятелю науки РФ, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, заведующему кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Владимир Борисович Катаев родился в 1938 г., окончил филологический факультет МГУ в 1960 г., в 1985 г. защитил докторскую диссертацию. Он один из наиболее авторитетных специалистов в области истории русской литературы, автор более 250 работ по истории русской литературы и компаративистике.

Среди них особое место занимают исследования, посвященные творчеству А.П. Чехова; он является главой международно признанной школы чеховедения. Работы В.Б. Катаева переведены на ряд иностранных языков, имеют наиболее высокий индекс цитирования в специальной литературе, активно используются в учебной и научной работе в российских и зарубежных университетах.

С 1994 г. В.Б. Катаев успешно заведует кафедрой истории русской литературы. Он руководил работой 20 кандидатов и докторов филологических наук, внося большой вклад в подготовку научных кадров высшей школы. При его руководстве расширилось и углубилось научное сотрудничество кафедры с зарубежными литературоведами. Совместно с французскими коллегами подготовлена монография «Чехов и Франция», совместно с учеными Тюбингена — монографии «Чехов и Германия» (1996), «Рихард Вагнер и русская культура» (2001). Исследования В.Б. Катаева издаются в Германии, США, Индии, Китае, Польше, Корее, Словении. Он неоднократно читал курсы лекций в университетах Варшавы, Йеля, Кембриджа, Венеции, Тюбингена, Копенгагена, Гамбурга, Киля, Ольденбурга, Орхуса, Оксфорда.

Трудно найти точку на земном шаре, где бы ни выступал Катаев, только за несколько последних лет он участвовал в научных конференциях в Липецке (2007), Челябинске (2007, 2011), Таганроге (2008, 2010), Мелихове (2008), Санкт-Петербурге (2008, 2009, 2010), Екатеринбурге (2009), Плесе (2009), Иркутске (2011), Тайване (2009), Нанкине (2010), Баденвейлере (2010), Колумбусе (2010), Харькове (2010); его слушали на конференциях и Ломоносовских чтениях, организуемых филологическим факультетом МГУ; на конгрессе МАПРЯЛ (2007); на заседании Ученого Совета Московского университета (2010); на общем собрании Отделения истории и литературы РАН (2010).

Кафедре принадлежит особая роль в организации международных научных конференций «Русская литература и христианство», «Достоевский и мировая культура», «А.С. Пушкин и мировая культура», «Молодые исследователи Чехова».

В монографии «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (МГУ, 1979) автор впервые обосновал понятие системы идейно-художественных координат, в которой строится чеховский мир. В многочисленных откликах на книгу отмечалось блестящее знание мировой чеховианы, оригинальность наблюдений и выводов самого автора. В антологии «Спутники Чехова» (МГУ, 1982) впервые творчество Чехова рассматривается в соотношении с писателями его поколения. В монографии «Литературные связи Чехова» (МГУ, 1989) новаторство Чехова рассмотрено сквозь призму отношений его прозы и драматургии с мировой и русской литературой.

К старшеклассникам, абитуриентам, студентам, преподавателям обращена книга «Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова» (МГУ, 4-е изд., 2004), посвященная новому прочтению рассказов и пьес Чехова, входящих в учебные программы. Два издания в США выдержала книга В.Б. Катаева “If Only We Could Know: An Interpretation of Chekhov” (Chicago: 2002, 2003), построенная как диалог с зарубежным читателем. Второе издание вызвано положительным восприятием книги в научной и общественной печати (рецензии в “New York Times”, “Moscow Times”, “Book Review”, “Slavonic and East European Journal”). В книге «Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники» (М., 2004) представлены страницы истории литературы, прочитанные «на фоне Чехова», а также Чехов, увиденный в его отношениях с «новой европейской драмой». Катаев является инициатором и редактором капитальной энциклопедии «А.П. Чехов» (2011), сборников «Чеховиана», библиографического издания «Чеховский вестник» (вып. 1–26). При его активном участии подробно обсуждается судьба отечественного классического наследия в современной культуре, этой теме посвящена его монография

«Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма» (2002).

В.Б. Катаев входил в состав Чеховской группы ИМЛИ РАН, где готовилось Полное собрание сочинений писателя. Благодаря его трудам воспитывается новое поколение молодых исследователей. Чеховская комиссия РАН и Чеховский семинарий МГУ под руководством В.Б. Катаева стали международно признанными центрами в области изучения биографии и творчества писателя, его литературных связей, поэтики, рецепции. В.Б. Катаев создал свою научную школу в чеховедении. Он является действительным членом МАНПО, председателем диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГУ имени М.В. Ломоносова, членом диссертационного совета при ИМЛИ РАН, членом редсоветов журналов «Филологические науки», “Slavonica”, “Ibsen Studies”.

Ныне его учеников можно встретить повсюду, они занимаются научной деятельностью в самых разных сферах гуманитарного знания. Это стало возможным благодаря блистательному таланту Катаева как организатора, педагога, ученого.

Юбиларом успешно организована учебно-методическая работа кафедры с учетом последних достижений науки о литературе и современных представлений о задачах высшего филологического образования. Результатом этого стало количественное и качественное расширение круга преподаваемых на кафедре дисциплин. По инициативе заведующего были разработаны новые курсы: «Русская классика в контексте мировой литературы», «История русской культуры XI — начала XX веков», «Текстология, источниковедение, библиография русской литературы», «Судьбы классики в эпоху постмодернизма».

В научной работе кафедры последовательно проводится линия на расширение новых направлений в изучении древней и новой русской литературы, вопросов источниковедения и текстологии русской литературы, функционирования русской классики в современном отечественном и мировом культурном контексте.

В день юбилея Владимира Борисовича его коллеги и ученики обращаются к нему со словами глубокого почтения, искреннего уважения, поздравлениями и пожеланиями крепкого здоровья, впечатляющих творческих успехов и плодотворной деятельности на благо высокой науки. К этим словам, несомненно, присоединятся все, кому довелось в жизни соприкоснуться с этим замечательным ученым и человеком.

А.А. Смирнов